- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая

Даниэл Уолмер

Чаша бессмертия

(«Северо-Запад», 1997, том 33, «Конан и чаша бессмертия»)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

В то утро, с которого начался отсчет треволнениям, переживаниям и безумным тратам герцога Гарриго, единственная его дочь, тринадцатилетняя Зингелла, возымела желание совершить небольшую верховую прогулку в окрестностях Кордавы. Пара почтенных дуэний, два-три воздыхателя да пятеро стражников — такой кортеж на богато убранных скакунах с грохотом и гиканьем несся по узким и причудливо изгибавшимся улицам города.

Юная Зингелла, в чьих нежных жилах текла кровь одного из самых родовитых семейств Зингары, отличалась необузданным и азартным нравом. Качества эти присущи зингарцам вообще, в ней же они проявлялись в предельной степени. Бешеная скачка по многолюдным улицам была одной из любимых ее забав. Особенно забавляло юную аристократку паническое шараханье горожан из-под копыт лошадей, их перекошенные в испуге лица и смешно разинутые рты. Впрочем, жители Кордавы имели время привыкнуть к манере езды дочери почтенного Гарриго и, как правило, завидев еще издали высокого черного скакуна, роняющего с губ пену, и маленькую, едва возвышающуюся над холкой фигурку в черном кружевном платье, неистово нахлестывающую потные бока коня, — благоразумно вжимались в стены, освобождая проход.

В то утро все шло как обычно. Грохотали копыта, высекая из булыжников мостовой синие и рыжие искры, ухали стражники, стремились как можно прямее держать спину на полном скаку соперничавшие между собой воздыхатели, сверкала огненно-черными глазами маленькая наездница… Почтенные дуэньи давно отстали и, остановив коней и обмахиваясь страусовыми перьями, обсуждали, как лучше всего представить ситуацию почтенному Гарриго, чтобы получить от него наименьшую выволочку. На повороте к базарной площади, в одном из самых тесных и многолюдных мест города, случилось нечто неожиданное. Старуха в рваной и грязной одежде, разглядывавшая расстеленные для продажи прямо на мостовой дешевые платки ядовитых расцветок, не успела вовремя отскочить с дороги. Вернее, не захотела отскочить, как сделали это все вокруг, ибо времени у нее было достаточно.

Великолепный гигант жеребец Зингеллы отчего-то не врезался в наглую оборванку на полном скаку, что было бы естественно, но шарахнулся в сторону и, заржав, взвился на дыбы. Юная наездница едва не скатилась кубарем наземь и лишь благодаря своей цепкости удержалась в бархатном, расшитом серебром седле.

Побагровев от ярости так, что щеки ее приняли оттенок спелого граната, девушка размахнулась и изо всех сил хлестнула старуху плетью, той самой, что погоняла коня. Ветхая одежда лопнула на костлявой спине. Старуха охнула. Миг спустя она вздернула голову и расхохоталась беззубым ртом. Коричневая морщинистая кожа растянулась в уродливую маску, похожую на ту, что одевают на карнавале, изображая демонов. Смех ее перешел в издевательски жалостливое причитание.

— Ох-ох, бедная моя красавица! Не пройдет и пятнадцати лун, как с тобой случится то же, что случится сегодня с этим красивым кнутиком, которым ты так ласково погладила меня!..

— А! Ты еще угрожаешь мне, грязная тварь! — Зингелла, на этот раз уже побледнев, замахнулась снова, намереваясь теперь рассечь лицо, нагло ухмыляющуюся морщинистую маску.

Но старуха с неожиданной молодой прытью нагнулась и юркнула в ноги толпы, окаменевшей от страха и изумления, и тотчас растворилась в ней, затерялась в водовороте тел, лиц и красок.

Занесенная плеть опустилась на первую попавшуюся под руку спину. Второй удар достался крупу коня. Дернув за поводья, Зингелла развернулась и без единого слова или жеста своим спутникам поскакала назад. Растерянный кортеж загремел копытами следом.

Настроение девушки было непоправимо испорчено, и о продолжении прогулки не могло быть и речи. Проскакав в таком же бешеном темпе до ворот отцовского замка, она резко осадила во дворе взмыленного жеребца и бросила поводья подбежавшим слугам.

Слуга подскочили недостаточно быстро, и их спины также отведали по свистящему поцелую плети. Выбежавший конюший успел увернуться от рвущей воздух гиппопотамовой кожи, но зато получил удар лакированным башмачком в колено.

— Эту тупоголовую скотину, эту пугливую корову не сметь больше оседлывать для меня! — визгливым от ярости голосом приказала дочь герцога. — Отправьте его на шкуру, на колбасу, на корм псам!..

Неистовая скачка и битье слуг несколько охладили ее гнев, но не до конца. Ноздри девушки судорожно расширялись, глаза сверкали, пальцы теребили, ломали и рвали все, что попадалось под руку. Изящный кнут с выложенной перламутром ручкой оказался в числе этих несчастных предметов. Перестав рассекать плечи и спины, он сделался ей ненужным. Зингелла переломила его о колено, даже не осознавая, что делает, и швырнула обломки в костер, полыхавший посередине двора, на котором обычно жарили себе мясо сторожившие ворота охранники.

Поднявшись к себе в комнату, дочь герцога надавала пощечин двум служанкам, недостаточно низко присевшим при виде ее, и выбросила в окно букет роз, показавшийся ей увядшим. Стянув с помощью горничной тесное и узкое черное платье, переодевшись в свободный наряд и сполоснув лицо прохладной водой, она, наконец, успокоилась.

Подойдя к окну, Зингелла принялась размышлять, чем же заменить неудавшуюся прогулку за город и какой скакун с этих пор будет удостоен чести носить ее легкое и гордое тело. Взгляд ее бездумно остановился на полыхающем внизу костре. Один из охранников что-то вытаскивал из огня острием своего меча. Присмотревшись, Зингелла поняла, что это обуглившиеся остатки ее плети, из которых, дуя на обожженные пальцы, солдат пытался выковырять потемневшие чешуйки перламутра.

* * *

Герцога Гарриго нельзя было обвинить в излишней склонности к суевериям. Напротив, скорее то был человек с изрядной долей здорового цинизма, грубовато-земной, безмерно любящий жизнь во всех ее проявлениях. Поэтому, услышав встревоженный лепет Зингеллы о предсказаниях какой-то грязной старухи, он искренне расхохотался. Этим, правда, он вызвал целую бурю слез, крушение фамильного фарфорового сервиза и лавину упреков в холодности и нелюбви. Упреки его огорчили и пристыдили. Свою единственную дочь, «бешеную Зи», как называл он ее, маскируя насмешливостью нежность, оставшуюся без матери в самом

раннем возрасте, герцог не просто любил, но втайне боготворил и слегка побаивался.

Они были очень похожи. Но те черты, которые в герцоге казались полунамеченными, в его дочери достигли полного расцвета. Герцог был вспыльчив и раздражителен, Зингелла — необузданна и горда до бешенства. Герцог был храбр, его дочь — азартна и безрассудна. Внешность Гарриго была благородной, хотя черты лица казались вылепленными излишне поспешно и грубовато. Зингелла обещала вырасти в подлинную красавицу.

Она была невысокого роста, но очень прямой и стройной. Черные волосы, обычно перевязанные на макушке алой лентой, падали на плечи и словно придавливали их своей тяжестью, настолько густыми и непроглядно смоляными они были. Чуть крючковатый нос и жесткое выражение блестящих глаз придавали лицу сходство с хищной птицей. Но капризно изогнутые губы были хороши и соблазнительны, как готовящийся распуститься пион. И без того худенькая, она затягивала платье в талии так, что казалась неестественно тонкой и ломкой, и носила высокие каблуки.

Гарриго и любовался, и гордился своей дочерью, и тревожился за нее. Не раз он замечал с усмешкой, что очень не завидует будущему мужу Зингеллы, и уж лучше тому обручиться сразу со львицей или с зеленой крокодилицей из мутных вод Стикса…

Когда герцог убедился, что слова безвестной нищей старухи всерьез смутили покой его гордой и бесстрашной дочурки, он принял все меры для ее успокоения. Перво-наперво он приказал отыскать старуху и привести к нему. В течение десяти дней дюжина его лучших воинов прочёсывала город и окрестности. Операцией руководили те пятеро стражников, которые видели оборванку в лицо и могли ее опознать. Двое воздыхателей, бывших с Зингеллой в то роковое утро, предложили свою бескорыстную помощь и также потратили немало времени, осматривая улицы, площади и задворки и приказывая поднять голову и подойти ближе каждой подозрительной нищей. Но все было тщетно. Наглая оборванка словно провалилась сквозь булыжную мостовую.

Убедившись, что казнить старуху и внести тем самым покой в растревоженную душу дочери невозможно, герцог пошел другим путем. Он обратился к той публике, которую до сих пор громогласно объявлял обманщиками, шарлатанами и вымогателями, то есть — к гадателям и звездочетам. В Кордаве, как, впрочем, и во всей Хайбории, такого сорта искателей легкого заработка водилось предостаточно. На сбежавшуюся к нему со всех ног — стоило только свистнуть — алчную свору пришлось потратить не один мешок с золотом, но безумные эти траты не достигли цели. Зингелла не только не успокоилась, но, напротив, пришла в еще большее смятение.

Да и как ей было успокоиться, если провидцы и собеседники звезд вещали разное. Часть из них действительно высмотрела опасность для юной дочери герцога, и опасность эта грозила от огня. Об огне намекали свежие потроха черной курицы с красным гребешком, зарезанной точно в новолуние, ибо они были неестественно багрового оттенка. О том же писали ласточки своими острыми крыльями на закатном небе, ровно в тот момент, когда гадатель, предварительно выбрив себе макушку и шепча заклинания, плевал по ветру. Зловеще имитировал вырвавшийся на волю огонь блеск магических кристаллов. В гороскопе девушки большинство планет сгрудились в знаках огня и в обители смерти…

Но другая часть оккультной братии, не менее многочисленная, утверждала, что никакой опасности нет, старуха ж — обыкновенная помешанная. Именно им готовый возрадоваться герцог отвалил больше всего золотых, после чего все они незаметно покинули пределы Кордавы и больше в ней не появлялись.

Наконец, третья часть ученых мужей находила некоторую опасность, но не от огня и не в столь юном возрасте. Кто-то пророчил, что Зингелле надо опасаться своего первенца, но не ранее, чем после рождения двенадцатого ребенка. Другой советовал никогда не предпринимать путешествия на корабле с четным количеством членов команды. Третий зловеще предостерегал от выполнения супружеских обязанностей после того, как ей исполнится пятьдесят три года…

Гарриго был на грани нервной горячки. Он разогнал всех гадателей, заперся в своей комнате и велел никого к себе не пускать. Но в его уединенный, обвешанный толстыми коврами покой все-таки проникал один тревожащий его звук. То был голосок его дочери, с каждым днем становящийся все более звенящим от напряжения, все более пронзительным от сдерживаемого ужаса.

Бледный и похудевший герцог снова открыл свои двери предприимчивым и алчным мудрецам. Правда, он вернул только тех, кто считал, что опасность от огня существует, и категорически потребовал от них точных рецептов избежания этой ужасной опасности. Мнения мудрецов разделились. Один требовал, чтобы Зингелла ежевечерне в течение полутора лет ложилась спать, укутавшись в только что спущенную, свежую шкуру теленка. Другой, с пеной на тонких губах, настаивал, чтобы трижды в день — на рассвете, в полдень и на заходе солнц — девушка сорок раз приседала и трижды поворачивалась вокруг своей оси. Третий рекомендовал принимать ванны из дельфиньего молока… Пятнадцатый настоятельно советовал ни под каким видом не прикасаться к собственной левой ноздре…

Ни пирушки с друзьями, ни взыскательные любовницы, ни военные или охотничьи нужды не отнимали у Гарриго такой уймы денег, что ушла ясновидцам и болтунам в течение какой-нибудь половины луны. Взамен же он получил нервное расстройство, потерю аппетита и стойкое отвращение к запаху тлеющего сандала.

* * *

В таком состоянии и застал его вздумавший навестить доброго приятеля Конан, бывший дикарь из северной Киммерии, теперь ж — корсар на службе Его Величества короля Зингары. Киммериец отличился в недавней битве с аргосской флотилией, за что король Фердруго предоставил ему нечто вроде отпуска. Сойдя на берег, Конан первым делом отправился в особняк Гарриго, поскольку тот не один раз приглашал его отведать отличного вина из его наследных погребов, славящихся по всей Кордаве.

Отношения между киммерийцем и знатным зингарским вельможей назвать дружбой было бы не совсем точно. Слишком разной была их сословная принадлежность, имеющая немаловажное значение во всех цивилизованных странах, а уж в Зингаре особенно. Но они питали друг к другу самые уважительные и добрые чувства. Конан не раз наблюдал Гарриго в бою, отмечая его горячую, бьющую через край отвагу, сочетающуюся с трезвостью рассудка. Не могло не нравиться киммерийцу и то, что знаменитая высокородная зингарская спесь смягчалась в герцоге природной естественностью и открытостью. Даже если он и не считал северного варвара ровней себе, в интонациях речи, с которой он обращался к Конану, это никак не проявлялось.

Герцог же, в свою очередь, относился к Конану с тайной завистью и с тайный же восхищением. Он был искренне обрадован его посещением, хотя радость эта была омрачена тем, что в нынешнем своем состоянии он не мог принять достойного гостя как следует.

— Прости меня, Конан! Столько раз я звал тебя погостить, а теперь, когда ты наконец ко мне выбрался, — ты встречаешь жалкую развалину вместо человека! — сокрушался Гарриго.

Они сидели в креслах возле пылающего очага, так как вечер был прохладный. На герцоге был один домашний халат, полуспущенный с плеч и открывающий шею и часть спины, куда осторожно прикладывал пиявки его домашний доктор, старый Хелио.

— Поверишь ли, если не цеплять перед сном этих кровососущих тварей, не смогу заснуть — так раскалывается голова! — продолжал герцог. — Наверное, нет нужды рассказывать, что стряслось в моем доме и явилось причиной моего недуга. Я думаю, весь город и так судачит об этом на каждом углу.

— Рассказывать нет нужды, — согласился Конан. — Герцог Гарриго — слишком заметная фигура в Кордаве, чтобы о свалившемся на него несчастье нельзя было не услышать от первого встречного. Но, признаться, в таком виде застать тебя я не ожидал.

— Я и сам не ожидал от себя такого!.. — с горечью усмехнулся герцог и поморщился от зуда в шее.

— Не знаю, что тебе посоветовать, — задумчиво произнес киммериец, глядя на пляшущие в очаге рваные лоскутки огня. — На те деньги, что ты отвалил бойким на язык и ловким на руку шарлатанам, можно было приобрести и оснастить целый корабль. Целый корабль, Гарриго! Карак или каравеллу… Нанять хорошего капитана… да вот хотя бы меня! Я уже давно подумываю о том, чтобы оставить службу у толстяка Фердруго и снова стать вольной птицей. Вернее, вольным зверем. Поверь мне, веселая качка палубы под ногами, свист ветра, дюжина бесстрашных головорезов под твоей командой да достойные тебя враги — мигом прогонят все твои хвори!

— Ты забываешь, что я отец, Конан, — печально сказал герцог. — Ты не знаешь, что такое отцовские чувства, и в этом, наверное, твое счастье.

— Я не знаю, что такое отцовские чувства, — согласился киммериец. — Хотя и пора бы, наверное, уже знать. Я ведь старше тебя на три года… Но какие б они ни были, эти самые чувства, не думаю, что они превратили бы меня в доверчивого простака, швыряющего деньги направо и налево и трясущегося от слов глупой старухи.

Гарриго слегка побледнел и поджал губы. Поняв, что выразился чересчур резко, Конан примиряюще улыбнулся и, привстав со своего кресла, похлопал сумрачного приятеля по плечу.

— Не обижайся, не обижайся! Видит Кром, как я хотел бы тебе помочь! Как я хотел бы снова увидеть тебя хохочущим, бесстрашным, бешеным… А кстати, сколько ей лет, твоей Зингелле?

— Недавно минуло тринадцать, — помолчав и прожевав обиду, откликнулся герцог.

— Н-да! Маловато. Будь она года на два постарше, ты мог бы просто выдать ее замуж. Не сомневаюсь, что вокруг нее уже начала вертеться пара-тройка хлыщей с напомаженными усами! Конечно, муж должен быть не из таких. Он должен быть зрелым, хладнокровным, опытным… Но и не дряхлый денежный мешок, из которого песок сыплется!.. Лет тридцати, проявивший себя в битвах. Поверь мне, после свадьбы старуха со всеми ее угрозами мигом вылетит из кудрявой ее головки под напором новых впечатлений! Она ведь горячая девчонка и большая выдумщица к тому же. Ей понравится быть женщиной, уверяю тебя! Кстати, в

Куше и Зембабве выдают замуж уже с двенадцати лет…

Веко герцога задергалось, а губы снова поджались. Слова «горячая девчонка», относимые к боготворимой им дочери, не могли не царапнуть его потаенной родительской гордыни. Поняв, что опять неудачно выразился и вместо утешения еще больше расстроил приятеля, Конан сокрушенно вздохнул. Он замолчал, глядя в огонь и твердо решив про себя в дальнейшем ограничиваться лишь междометиями.

В полной тишине старый Хелио снял с шеи хозяина насосавшихся крови, лоснящихся тварей. Осторожно и любовно ухватив каждую двумя пальцами, он опустил их в хрустальный сосуд с чистой водой. Закрыв его пробкой, старик деликатно кашлянул и негромко осведомился:

— Можно мне вмешаться в ваш разговор, любезные господа?..

Гарриго молча кивнул.

— Прежде всего, я очень попрошу вас успокоиться, мой добрый господин, — сказал Хелио, ласково поглаживая герцога по плечам, которые он вновь укутал воротником халата. — Успокойтесь, успокойтесь, а то кровь ваша так бурлит и кипит, что мои маленькие черные помощницы могут захлебнуться или ошпариться ненароком… Что касается толпы гадателей и звездочетов, то вы очень правильно сделали, что прогнали их всех в шею. Жалко только, что вы не сделали этого сразу, и они успели изрядно потрясти ваш кошелек. Как совершенно правильно заметил ваш достойный друг, лучше было бы на эти деньги купить каравеллу. Или еще один дом… Не могу понять, зачем вы позвали их в таком количестве? Нужно было выбрать из всех одного, кому вы доверяете, и следовать только его рекомендациям!

— Да никому из них я не доверяю, никому! — буркнул герцог и стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Вот и правильно, вот и правильно! — подхватил доктор. — Конечно же, доверять им нельзя!.. Разве вы не слышали историю рыцаря Сталенсо из Гериды? Нет?.. Тогда, с вашего позволения, я расскажу вам ее. Этот самый рыцарь Сталенсо, человек почтенный и достойный всяческих похвал, имел несчастье в молодости обратиться к астрологу, и тот составил ему гороскоп. Гороскоп получился чудесный, рыцаря ждала долгая жизнь, полная многообразных побед и успехов. Боги улыбались ему и на поле битвы, и в спальнях хорошеньких женщин, и во дворцах влиятельнейших особ. Но было там одно маленькое «но». В возрасте тридцати лет рыцарю нужно было быть очень осторожным, ибо жизни его грозила серьезная опасность. И опасность эта исходила от… горошины! Самой обыкновенной маленькой горошины из стручка. Вы усмехаетесь, почтенный капитан Конан, но я рассказываю истинную правду, клянусь вам! Не меч, не кинжал, не яд придворного интригана, не чума — но крохотное семя растения, во множестве покрывающего поля селян… Как только рыцарю стукнуло двадцать девять, то есть за год до роковой даты, он повелел очистить все подвалы своего замка от запасов гороха, а также — для пущей надежности — от фасоли, бобов и риса. Если дела требовали его отлучки из дома, он тщательно планировал свой маршрут и следил, чтобы путь его не пролегал мимо полей, засеянных горохом либо чем-либо напоминающим это бесхитростное растение. Даже гобелены, висящие по стенам его замка, даже картины и статуэтки он внимательно осмотрел и выбросил все, в сюжете которых присутствовало хоть что-то зеленое, маленькое и круглое. И что же вы думаете, мои добрые господа?.. — Доктор выдержал паузу и обвел загадочным взглядом внимающих ему приятелей. — Однажды прекрасным утром незадолго до рокового

тридцатилетия рыцарь завтракал на открытой веранде своего летнего дома. И его первенец, очаровательный пятилетний шалопай, влетел со двора с радостным криком: «Папа! Папа! Ты только посмотри, как метко я научился стрелять!» В руках у мальчугана была тростниковая трубочка, в которую он дунул изо всех своих ребячьих силенок. Мальчишки на улице научили его стрелять горохом, и он был так горд! Горошина, одна-единственная маленькая горошина ударилась об лоб благородного рыцаря Сталенсо, и спустя один вздох тот умер.

— Он все-таки умер! — воскликнул Гарриго, сверкнув глазами и сжав кулаки, а Конан громко хмыкнул.

— Он умер, мой господин, — кивнул доктор. — Но, конечно же, не оттого, что крошечная горошинка ударила его в лоб. Его нервы весь последний год были в таком напряжении, его сердце так издергалось в ожидания грозного удара, а одно прикосновение злополучной горошины повергло его в неописуемый ужас. Ужас был так силен, что сердечная жила разорвалась, и Серые Равнины приняли нового обитателя точно в срок, предуказанный когда-то.

Конан расхохотался.

— Твой хваленый рыцарь был не отважнее зайца! — сказал он, отсмеявшись. — Подумать только: не выдержала сердечная жила, оттого что слишком долго потел и трясся! Представляю, как он вел себя на турнирах и на дуэлях, не говоря уже о полях сражений…

Гарриго не заразился смехом приятеля. Он глубоко вздохнул и скорбно покачал головой.

— Да-да, ты прав: мне следовало бы разогнать эту магическую публику сразу и не тратить на них столько золота… Но как успокоить мне мою дочь? Моя маленькая Зи так изменилась! Ее голосок больше не звенит в доме — то светлый и беспечный, как ручей на поляне, то негодующий, как рык молодой львицы… Она забросила все свои прежде любимые забавы. Она больше не скачет, как юная амазонка, по городским улицам, не порет собственноручно нерадивых служанок, не разит жгучим, как красный перец, язычком своих дураков-кавалеров… Бедное мое дитя все чаще сидит в одиночестве, сжавшись в комок, и в черных ее глаза — затравленность и ужас. Я знаю, в этот момент она видит огонь, в котором сгорел ее кнут с рукоятью из перламутра. Я знаю, бедные губки ее в это время шепчут, подсчитывают, сколько лун, сколько дней осталось ей до рокового дня…

— Видит Митра, как я желал бы помочь нашей маленькой красавице! — горячо воскликнул старик. — Сердце свое бы вырвал из груди и отдал, если бы звездам была угодна такая замена!.. Но вот что хочу я еще сказать вам, мой господин: я слышал об одном настоящем астрологе. Да-да, настоящем! Не чета тем, что бросились врассыпную от ворот вашего дома, лишь только поняли, что здесь им больше нечем поживиться. Очень редко, но встречаются и такие среди болтливой и лживой своры в расшитых звездами колпаках… Живет он в трех днях пути от Кордавы. Он пришлый, аргосец, зовут его Майгус. Я слышал, что если он брался помочь кому-нибудь, то творил поистине чудеса! Правда, нрав у него очень странный, а характер капризный и непредсказуемый. Говорят, иногда он помогает простым людям, тратит по нескольку дней на какого-нибудь оборванца, у которого сбежала корова, и не берет за это даже медной монеты. Иногда же не пускает на порог роскошный караван, груженный подарками, откуда-нибудь из Иранистана (поскольку слава его достигает и этих отдаленных краев). Порой назначает за гороскоп немыслимую цену, услышав которую заказчику остается только плюнуть и уйти восвояси. Порой отказывается от денег, но велит совершить нечто невообразимое, от чего у почтенного человека встают дыбом волосы на бороде… Я не могу поручиться, что этот чудак спасет нашу крошку

Зингеллу. Но отчего бы не попытаться, пока еще есть время и пока еще есть надежда?

* * *

Набитые бутылями дорожные сумки мелодично позванивали в такт крупной конской рыси. Звук этот немного развеивал унылые и скучные мысли, осаждавшие киммерийца, словно рой мошкары где-нибудь в ванахеймской тундре. Чтобы разогнать их окончательно, Конан вытащил прямо на ходу одну из бутылей, хорошенько взболтал, вынул зубами пробку и отхлебнул несколько крупных глотков. Да, Гарриго не прихвастнул: вино в его древних родовых подвалах и впрямь отличное и крепкое, словно ласка красотки после длительного воздержания!

Но все равно он зря поддался на его уговоры вчера вечером…

— Прошу тебя, Конан, сделай это ради нашей с тобой дружбы! — упрашивал его герцог. Изможденный его вид и напряженно горящие глаза придавали еще большую убедительность голосу. — Разве ты не говорил, что хотел бы помочь мне, хотел бы увидеть меня прежним?..

— Говорил! И не отказываюсь от своих слов! Но что ты хочешь от меня? — горячился варвар. — Нужно с кем-нибудь сразиться, скрестить мечи или шпаги?.. Нужно вытрясти из кого-нибудь душу?.. Нужно подставить грудь под удар?.. Что?!.. Я не ослышался: ты просишь меня протрястись шесть дней в седле, чтобы добраться до этого Майгуса (Нергал его побери!) и обратно? У тебя, что, нет гонца и пары охранников в придачу, чтобы поручить им это?.. Или этот самый Майгус отличается свирепым нравом и разрывает на клочки всякого, кто подъезжает к нему ближе, чем на пять локтей!?..

— О нравах и привычках Майгуса я знаю только то, что они непредсказуемы, — терпеливо ответил герцог. — Именно поэтому я прошу съездить к нему тебя, Конан. Ты сам понимаешь, насколько для меня важно, чтобы этот аргосский чудак согласился помочь Зингелле. В ней — последняя моя надежда, последнее мое упование! Не секрет, Конан, для тех, кто тебя знает, что удача бегает за тобой по пятам. О твоих невероятных подвигах ходят легенды по всей Хайбории. Боги любят тебя! Если Майгус почему-либо взбрыкнет и откажется составлять гороскоп Зингелле, один его взгляд на тебя может заставить его переменить решение. Один твой вид, Конан, способен убедить любого!..

На такие слова киммерийцу возразить было нечего. И хотя мысль о предстоящем путешествии нагоняла на него тоску, он согласился. Немало способствовало его согласию и то, что Гарриго обещал плотно набить все дорожные сумы Конана и двух его спутников (солдат охраны, которых он настоял взять с собой для большей надежности) самым отборным вином из своих знаменитых подвалов.

— Но и это еще не все, Конан, — сказал герцог, провожая его ранним утром к воротам своего особняка. — Ты погляди только, какой красавец! Теперь он твой.

Слуги подвели к Конану огромного вороного жеребца, горячего и статного, из лучших аквилонских конюшен. Киммериец восхищенно присвистнул. Высокие и сильные кони, с широкой грудью и холкой в человеческий рост, на которых его мощная фигура смотрелась ловко и соразмерно — были его слабостью.

— Эту зверюгу я подарил Зингелле год назад, — сказал Гарриго со вздохом и провел

ладонью по блестящему крупу, отчего конь фыркнул и замотал головой, раздувая ноздри. — После случая со старухой она невзлюбила его и каждый день спрашивает, спустили ли с него шкуру и отдали ли на колбасу…

— На колбасу — такое чудо?! — Киммериец вскочил в седло и подобрал поводья. — Она большая шутница — твоя Зингелла. Надеюсь, когда с ней будет все в порядке и настроение ее улучшится, она станет шутить веселее!

* * *

К вечеру третьего дня Конан и двое его спутников добрались, наконец, до обители нелюдимого звездочета. К этому времени дорожные их сумки значительно полегчали и не издавали больше мелодичного звона. Зато время в пути пролетело почти незаметно, и все трое — Конан и охранник — прониклись раскованной и теплой приязнью друг к другу.

— Надеюсь, почтенный Майгус не окажется скрягой, — заметил Конан, поворачивая вороного жеребца к видневшейся в десяти шагах от дороги живой изгороди, тесно примыкающей к двухэтажному каменному дому. — Пусть вино в его погребах не такой тонкой выделки, что у Гарриго, лишь бы его оказалось вдоволь!

— Слыхал я, что звездочеты вообще не пьют! — заметил один из охранников, простодушный молодой парень по имени Хорхе.

— Брось! — возразил Грумм, более старший и умудренный жизнью его приятель. — Я слышал как раз наоборот: заливают в себя до тех пор, пока звезды не начинают так и скакать по небу, выписывая немыслимые кренделя!

Подъехав вплотную к дому, Конан сокрушенно присвистнул.

— Похоже, он все-таки скряга! Я слышал, что Майгус богат, словно иранистанский султан. А в таком обшарпанном домишке постыдился бы жить и последний кордавский сапожник!

И впрямь дом выглядел неухоженный и убогим. Кусты и деревья, окружавшие его со всех сторон, были нестрижены и напоминали клочок вольного леса. Крыша из грубой черепицы давно требовала ремонта. Стекла на разноцветных витражных окнах были покрыты слоем пыли. Густой плющ, покрывавший фронтальную стену до самой крыши, напоминал рваный ковер, истрепанный дождями и выцветший на солнце.

Медные ворота не имели запора и открылись от толчка рукой. Вступив в сад, Конан настороженно огляделся. Его могли охранять дикие звери, притаившиеся в густых и буйно переплетенных зарослях. Чуткий слух варвара ловил малейшие шорохи. Впрочем, ведь хозяин дома — маг. Что ему запоры и звери! Может быть, Конан со всего размаха треснется сейчас лбом о невидимую преграду…

Добравшись до входной двери — слегка разочарованный тем, что ничто и никто его не остановил — киммериец уже не удивился, обнаружив ее незапертой. Велев своим спутникам держаться к нему поближе, Конан вошел в дом. Он старался производить как можно больше шума, чтобы привлечь внимание его обитателей и не слишком шокировать их внезапностью своего появления.

Грохот ножен о стены, топот обутых в тяжелую кожу ног и грубые веселые голоса не

остались незамеченными. В прихожую выкатился низенький круглый человечек, босой, лысый, в несвежем и мятом халате.

— Проводи-ка меня, приятель, к твоему хозяину! — обратился к нему Конан, приветственно кивнув. — Спутники мои не прочь передохнуть и подкрепиться с дороги. Наши кони, которых мы оставили в саду, — тоже.

Человечек нагнул голову, как показалось Конану, слегка насмешливо и покатился в глубину дома, приглашающе махнув короткой и толстой ручкой. Охранников он направил в левое крыло обители, откуда доносились теплые и пряные запахи свежеприготовленной пищи. Конана же повел дальше, вертя по сторонам блестящей в свете свечей головой и словно приглашая полюбоваться висящими и стоящими тут и там диковинами. Киммериец не мог не отметить про себя, что внутри дом производил гораздо более роскошное впечатление, чем снаружи. Он уже не казался ни приземистым, ни ветхим. Стены были обиты отличным китайским шелком, полы покрывали ковры причудливых расцветок, любой подсвечник — из бронзы, серебра, нефрита, лабрадора — являл собой произведение искусства. На каждом шагу попадалось что-либо очень красивое и дорогое: то мраморная статуя богини Иштар в полтора человеческих роста, то причудливые водяные часы, издававшие звоном капель определенную мелодию, то чучело невиданного зверя, то что-нибудь совсем непонятное, но притягивающее взор.

Не то что сапожник, но и знатный зингарский вельможа не отказался бы жить в таких хоромах! Конечно, если бы дом не был таким убогим снаружи. Может быть, почтенный Майгус никогда не выбирается за пределы своих стен, и ему неведомо, как неприглядно смотрятся они со стороны?.. Слуг своих он также мог бы одеть поприличнее, во всяком случае, не заставлять их шлепать по паркету из мореного дуба босиком…

Дойдя до небольшой круглой комнаты, выдержанной в малиновых тонах, лысый человечек остановился и неожиданно плюхнулся в одно из бархатных кресел. Не позволив себе выказать удивления, киммериец с достоинством опустился в другое кресло, напротив.

— Итак, зачем тебе нужен хозяин этого дома? — спросил человечек, ерзая и подергиваясь, чтобы устроиться поудобнее.

— Я предпочел бы объяснить это самому почтенному Майгусу, — ответил Конан. — Разговаривать с его слугами мне кажется пустой тратой времени.

Человечек подпрыгнул в кресле и хлопнул ладонями по подлокотникам.

— Брось, мой мальчик! Ты отлично понял, что перед тобой сам Майгус. Зачем же показывать себя большим варваром и дикарем, чем ты являешься на самом деле?..

В последний раз Конан слышал обращенные к себе слова «мой мальчик» лет двадцать или более назад. Хмыкнув, он обратил на сидящее напротив него нелепое существо более внимательный взор.

Майгусу было на вид лет пятьдесят. На смугло-желтом морщинистом лице, выдававшем аргосца или шемита, усмехались умные круглые глаза, темные, с желтыми белками. Нос был короткий, курносый и вздорный, подбородок — безвольный и скошенный. Весь он был мягкий — несмотря на толщину — гибкий. Больше всего он напоминал старую, но подвижную и жизнелюбивую черепашку, каким-то образом умудрившуюся потерять свой панцирь.

— Если ты забыл, зачем пришел ко мне, можешь вспоминать неограниченно долгое время, но только — в одиночестве! — нетерпеливо воскликнул звездочет. — Я очень дорожу каждым своим мигом и потому не могу рассиживаться тут попусту!

— Я не забыл! — откликнулся Конан. — Мне тоже неинтересно задерживаться здесь надолго, поэтому я расскажу очень быстро, в двух словах. Герцог Гарриго, известный зингарский вельможа…

— Погоди! — воскликнул Майгус, взмахнув руками. — Только один вопрос! Скажи мне, могучий и медлительный чужеземец, нет ли у тебя брата-близнеца?..

— Брата-близнеца? — переспросил Конан, недоумевая, что значит этот вопрос. — Нет. У меня вообще нет братьев. Но отчего ты спрашиваешь? Ты встречал кого-нибудь, похожего на меня?..

— О, да! Очень и очень похожего! Такого славного, крепкого молодца, которого не могу с тех пор забыть. Но если он не был твоим братом, не будем больше о нем… Так о чем ты хотел рассказать мне? Что это за неотложная причина, подвигнувшая тебя нарушить мое стариковское уединение?

Точными и сухими словами киммериец обрисовал несчастье, выпавшее на долю герцога Гарриго и его дочери, так некстати огревшей кнутом зазевавшуюся старуху.

Майгус слушал внимательно, почесывая крохотный подбородок, беспрерывно ерзая и меняя положение тела, словно никак не мог выбрать самое удобное. Когда Конан окончил свой лаконичный рассказ, звездочет спросил:

— А знает ли герцог Гарриго, что для того, чтобы составить точный гороскоп его дочери, мне нужно знать о ней очень многое?

— Он знает об этом, — кивнул Конан. — Его предупредили те, кто уже имел счастье встретиться с тобой. — Порывшись за пазухой, он вытащил и протянул хозяину объемистый свиток пергамента. — Вот, тут есть все. Портрет Зингеллы, очень точно срисованный с нее искусным художником. Точное время и место ее рождения. Вот перечень всех ее родинок — в каком месте каждая. Сказали, тебе особенно нужно знать всю эту ерунду… Вот прядь ее черных волос. Вот отпечатки сажей, взятые с обеих ладоней. А тут написано, в какую сторону закручиваются волосы на ее затылке…

— Хватит, хватит. — Нетерпеливо закивав, Майгус взял свиток. — Я вижу, герцог Гарриго хорошо наслышан о методах моей работы. Думаю, всего этого будет вполне достаточно. Правда, в последнее время я крайне редко стал заниматься астрологической практикой. В более интересные занятия и исследования окунается теперь мой ум… И я намеревался было отказать тебе, Конан-варвар, как только ты завел речь о том, ради чего добрался сюда. Я бы обязательно отказал, если бы речь шла о гороскопе для самого Гарриго, или его жены, или двоюродного дядюшки. Но — единственная дочка! Это совсем другое дело. У меня тоже есть дочь, единственная. Взбалмошная, строптивая, капризная — увы! — полностью проглотившая мое сердце. Так что я знаю, что это такое…

— Да, чуть не забыл! — Конан отцепил от пояса небольшой, но увесистый мешочек, приятно звякнувший, и перебросил его звездочету. — Гарриго просил передать, что через полтора года, если с его дочерью не случится ничего нехорошего, он пришлет еще два таких же.

— Возьми его назад, Конан! — Повертев и взвесив в ладонях, Майгус бросил мешочек обратно.

— Но почему?! — нахмурился варвар, готовый оскорбиться.

— Я бы взял его, если б от меня требовалось только составить гороскоп, — объяснил звездочет. — Но ведь Гарриго нужно, чтобы я помог изменить страшную судьбу его дочери. Не так ли?..

Конан кивнул.

— А попытаться изменить повеление звезд можно при одном непременном условии: если я очень пожалею эту девушку, посочувствую ей, приму ее в свою душу, как собственную дочь. Если ж в голове моей поселится мысль о будущих мешочках с золотом, ничего не получится. Ты понимаешь меня?..

— Не особенно, — признался киммериец. — Мне кажется, вполне можно сочувствовать девушке и любить при этом мешочки с золотом, или наоборот — сочувствовать золоту и любить девушку. Не представляю, как одно может помешать другому. Впрочем, ты вполне оправдываешь слухи, которые о тебе ходят, поэтому я не удивляюсь и не настаиваю. Не думаю, что Гарриго сильно расстроится, когда я верну ему назад его деньги.

— Он не расстроится, уверяю тебя! — покивал головой Майгус и спрыгнул с кресла, шлепнув босыми пятками о паркет. — А сейчас я оставлю тебя и примусь за работу. Случай этот очень серьезный, и я не знаю, сколько времени мне потребуется. Может быть, дней пять, а может и поллуны… Очень возможно, что у меня вообще ничего не получится. В таком случае я прямо скажу вам об этом, не прибегая к красивой лжи, которой, как я понимаю, опутали с головы до ног бедного Гарриго мои так называемые собратья.

— Это было бы весьма достойно с твоей стороны, — кивнул Конан, также поднимаясь с кресла.

Перспектива провести в этом захолустье неизвестно сколько времени отнюдь не воодушевила его, что нетрудно было прочесть на его враз поскучневшем лице. Заметив это, Майгус расплылся в неком подобии радушной улыбки.

— Я понимаю, любезный гость, каким скучным может показаться пребывание в этой глуши тебе и твоим солдатам…

— А нет ли у тебя винного погреба? — с надеждой перебил его киммериец.

— К сожалению, нет. Ни я, ни моя дочь, ни мои малочисленные слуги не пьем вина. Но в четверти дня пути отсюда есть деревушка с вполне приличной таверной. При таверне есть постоялый двор, так что твои солдаты могут поселиться там, чтобы не совершать каждый день утомительный путь туда и обратно. Ты же, посланник герцога, можешь выбирать: либо присоединиться к своим ребятам, либо жить в моем доме — увы! — лишенном винного погреба, как и многих других приятных вещей. Сам я целиком уйду в работу, и вряд ли мы будем видеться, даже мельком. Но у меня есть дочь, молодая и очень умная девушка. Она не позволит тебе скучать, я очень надеюсь. Так что выбор за тобой, киммериец.

«Положим, чтобы выбрать, сначала нужно взглянуть на дочку», — подумал Конан, но вслух от подобного замечания удержался, лишь хмыкнул многозначительно.

— Впрочем, сначала надо познакомить тебя с дочерью! — воскликнул Майгус, прочитав его нехитрые мысли, и хлопнул себя по гладкой и словно покрытой желтоватым лаком макушке. — Должен только предупредить тебя, Конан. Дочь моя росла и воспитывалась в почти полном одиночестве, игрушками ее были магические кристаллы и талисманы, с десяти лет она зачитывалась книгами по мантике и астрологии… Сам понимаешь, это не могло не наложить отпечатка на ее характер. Она немножечко странная, моя Иглессия… — Майгус произнес имя с такой нежностью, что Конану стало ясно, как много значит для старика его странная дочурка. Открытие это наполнило его уверенностью, что гороскоп для Зингеллы, такой же единственной дочери у отца, будет сделан со всей добросовестностью. — Она взбалмошная и эксцентричная. Одиночество приучило ее разговаривать и смеяться саму с собой. Ей уже минуло двадцать, но порой она шалит и

озорничает, словно малый ребенок…

«Пожалуй, лучше провести это время с ребятами в таверне, — подумал Конан, не питавший особых пристрастий к эксцентричным девицам, воспитанным на магических кристаллах и тайных книгах. — Если она еще и похожа внешне на своего папочку…»

Но лишь только, повинуясь зову отца, в комнате возникла Иглессия, варвар мгновенно переменил свое решение.

* * *

— …Теперь взгляни сюда, Конан, на этот меч. Не правда ли, отличный экземпляр?.. Глядя на него, ни за что не скажешь, что его выковали целых четыре тысячи лет назад! Его лезвие так светло и прохладно, на нем нет ни единой зазубрины, словно и не орошали и не разъедали его все эти годы бесчисленные потоки горячей вражеской крови… Словно и не разрубал он со всего размаха мириады черепов и костей… Он напоминает мне вечный лед. Голубые острые вершины гор где-нибудь в сумрачной Гиперборее, где и был он призван к жизни в незапамятные времена. Знаешь ли ты, что у многих народов меч служит символом мировой оси, соединяющей небо, землю и подземный мир? В Гиперборее, Асгарде и Ванахейме в тайниках жрецов хранятся мечи, очень древние, наделенные магической силой первобытных творцов космоса из хаоса, мечи, которым поклоняются, как божествам. Им приносят в жертву людей и животных. Из каждой сотни пленных один мужчина, самый могучий и мужественный, торжественно лишается головы на алтаре, рядом с воткнутым вертикально в землю бессмертным оружием. Этот меч — он из тех самых. Меч-бог!

Иглессия провела пальцами по огромному лунно-блестящему клинку. Ее голубые глаза, такие же холодные и блестящие, что и божественное лезвие, светились гордостью и восхищением. Вне всяких сомнений, меч для нее был живым и очень почитаемым существом.

— Все, кому доводилось когда-либо касаться этой рукояти, становились его слугами. Не он, меч, служил им, но наоборот: сражавшиеся им были преданными его служителями, послушными исполнителями высшей его воли. А знаешь ли ты, что у этого меча есть имя? Но очень мало кто его знает, и вслух произносить его нельзя… Если ты задумаешь покончить с собой, киммериец, делай это мечом и ничем больше. Только удар благородного меча придает этому поступку высокое достоинство… Когда мне нужен совет, я прихожу не к отцу своему, но сюда, к нему, как к оракулу. Он разрешает самые неразрешимые вопросы… Если к нему приблизится тот, кому суждено окончить свою жизнь на плахе, самый конец лезвия побагровеет и задрожит. Подойди-ка ближе, киммериец, еще ближе! Видишь, меч спокоен, значит, тебе эта позорная судьба не грозит.

Все стены просторной комнаты, куда Иглессия привела Конана, от пола до потолка были увешаны узорными коврами. На медных гвоздях, вбитых прямо в пушистый ворс, висело невероятное количество оружия. Мечи, луки, дротики, арбалеты, секиры, трезубцы… Такого изобилия роскошных орудий смерти, любовно собранных вместе, Конану прежде видеть не доводилось.

— Взгляни теперь на эти кинжалы, Конан. Если меч виден всем и укрыть его

невозможно, то это маленькое и юркое оружие прячется в складках одежды или за отворотами сапог и наносит удары исподтишка. В отличие от благородного и гордого меча, кинжал олицетворяет низость, предательство. Впрочем, порой он служит заменой славного лезвия и в таком случае принимает на себя высокий смысл последнего. Скажем, когда все мечи поломаны, стрелы кончились, а битва все продолжается. Или когда необходимо срочно совершить самоубийство, а меч раздобыть невозможно — тогда позволительно заколоть себя и кинжалом. Правда, смерть в этом случае получается несравненно менее красивая…

А вот двусторонняя секира — лабрис! Формой своей она напоминает мотылька, верно? Есть легенда, что когда-то очень давно любимый голубой мотылек богини Иштар превратился в стальной лабрис. Это случилось оттого, что богине грозил насилием мерзкий змееподобный Сет и потребовалась ее защита. В древности лабрис разрешалось носить только женщина — жрицам Иштар. Теперь же им размахивают во все стороны и сносят чужие головы все кому не лень… А вот копье с древком из ясеня. Наконечник его позолочен, так как издавна копье является символом солнечного луча. Если висящее на стене копье вдруг задергается само собой — жди в скором времени землетрясения или урагана. Копье также служит символом мужской силы, плодородия…

А вот из этого лука стреляла когда-то предводительница амазонок. Наверное, ты слышал, Конан, об этом племени презирающих мужчин воительниц. Не знаю, верно ли это, но ходят слухи, что амазонки выжигают себе в детстве правую грудь, чтобы она не мешала как следует натягивать тетиву. Детей они рожают мало, так что одной груди оказывается вполне достаточно…

А вот великолепный бич из шкуры гиппопотама! Символ ярости, мести, правосудия. Как здорово он свистит при ударе! Не такой ли плеточкой малышка Зингелла приласкала оборванную старушку? Старушка, хоть и была безоружна, сумела достойно отомстить за удар. Не смотри на меня так удивленно, Конан: я слышала все, что ты рассказывал моему отцу, слово в слово. Мой отец знает об этом и нисколько не сердится на меня, догадываясь, от кого унаследовала я свое любопытство… Но не надоело ли тебе здесь, любезный мой гость? Кажется, я совсем заговорила тебя!

— Ничуть! — откликнулся Конан, переводя взор с чудесной коллекции на Иглессию и обратно. (И то, и другое с одинаковой силой притягивали внимание.) — Я с удовольствием побродил бы здесь еще.

— О, у тебя будет время! — махнула рукой девушка. — Что касается меня, то язык мой совсем высох от долгой болтовни! Не прогуляться ли нам по окрестностям, северный гость? Не настрелять ли дичи к ужину?

— Я не против! — с готовностью отозвался Конан.

Девушка прошлась вдоль стены, задрав голову и выбирая себе оружие. Киммериец невольно отметил про себя, что прекрасная дочь звездочета (хвала Крому, не похожая на отца ничем!) удивительным образом напоминает красивые и грозные игрушки, о которых знает так много и умеет так увлекательно рассказывать.

Ее холодные голубые глаза казались двумя бликами, отразившимися от лезвия величественного меча-божества. В тонкой фигурке чувствовалась гибкость бича и затаенная его ярость. Прохладный голос звенел, совсем как кинжал из отменной стали, когда он ударяется о серебряный доспех… Впечатление смягчало лишь платье из синего шелка с черными оборками на вороте и рукавах, мягкими складками падавшее с узкой талии. Волосы девушки были прямыми и довольно короткими. Смоляные пряди закрывали половину лба,

ровно подстриженной скобкой падали на уши и шею, едва достигая плеч. Скулы были широковаты, но очень породистой лепки, подбородок маленький — хотя и не скошенный, как у отца, но твердый, глаза — продолговатые и чуть раскосые.

Заметив, что гость откровенно любуется ею, девушка усмехнулась. После недолгого раздумья она сняла со стены лук предводительницы амазонок. Он казался чрезмерно большим и тяжелым для ее рук с тонкими запястьями, тем не менее девушка с легкостью натянула тетиву, вставив одну из стрел.

— Вот смешные эти амазонки! — заметила она небрежно. — Выжигали правую грудь вместо того, чтобы отвести назад локоть. Вот так! — показала она. — Так и стрела летит в два раза дальше!

Увидев, что острие стрелы нацелено ему прямо в горло, Конан в притворном испуге вскинул руки.

— Как?! Ты еще раз хочешь в меня выстрелить?..

— Разве я уже стреляла в тебя? — удивилась Иглессия.

— А как же! Ты выстрелила в меня, как только вошла! Две прекрасные голубые стрелы вонзились мне в сердце и навечно застряли там.

Конан не был искушен в искусстве галантных баталий, и бесхитростный комплимент, сотворенный им, удивил прежде всего его самого. Выразительный взгляд девушки, который она подарила ему, опуская лук, показал, что даже опасные, напоминающие оружие создания не глухи к пылким словам.

Кажется, Иглессия обладала редким достоинством: все, за что бы она ни бралась, она делала с отточенным совершенством. На коне она сидела так же умело и ловко, как рассказывала о древней символике секир и мечей. А стрелы, вылетавшие из амазонского лука, не знали промаха и поражали даже мелкую дичь на расстоянии сорока шагов. Синее платье она переодела на кожаные штаны до колен и кожаную же безрукавку и сидела в седле по-мужски. Точнее, седла и стремян вообще не было, круп легконогой гнедой кобылицы покрывала только попона.

— Ты удивительная девушка, — заметил Конан, подъезжая к ней и протягивая подобранную им с земли сраженную ею дичь. — Ты красива и женственна, и в то же время не каждый мужчина сравнится с тобой в ловкости и меткости.

— Не каждый, — согласилась девушка, укладывая тушки птиц в висящую на боку сумку. — Во мне довольно много мужских черт, ты верно заметил. Иногда, когда я совсем заскучаю в доме отца, я одеваю мужскую одежду, прячу под шляпу волосы и скачу в ближайшее селение. Там я напиваюсь в трактире — отец бы умер, если б узнал! — долго сижу, приглядываясь и прислушиваясь к тому, что творится вокруг. Если случается рядом пьяная ссора — обычно ввязываюсь. Так, из азарта, из интереса! Пару раз бывали настоящие дуэли. Один раз надутый зингарский вельможа вызвал меня на поединок на шпагах за то, что я не так отозвалась о расфуфыренной красотке, едущей вместе с ним. Было забавно!..

Иглессия рассмеялась, вспомнив дуэль, и откинулась гибкой спиной назад, так что затылок ее лег на укрытый попоной круп кобылы. Она отпустила поводья, и лошадь, почуяв свободу, понеслась вперед плавным галопом. Не вставая, девушка смотрела в небо, пока что-то там не привлекло ее внимания. Она выпрямилась и на полном скаку послала вверх стрелу.

— Не знав, что можно приготовить жаркое из ласточек! — заметил Конан подъехавшей девушке, бросая ей черное тельце, только что поднятое им с земли.

— Жаркое из ласточек? Что ты имеешь в виду?

— Иначе для чего тебе сшибать на лету эти бесплотные комочки перьев? Я всегда считал, что настоящий охотник никогда не тратит стрел попусту!

— Ах, это! — расхохоталась Иглессия. — Твой упрек справедлив, киммериец! Мне очень стыдно. Но, видишь ли, мне хотелось похвастаться, как метко я умею стрелять. Ты так понравился мне, северный гость, что я из кожи вон лезу, чтобы произвести на тебя хоть какое-то впечатление!

Еще раз расхохотавшись, девушка хлестнула кобылу и умчалась вперед. Конан не сразу догнал ее, растерявшись и не в силах с уверенностью определить: чего было больше в ее последнем выпаде — искренности либо насмешки?..

* * *

Впрочем, гадать ему пришлось недолго. Вечером, когда Конан в полном одиночестве заканчивал свой ужин в любезно предоставленной ему комнате, столь же роскошно обставленной и полной всевозможных диковинок, что и все остальные, за дверью раздался мелодичный женский голос, смех и топот легких ножек. Киммериец сразу же вспомнил о предупреждении Майгуса относительно привычки его дочери разговаривать с самой собой, выработанной годами одиночества. Слов разобрать он не мог, но смех был беспечный и игристый.

Конан хотел было распахнуть дверь и возникнуть неожиданно перед девушкой, но не успел. Дверь распахнулась сама, вслед за коротким слабеньким стуком, больше похожим на царапанье.

— Я зашла только, чтобы спросить: доволен ли наш гость ужином? — осведомилась Иглессия. — Не нужно ли ему еще чего-нибудь?..

Конан сглотнул непрожеванный кусок дичи, чуть не застрявший в его глотке, и отхлебнул сладкой водицы, принесенной ему вместо вина.

Иглессия вновь переоделась. Теперь на ней было нечто полупрозрачное и лиловое, закрепленное на правом плече серебряной пряжкой в форме птицы, изогнувшей назад тонкую шею. Как выяснилось очень скоро, такой наряд в числе прочих достоинств обладал одним, поистине неоценимым: чтобы избавиться от него, достаточно было лишь нажать на язычок пряжки…

— Нужно, — ответил Конан, замешкавшись лишь на полвздоха. — Надеюсь, что именно мне нужно — ты угадаешь сама. Еще больше надеюсь, что и тебе это нужно, обольстительная Иглессия…

Глава вторая

Когда поздним утром Конан проснулся среди разбросанных на полу шелковых и бархатных подушек, он был один. Кто-то успел уже убрать остатки вчерашнего ужина, огарки свечей и обломки пахучих палочек — все атрибуты ночной волшбы. Обильный завтрак ждал его, и солнце играло бликами на медных боках кувшина с молоком.

Восстановив в памяти события прошлой ночи, Конан с удовольствием отметил про себя, что внешнее впечатление не обмануло его: дочь звездочета действительно делала все, за что ни бралась, с отточенным совершенством. Единственное, что ему не слишком понравилось — это излишняя ее активность и стремление доминировать там, где от женщины требуется лишь податливость, нежность и чуткость. Киммериец был вовсе не против, чтобы женщина разбиралась в оружии, стреляла и сидела в седле не хуже мужчины, но в области любовных игр она должна все-таки соответствовать своей природе. Впрочем, у него еще будет время ее перевоспитать! Хорошо бы чудаковатый Майгус не слишком спешил с составлением гороскопа Зингелле…

Деликатный стук в дверь прервал приятные размышления киммерийца. Розовая, смеющаяся и свежая Иглессия проскользнула в комнату и коснулась его губ приветственным поцелуем. Выглядела она так, словно спокойно спала всю ночь, а не вытворяла один Нергал знает что на мягких коврах и атласных подушках… На этот раз на ней было светло-зеленое платье из переливчатого шелка, едва прикрывающее колени босых ног. В этом одеянии она казалась совсем девочкой, озорной и растрепанной со сна. Она ловко увернулась от лап киммерийца, попытавшегося заключить ее в объятия.

— Поосторожнее, поосторожнее, варвар с Севера! Иначе мои хрупкие косточки затрещат под твоим напором, как кости котенка!

— Ну, положим, не такая уж ты хрупкая! — возразил Конан. — И гораздо больше, чем на котенка, ты смахиваешь на резвящуюся пантеру…

— О нет, ты ошибаешься! В душе я кротка и нежна, как домашний котенок. Впрочем, у тебя будет еще время убедиться в этом! — Она многообещающе улыбнулась и, демонстрируя нежность, провела тонкими пальцами по нечесаной вороной гриве варвара. — Чем прикажешь развлекать тебя сегодня, любезный гость?..

— Честно говоря, я был бы не прочь еще раз посетить вашу оружейную. В жизни не видел такого обилия прекрасного оружия в одном месте!

Иглессия поморщилась.

— Опять в оружейную?.. Неужели тебе так понравилось там? Клянусь, я подарила бы тебе любую игрушку из висящих на стенах, на выбор, если бы не… — Она запнулась.

— Если б не что? — живо переспросил киммериец.

Перспектива получить в дар один из прекрасных мечей, или луков, или арбалетов изрядно взволновала его.

— Если б не мой отец! К сожалению, он очень дорожит всеми этими вещами, доставшимися ему от его отца, деда и прадеда. Он потеряет сон, если лишится хоть одной из них.

— Вот уж не думал, что звездочет так ценит то, что пристало ценить воину! Не сочти за упрек, но твой почтенный отец совсем не производит впечатления бравого рубаки, —

заметил Конан с легкой обидой, поняв, что ни один из прекрасных мечей не покинет медного гвоздя, на котором висит.

— Разумеется, он не рубака. Но хватит о моем отце! Ты можешь посещать оружейную, когда тебе вздумается, и проводить там хоть целые дни напролет. Только будь осторожен: некоторые клинки заговоренные и могут ненароком поцарапать или — того хуже — сорвавшись со своего места, ударить по голове…

Конан рассмеялся.

— Тем приятнее было бы приручить этих стальных хищников! А можно брать на охоту некоторые из них?

— Можно, — разрешила Иглессия. — Только охотиться сегодня ты будешь без меня: я не слишком люблю два дня подряд заниматься одним и тем же. Да и вдыхать древнюю пыль в оружейной и дышать запахом крови меня тоже не тянет. Когда тебе надоест любоваться зубами и когтями смерти, спускайся в сад, киммериец, я покажу тебе деревья и цветы, которые сама вырастила!..

* * *

Достопочтенный Майгус с головой ушел в составление гороскопа дочери герцога. Конан почти не видел его, лишь два или три раза они мельком встречались в галерее, соединяющей ряд комнат. Старик рассеянно кивал и спешил дальше, шлепая босыми ступнями и прижимая к груди какой-нибудь невиданный и непонятный прибор из стекла, камня и бронзы. Также кругленький силуэт хозяина дома бывал виден по вечерам на плоской крыше. Майгус внимательно вглядывался в усыпанное звездами южное небо, прикладывая к глазам различные трубочки и стеклышки.

Иглессия объяснила Конану, что ее отец способен полностью забывать о себе, не есть, не пить, не спать и не умываться — если работа по-настоящему захватывает его. По-видимому, так случилось и на этот раз. Зловещая судьба очаровательной и необузданной Зингеллы всерьез поглотила Майгуса. Впрочем, Конан не особенно страдал от недостатка общения со знаменитым звездочетом. Также он не слишком скучал по двум своим спутникам, солдатам из охраны Гарриго. Да и те, по всей видимости, не скучали и не роптали на судьбу: на следующее же утро по прибытии в дом Майгуса Конан отсыпал каждому по щедрой горсти золота из мешочка герцога, отвергнутого звездочетом, и объяснил, как добраться до деревушки с веселой таверной и постоялым двором. Ни Хорхе, ни Грумм больше не попадались ему на глаза.

Один раз, впрочем, киммериец решил проведать своих подопечных. Иглессия вызвалась составить ему компанию. Добравшись до таверны, варвар нашел ребят раскрасневшимися, довольными жизнью и не слишком связно ворочающими языками. Не сразу узнав Конана, они буйно обрадовались ему и, хватая за руки и хлопая по плечам, принялись наперебой уговаривать присоединиться к ним, ибо вино здесь отличное, хозяин — душа-человек, а девчонки — пухленькие, разбитные и веселые… Конан с трудом отговорился и отцепился от них, то и дело поглядывая в сторону своего спутника — очень юного и очень надменного мужчины в широкополой шляпе, которого он представил как племянника Майгуса,

заехавшего к нему погостить…

Иглессия в мужском костюме держалась на редкость горделиво и высокомерно, она окидывала всех, заговаривающих с ней, таким ледяным и презрительным взглядом, что казалось странным, отчего горячие и самолюбивые зингарцы вызывали ее на дуэль лишь два раза, а не чаще…

— Отчего же ты не присоединишься к своим веселым товарищам? — спросила девушка, когда они возвращались назад. — Разве тебе не хотелось как следует выпить и погулять? Да и селянки тут покладистые и хорошенькие…

Конан покосился в ее сторону, желая понять, насколько серьезно она говорит. Но по непроницаемому лицу дочери звездочета определить это было невозможно.

— Я бы остался, — ответил он, — но мне показалось, что тем самым я бы обидел тебя.

— Обидел?.. — Иглессия усмехнулась. — Что же здесь обидного? Я нашла бы, чем занять свой вечер. Будь уверен, скучать бы я не стала!..

* * *

Пожалуй, больше всего в дочери звездочета притягивала Конана ее восхитительная непредсказуемость и непостоянство. Она менялась по двадцать раз на дню. Утром могла быть томной, загадочной, нежно пришептывающей красивые слова на незнакомом языке… Днем становилась стремительно-резкой, насмешливой, с язычком, жалящим и свистящим, как гибкая плоть бича… После обеда пускалась в многословные заумные разговоры, одновременно поражая Конана разносторонностью своих познаний и навевая дремотную скуку. Которую тот, правда, научился быстро разгонять: стоило лишь протянуть руки к глубокомысленно вещающей девушке и обнять ее покрепче, своими губами преграждая выход ненужным и непонятным словам…

Что поражало особенно приятно — каждой ночью Иглессия тоже была разной. То излишне напористой и по-мужски активной, то податливо-нежной, то вдохновенно-раскованной, то холодной, словно ледник на вершине горы, и как бы делающей ему великое одолжение. Казалось, в теле этой удивительной девушки не одна душа, но пять или семь (и как им только не тесно там!). Даже цвет ее глаз менялся в зависимости от настроения: был то льдисто-голубым, холодным и жестковатым, то светился желтыми искрами, похожими на блики солнца в морской воде.

— Впервые вижу женщину, которая умеет менять цвет глаз! — сказал как-то Конан, любуясь девушкой, увлеченно рассказывающей ему о свойствах кристаллов лунного камня, то расширяя, то сужая таинственные зрачки. — Клянусь Кромом! С каждым днем ты удивляешь меня все больше.

— В самом деле? Ты не кривишь душой, чтобы сказать мне приятное? — польщенно улыбнулась Иглессия. — Я-то, наоборот, уже начинаю подозревать, что ты заскучал со мной, гость с Севера!

— О нет! С тобой трудно заскучать! — энергично запротестовал киммериец. — Если бы у твоего отца была дюжина дочерей, и от разных матерей в придачу, вряд ли мне было бы интереснее с ними, чем с одной тобой.

— Вчера я спросила у отца, скоро ли он окончит работу над гороскопом, — сказала девушка, легкой улыбкой откликнувшись на комплимент варвара. — Он сказал, что не может знать этого точно. Возможно, скоро, возможно, потребуется еще столько же дней, сколько уже прошло. Он просил тебя извинить его, Конан, за то, что дело оказалось сложнее, чем он первоначально рассчитывал. Он очень хочет помочь этой бедной вспыльчивой девочке из Кордавы, но пока что ничего не выходит…

— Пусть он работает столько, сколько ему нужно! — разрешающе махнул рукой киммериец и подмигнул ей. — Я не в обиде!

— И все-таки я боюсь, что понемногу ты начинаешь скучать… — повторила Иглессия и взглянула на него, загадочно прищурившись. — И поэтому я решила приготовить тебе сюрприз. Это будет сегодня ночью, сразу же после полуночи. Конечно, если ты не испугаешься, Конан.

— Чего мне бояться? — пожал плечами киммериец. — До сих пор все твои выходки веселили меня. Не думаю, что я расстроюсь, даже если ты бросишь меня в объятия ручной пантеры или кого-нибудь в этом роде.

— В таком случае, будь готов, Конан, — еще таинственней сказала девушка и прикрыла веки. — Ровно в полночь я приду за тобой…

* * *

Как и обещала, дочь звездочета появилась на пороге комнаты киммерийца в полночь. Но она не вошла, как случалось обычно, а лишь поманила его за собой. В руках она держала подсвечник. Толстая, зеленого воска свеча была отлита в форме обнаженного женского торса без головы и рук. На месте головы трепетал язычок пламени с зеленоватым же оттенком, напоминая вздыбленные от ветра волосы. Одеяние девушки было также изумрудно-зеленым, обволакивающим ее от подбородка до кончиков пальцев ног. Складки одежды казались живыми и тихо колыхались и переливались, как прохладное пламя.

Конан шагнул вперед и хотел было обнять соблазнительное изумрудное видение, но Иглессия отстранилась и, прижав к губам палец, повела его за собой. Они прошли в полном молчании несколько комнат, пока девушка не остановилась на пороге одной из них и жестом пригласила войти. В этом помещении Конану прежде бывать не приходилось. То была просторная, почти идеально круглая комната без окон. Точнее, единственное хрустальное окно в форме глаза было на потолке. Пол устилал ковер с очень длинным, чуть ли не в ладонь высотой, темно-синим ворсом. В центре комнаты прямо на ковре стоял светильник с девятью свечами. Все они были из зеленого воска и изображали танцующих обнаженных женщин без рук и голов. Конана удивило, что зеленое пламя — волосы крохотных танцовщиц — раскачивалось и колебалось в разные стороны, словно бы по помещению гуляло множество маленьких сквозняков во всех направлениях. Прямо над светильником с потолка на прочной бронзовой цепи спускался большой хрустальный шар со множеством отполированных граней. Пламя свечей, отраженное в нем и размноженное в тысячи раз, освещало комнату до мельчайших ее уголков. Тлели, распространяя сильный дурманный аромат, пахучие палочки, закрепленные вдоль стен. Их дым, подсвеченный зеленоватыми

огнями, стлался в воздухе, принимая причудливые очертания, и казался живым и немного зловещим.

— Это моя комната, — прошептала Иглессия. — Проходи и садись возле светильника, но только — во имя Митры! — не произноси ни звука…

Не очень понимая, зачем нужна такая таинственность, Конан послушно присел, скрестив ноги, на мягкий ворс. Мерцающий хрустальный шар величиной с голову младенца оказался в половине локтя от его лица. Конан тихонько толкнул его пальцем, и шар закачался, как маятник, пуская по стенам и потолку длинные светло-зеленые блики. Иглессия строго взглянула на него и рукой успокоила шар. Затем она подняла руки, привстала на цыпочки, и раздался мелодичный звон. Подняв голову, Конан увидел, что с потолка, помимо шара, спускались медные пластинки разной длины и толщины. Девушка прикасалась то к одной из них, то к другой тонким серебряным стержнем, извлекая из меди шелестяще-звонкую мелодию…

Перезвон пластинок, мелькание зеленых бликов, густой дым дурманных палочек — все это погрузило Конана в странное оцепенение, похожее на транс. Он потерял границу между зыбкой реальностью и отчетливым сновидением, потерял строгую нить сознания, потерял себя… Гибкое женское тело в переливчатом изумрудном шелке скользило перед ним, извиваясь в танце… Звенела и завораживала медь… Девять крохотных безруких женщин со светящимися волосами танцевали вокруг него… Слоистый дым повторял очертания женских тел, постепенно утончающихся, становящихся все более загадочными и прозрачными…

Голова у Конана окончательно закружилась, в глазах стало двоиться, словно он выпил не один кувшин доброго вина за сегодняшний вечер. Проклятие!.. Конан зажмурился и помотал головой, чтобы выйти из транса, из странного и тревожащего опьянения без вина… Но раздвоение не прекращалось. Два дивных женских тела в изумрудных одеждах кружились подле него, извиваясь, блестя короткими смоляными волосами, шелестя длинным ворсом ковра под нежными розовыми ступнями… Легкая ткань овевала его щеки, колени и плечи. Прохладные руки касались скользящими, возбуждающими движениями то с одной, то с другой стороны. Иглессия слева томно подмигивала ему… Иглессия справа, по-детски приоткрыв рот, смотрела томно и многозначительно…

Чтобы покончить с наваждением, Конан схватил девушку (ту, что справа) за локоть и резко притянул к себе. Мелодичный звон оборвался. Дочь звездочета охнула и, не удержав равновесия, рухнула киммерийцу на колени.

— Вот так-то! А то совсем голова закружилась от твоего вихляния! — проворчал Конан, готовясь окончательно покончить с дурманом с помощью крепкого поцелуя, но, скосив глаза влево, замер.

Вторая фигура не исчезла, как следовало бы ожидать, но, опустив растерянно руки, смотрела на него взглядом испуганным и недовольным.

Левой рукой притянул ее к себе также. Обе женщины, и левая, и правая, были живыми. Ни одна не была наваждением или грезой. Обе пытались вырваться, бормоча под нос не то заклятия, не то ругательства.

Конечно же, они бормотали заклятия!.. Вдоль позвоночника варвара пробежала цепь крупных мурашек. О, дочери Нергала!.. Магия! Мало что вызывало у киммерийца, в общем-то довольно невозмутимого, такое активное неприятие и отвращение, как магия. Да еще такая наглая, такая явная магия, лезущая ему и в глаза, и в уши, и в осязание!..

— Клянусь молнией Крома! — взревел Конан и хлопнул себя изо всех сил по левому

бедру. Но, конечно же, меча там не оказалось. Да и кто стал бы одевать меч в предвкушении любовного свидания, не выходя за пределы дома. Поколебавшись лишь долю мгновения, варвар схватил с пола массивный светильник и замахнулся им.

— Кто бы ты ни была, дочь Нергала, тебе не поздоровится за такие штучки со мной! Мигом прекрати колдовать, иначе!.. — Он многозначительно потряс светильником.

Несколько восковых фигурок с волосами из пламени скатились на ковер, и ворс его занялся в двух-трех местах.

— О, Конан! Успокойся, умоляю тебя! — испуганно закричала Иглессия (та, что была слева).

Другая же, изрыгая сквозь розовые губки крепкие мужские проклятия, принялась затаптывать огонь прямо босыми пятками. Покончив с этим, она неожиданно и очень больно ударила Конана по голове хрустальным шаром. Киммериец крякнул, но светильник из рук не выпустил. Набычившись, он повернулся к той, что его ударила, и грозно сверкнул глазами.

— Ну что за грубый, безмозглый, тупоголовый идиот! — воскликнула она. — Так все испортить!.. Так бездарно все разрушить и исковеркать! Растоптать своими слоновьими, варварскими ногами все волшебство!

— Плевал я на твое волшебство! — огрызнулся Конан, — На ваше волшебство! — поправился он, взглянув на другую Иглессию, что жалобно всхлипывала и не сводила с него расширенных, словно у смертельно испуганного ребенка, глаз. — Вот уж чего не мог никогда терпеть, так это всяческого волшебства и магии!.. Не прикасайтесь ко мне своими липкими пальчиками, не смейте! Лучше слейтесь поскорее в одно целое, иначе я за себя не ручаюсь!.. Ну, же! Быстро!..

Глава третья

Утихомирил киммерийца и привел его в более-менее спокойное состояние лишь внушительный глиняный сосуд с вином, который вытащила из каких-то тайников Сэтлл.

— Пей, пей, сердитый гость, — ласково приговаривала она, пододвигая Конану вазу с фруктами. — Вино прогонит обиду и ярость из твоей души и наполнит дивным теплом твое тело. Пей! Отец не знает, что мы время от времени позволяем себе наслаждаться солнечным волшебством вина. Отчего-то он не выносит эту дивную веселую влагу. Нам с Иглл здорово бы досталось, узнай он о нашей тайне! Но ты ведь не выдашь нас, гость с Севера?.. Пей! Пей все, что там есть, до самого донышка!

Иглл, угрюмо сведя брови над ледяными глазами, молча счищала пальцами копоть со ступней своих ног. На сестру и Конана она не смотрела, всем видом своим выражая презрительное негодование.

— Но почем — разорви вас Нергал! — вы сразу не сказали мне, что вы близнецы?! — продолжал горячиться Конан, но уже больше для острастки, чем от настоящего гнева. — Отчего вы вздумали со мной играть?.. Я что, произвожу впечатление простоватого дурачка? Полуграмотного тупого дикаря?..

— Ты производишь впечатление могучего воина, не ведающего поражений ни в бою, ни в любви! — успокоила его Сэтлл. — Да, мы играли с тобой, но мы и представить не могли, что это нанесет тебе такую обиду. Ведь правда, Иглл? — повернулась она за поддержкой к сестре. — Разве хотели мы обидеть или унизить нашего славного гостя? Мы хотели только, чтобы ему было не скучно с нами. Разве не так?

— Только тупоголовые недоумки могут не понимать прелести подобных игр! — буркнула Иглл, не оборачиваясь. — Только дикари с мозгами, похожими на студень!.. Ты можешь себе представить, во сколько нам обойдется другой такой же ковер? И сколько времени мы будем разыскивать похожий оттенок?!..

Увидев, что Конан нахмурился, Сэтлл ласково провела ладонью по его щеке, отворачивая его взгляд от угрюмо-рассерженной сестры.

— Не сердись на нее, киммериец! Иглл порой бывает излишне резка, но это ненадолго. Скоро она обо всем забудет и расхохочется. Но пока она дуется, лучше ее не трогать.

— В этом мы с ней похожи, — усмехнулся киммериец, остывая.

— Давай, пока она не успокоилась и не развеселилась, я расскажу тебе нашу историю! — предложила Сэтлл. — Хочешь? Рассказ будет долгим, но спешить нам, по-моему, некуда. Не так ли? Когда ты узнаешь нашу историю, я надеюсь, исчезнут последние остатки твоего гнева и твоей обиды.

— Расскажи! — согласился Конан.

Он покончил с вином, приятно разгорячившим его тело и возвеселившим душу, и развалился на ковре, положив руки под голову и прикрыв веки. Из-под полуопущенных ресниц он наблюдал за Иглл, продолжавшей злиться, и Сэтлл, прилежно и серьезно приступившей к изложению их истории.

Внешне близнецы были точной копией друг друга. Но различать их оказалось совсем не трудно: разница характеров проявлялась в мимике, движениях, интонациях голоса. Да еще глаз — холодно-голубые, словно стальной клинок перед битвой, у Иглл и мягко искрящиеся у

ее более женственной и кроткой сестрички.

— Должно быть, тебе известно, Конан, что наш отец и мы — пришлые в Зингаре. Мы родились и провели все наше детство в Аргосе. Сначала в маленьком селении у самой границы с Шемом, затем в столице. Отец был преуспевающим астрологом и гадателем, как и его отец, и его дед. Он был зажиточным и влиятельным человеком, заказчики, наслышанные о его умении, приезжали не только со всех уголков Аргоса, но и из Кофа, Шема и Аквилонии. Те времена, когда мы с Иглл появились на свет, были очень трудными для нашего государства. Аргос был обескровлен и почти разорен затяжной войной с Зингарой, значительно превосходящей численностью своих войск и кораблей и качеством вооружения.

Незадолго до нашего рождения король Мило издал суровый закон, предписывающий каждого второго ребенка в семье отдавать государству, лишь только последнему исполнится восемь лет. Если то был мальчик, его воспитывали умелым и хладнокровным воином, презиравшим смерть, и всю дальнейшую свою жизнь он проводил в сражениях, в которых, как правило, не было недостатка. Если же девочка… Девочек, если так можно выразиться, сортировали. Самым красивым давали хорошее воспитание, и, вырастая, они становились наложницами вельмож, и рыцарей, и самого короля. Некоторые, из очень знатных семей, могли стать и женами… Иных красавиц-сироток преподносили в дар чужеземным союзникам, в основном правителям Шема, Кофа и Стигии. Девочек же попроще ожидала более прозаическая судьба — как и мальчики, они шли в ненасытную глотку войны с Зингарой, становились прачками, маркитантками, сиделками, девушками для увеселения солдат… Отец наш был астрологом, и оттого он знал заранее, что у него родятся две дочери, родятся близнецы. Через восемь лет он должен был бы расстаться с одной из них, по своему выбору.

Но знал он также — ибо владел не только явным, доступным всем смертным знанием, что разлучать близнецов нельзя ни в коем случае. Если сами они пожелают расстаться, когда вырастут, — это другое дело. Но разлучать их насильно, разлучать в детстве — все равно, что ломать судьбу каждому из них. К тому же мы еще и не родились, еще только нежились в утробе матери, а отец наш уже любил нас больше всего на свете. Больше, чем наша мать, как это ни странно. Наша бедная мать умерла спустя три года после нашего рождения, и все эти годы она провела в тревоге и ужасе, ожидая сурового возмездия государства, чьи законы посмел нарушить отец. Это было тем страшнее, что вся страна была наводнена шпионами и осведомителями короля.

Скрыть что-нибудь от всевидящего ока правителя представлялось абсолютно невозможным. Но отец наш сумел. Он скрыл ото всех тот факт, что у него родилась двойня. Акушерка, принимавшая роды, получила большие деньги за свое молчание и в скором времени переселилась в другую страну. Второй человек — кормилица, также посвященная в страшную тайну, под страхом смерти не имела права выходить за пределы нашего особняка, даже на короткое время. Она также значительно повысила свое благосостояние за то время, что прожила с нами. Больше об этом не знал никто, даже самые верные слуги. Девочек было двое, но одна считалась дочерью кормилицы. А чтобы никто не догадался об истине, увидев наше поразительное сходство, ни один из слуг не допускался в детскую комнату, где резвились мы с сестрой. Гостям же и многочисленным родственникам показывали одного ребенка…

— Как правило, это была Сэтлл, — заметила Иглл, нарушив свое сердитое молчание и передвинувшись чуть поближе к веселому блеску свечей.

— Да, обычно гостям выносили меня, — кивнула Сэтлл. — Иглл ведь могла и, укусить за нос какую-нибудь сиятельную даму или вырвать клок бороды у вельможи, если он имел несчастье чем-то ей не понравиться… Чем старше мы становились, тем больше было с нами проблем. Ты, наверное, заметил, киммериец, что Иглл танцует, как разбуженная посреди зимы медведица. Это оттого, что она терпеть не могла уроки танцев, и почти все из них доставались мне. Я же, напротив, до сих пор толком не знаю, с какого бока садятся на лошадь. Скакать верхом, стрелять из лука, фехтовать — от всех этих воинских забав Иглл была без ума, и я охотно уступала ей уроки верховой езды и фехтования. Когда мы подросли еще больше и пришла пора вывозить нас за пределы дом — балы и прочие подобные развлечения доставались обычно мне. На охоту же или поглазеть на рыцарские турнир — отправлялась сестренка. Мы никогда не спорили и не ссорились по этому поводу.

— Вот уж неправда! — фыркнула Иглл. — Ну и память у тебя, сестричка! Помнишь, какие истерики ты мне закатывала, когда в столице объявлялся бродячий цирк или на рыночной площади давали представление актеры в живописных лохмотьях, с флейтами, барабанами и бубнами!..

— Да, — вздохнув, согласилась Сэтлл, — и цирк, и театр мы любили обе, и случалось, доходило даже до царапанья. Правда, скоро мы научились справляться и с этой проблемой: Иглл переодевалась мальчишкой, гримировала лицо, одевала рыжий парик и в таком виде прокрадывалась на представление. Она строила мне из толпы уморительные рожи и подмигивала, и я с трудом удерживалась, чтобы не расхохотаться, с трудом сохраняла на лице скучное выражение благовоспитанной барышни из хорошего дома…

— Умение переодеваться и гримировать лицо не раз выручало меня и позже, — заметила Иглл. — Когда хотелось выбраться за пределы надоевшего отцовского дома, понюхать вольного воздуха, наглотаться неожиданных и острых впечатлений. Сэтлл, примерная девочка, никогда не отваживалась на это.

— Неправда! — возразила Сэтлл. — Просто нас притягивали разные впечатления, и выбравшись из дома, я, как правило, устремлялась в другом направлении… Хотя, конечно, покидала стены дома я реже, чем сестра. Зато уже к шестнадцати годам я прочла все отцовские книги по магии, астрологии и тайнознанию! — В голосе Сэтлл зазвенела гордость. — Отец был вынужден разрешить мне зарываться в древние, пахнущие пылью столетий фолианты, ибо чем еще я могла заниматься в долгие периоды отшельничества?.. Ведь пока Иглл фехтовала, ездила на охоту или просто болтала с кем-нибудь в доме, я не могла и носа высунуть из своей тайной комнатки. И я погружалась в книги… Зато теперь отец называет меня своей правой рукой! Нередко я помогаю ему в составлении гороскопов, особенно если случай очень трудный, и он не может на меня нахвалиться!..

Иглл расхохоталась.

— А меня отец называет левой рукой, разве ты не знаешь?! Левая — та, что ближе к сердцу. Ближе к тайне, ближе к сути вещей… Я тоже читала древние книги отца. Один раз я неудачно упала с лошади и сломала ногу, другой раз серьезно поранилась, занимаясь фехтованием на незатупленных шпагах. Лежа в постели и выздоравливая, я читала, ибо чем еще было мне заниматься?.. Вышивать и плести кружево я терпеть не могла, в отличие от сестренки.

— Когда она лежала со сломанной ногой, я вынуждена была ковылять по всему дому на костылях! — рассмеялась Сэтлл. — Все родственники и домашние поражались, как быстро я выздоравливаю, как моментально срастаются мои кости!.. А Иглл все время ныла, что ей

надоели книги, что она устала вдыхать пыль и разбирать заплесневелые закорючки…

— Да, я ныла и скучала! — согласилась Иглл. — Но зато, в отличие от тебя, мне не надо было вникать в эти полуистлевшие пергаменты, перечитывать их по несколько раз, чтобы понять, о чем идет речь. Мне хватало одного раза: я тут же понимала, вернее, вспоминала все. Потому и отцу работать со мной гораздо легче, и помогаю я ему больше и существенней… Но ты лучше расскажи о другом. Расскажи о мальчиках!

— Наш отец очень любил нас обеих, — продолжала Сэтлл, согласно кивнув сестре. — Любовь свою он проявлял во всем. Из-за горячей любви к нам порой он совершал поступки, которые могли бы показаться странными для отца двух молоденьких и хорошо образованных девушек. Но ему было глубоко безразлично чье-либо мнение! Всегда и во всем отец наш слушал и слушает лишь свое сердце, свой ум, свою вольную и горячую кровь. И мы уродились в него. В этом мы абсолютно такие же! Наверное, ты заметил, Конан, какое жалкое, почти нищее впечатление производит наш дом снаружи.

Киммериец кивнул.

— Это оттого, что нашему отцу глубоко наплевать на чье-либо мнение о доме, в котором он живет. Он не видит его снаружи, а что думают о его виде другие — отцу безразлично. Внутри же он постарался обставить его так, чтобы все вокруг радовало и услаждало душу. Не раз наши богатые заказчики поражались, в каком убогом — внешне — домишке проживает столь почтенный и знаменитый человек, но отец только отшучивался на это и смеялся… Так вот, любовь отца к нам толкала его порой на поступки, которые одобрил бы не всякий из наших родственников, если бы о них узнал. Однажды, вскоре после того как нам с Иглл исполнилось по шестнадцать лет, отец взял меня с собой на невольничий рынок. В этот день был большой завоз рабов из Кофа и Зингары… Отец сказал, что хочет прикупить парочку юных стражников для охраны нашего дома. Он предложил мне, чтобы я выбрала их по своему вкусу. — Щеки Сэтлл слегка порозовели, а глаза опустились долу. — И я выбрала двух, самых стройных и красивых из всех. Один из этих юношей, семнадцатилетний стигиец, вскоре стал моим первым учителем любви…

— Надо сказать, учителем он был никудышным! — вспомнила Иглл, усмехаясь. — Слишком юн и неопытен, хотя и красив, как статуэтка из темного дерева!.. Полгода спустя отец взял на невольничий рынок меня, и мой выбор был гораздо удачнее. Не соблазняясь на хорошеньких и юных, я выбрала тридцатилетнего, покрытого шрамами светловолосого воина, откуда-то с севера. Согласись, Сэтлл, это было совсем не то, что твой стигийский мальчик!..

Сэтлл согласно кивнула.

— Все это было очень приятно, забавно и весело, — сказала она. — До тех пор, пока меня не постигло несчастье привязаться к одному из наших любовников по-настоящему. Отец очень опасался, что кто-нибудь из них догадается, что нас двое. Ведь мы разные, и в постели разница наша не могла не проявляться особенно явно… Поэтому он держал их в доме от силы две-три луны, а затем перепродавал кому-нибудь, обычно за пределы Аргоса. Однажды я обнаружила, что пропал пылкий, темноволосый и ласковый юноша-шемит, которому удалось завладеть не только моим телом, но и сердцем. Это был большой удар для меня…

— Сестра устроила отцу бурную сцену с криками и слезами, — заметила Иглл. — Бедный отец оправдывался и тоже плакал. Он говорил, что если бы юноша догадался о тщательно скрываемом и проболтался, это тут же дошло бы до короля, сурового и мстительного. И отец бы погиб. А нас ждала бы судьба жалких наложниц аргосской знати…

Мне тоже не слишком нравилось, что юноши часто менялись. Сердце мое было свободно и спокойно, но иные из них оказывались такими мастерами любви, что обидно было терять их и заменять другими, часто гораздо менее умелыми…

Поэтому я поддержала Сэтлл в ее негодовании. Под нашим общим напором отец сдался. Он принял решение продать дом с прилегающей к нему землей и всем имуществом и покинуть пределы Аргоса. На совместном совете решено было поселиться в Зингаре, под видом беженцев, попавших под королевскую опалу. У отца было немало заказчиков из числа зингарской знати, которые помогли бы ему в обустройстве на первых порах. Но жить в столице или большом городе отец больше не хотел. Он устал от суеты, светской мельтешни, толп тщеславных и пустоголовых гостей. Он не раз повторял, что заработал уже достаточно денег, обеспечил нам с сестрой безбедную жизнь до конца наших дней и теперь может позволить себе погрузиться с головой в оккультные изыскания, к чему настойчиво тянется его душа и неутомимый разум. Он предлагал купить нам с сестрой дом в Кордаве, но мы отказались. Нас тоже устраивала уединенная жизнь в глуши, расцвеченная редкими визитами заказчиков. Ибо чем больше мы с сестренкой находимся в обществе друг друга, тем более счастливо и наполнено наше существование.

Конан недоверчиво усмехнулся и перевел взгляд на Сэтлл. Та кивнула ему с серьезным видом.

— Да, Конан. Иглл не врет и не преувеличивает. По-настоящему нам с ней никто, кроме друг друга, не нужен… Теперь ты знаешь нашу историю, и тебе уже не должен казаться странным наш образ жизни и наши поступки.

— Нет, все-таки он представляется мне странным, — возразил киммериец. — Вы живете теперь вдали от Аргоса и короля Мило. Зачем же до сих пор разыгрывается все тот же спектакль? Почему вы по-прежнему выдаете себя за единственную дочь звездочета?

Сэтлл рассмеялась и шаловливо встряхнула короткими волосами.

— Во-первых, мы просто привыкли к этому за восемнадцать лет жизни в Аргосе! Во-вторых, как ты уже мог заметить, нам очень нравится играть. При всем различии моем и Иглл любовь к играм у нас общая. Такое положение, какое мы поддерживаем сейчас, дает возможность придумывать самые забавные, увлекательные и острые игры! Скажем, Иглл вбила себе в голову, что проживет дольше меня…

— Ненадолго, совсем ненадолго! — перебила ее сестра. — На несколько дней, от сил — на одну луну.

— Пусть так, на одну луну… Но она прямо-таки хмелеет от мысли, какой спектакль можно будет разыграть по поводу моей смерти! Ты представляешь, Конан? Меня хоронят, всю в белом, с бриллиантовым ожерельем на шее, с букетом роз на груди… А несколько дней спустя торжественно объявляется Игл — в том же самом наряде! Повергая всех, видящих это, в шок. Порождая на долгие годы вперед слухи о невероятном воскресении таинственной дочери звездочета…

Конан рассмеялся. Задумано и впрямь было здорово, ничего не скажешь. Хотя и непонятно зачем.

— А такая игра, как сегодня? — продолжала Сэтлл. — С тобой у нас получился полный конфуз, мы признаем это, но ведь сколько раз до тебя мы проделывали эту забаву с успехом!.. Раза два наши возлюбленные кавалеры с воем и вздыбленными на макушке волосами уносились прочь, и отец с тех пор их больше не видел… Один раз громадный шемит с бычьей шеей грохнулся в обморок, и нам пришлось обливать его водой, приводя в чувство,

чуть ли не до рассвета!.. Но зато трое, — помнишь, Иглл? — ничуть не испугались, но даже обрадовались, и с каждым из них мы провели поистине упоительную ночь! Никто из них не обижался на нас и не хватался в ярости за подсвечник, как ты, киммериец!

— Пожалуй, я бы тоже обрадовался и провел с вами неплохую ночку, — честно ответил Конан и вздохнул, сожалея об упущенной прекрасной возможности. — Если б только вы не представили это как магию! Мало что в жизни приводит меня в такое бешенство, как магические штучки и выкрутасы. Врр! — Киммериец передернул плечами. — Несчетное число колдунов и черных магов переправил я в область Серых Равнин, и, клянусь Кромом, это всегда было трудным и омерзительным занятием!..

— Но ведь мы не знали! — вздохнула Сэтлл. — Мы ведь тоже люди и тоже иногда ошибаемся.

— И все-таки Майгус — старый чудак! — заявил Конан. — Вместо того, чтобы зарываться по уши в свои книги и гороскопы, ему следовало бы поискать вам хороших женихов. Стоит ему свистнуть, и отбоя не будет от самых знатных! Иначе вы доиграетесь до один Нергал знает чего — от безделья и скуки.

— О, это давняя мечта отца! — воскликнули Иглл и Сэтлл хором и хором же рассмеялись.

— Не спрашивал ли он тебя, Конан, о брате-близнеце? — поинтересовалась Иглл, отсмеявшись.

— Кажется, да. Спрашивал.

— Он задает этот вопрос всем мужчинам, бывающим в нашем доме. От пятнадцати лет до пятидесяти. Он очень давно и очень страстно мечтает выдать нас замуж. В мечтах и во сне он рисует гороскопы своим многочисленным внукам и распределяет между ними свое наследство… Но вот незадач — близнецов разлучать нельзя, невозможно. Он может выдать нас замуж лишь за таких же неразлучников. Мы живем здесь уже пять лет, но за это время не услышали ни об одном близнеце, во всяком случае, неженатом. Бедный наш отец совсем отчаялся.

— Я слышал, что в Зембабве правят два короля-близнеца, — сказал Конан. — Вам стоит только отправиться туда и стать королевами!

Сестры совершенно одинаково поморщились.

— Разумеется, мы тоже слышали о королях Зембабве! И еще о том, что у каждого из них пяток жен, с которыми обращаются немного получше, чем с рабынями, и немного похуже, чем с лошадьми. Хорошую же судьбу желаешь ты нам, наш добрый киммериец!

— Может быть, я немного туповат, — сказал Конан, — но никак не могу уяснить, почему — разорви меня Кром! — близнецам нельзя разлучаться?! Что случится такого страшного, если вы выйдете замуж и будете жить в нескольких днях пути друг от друга? Что, от этого поблекнет ваша красота? ослабеет ум?.. заболит головка?.. А, понимаю! Придет конец вашим очаровательным играм!

Иглл и Сэтлл переглянулись, словно спрашивая друг друга, стоит ли им открывать киммерийцу свою главную тайну. Иглл решительно кивнула.

— Взгляни-ка сюда! — велела она Конану.

Привстав с места, на котором сидела, она протянула вперед руку и занесла ее над одной из свечей. Язычок пламени коснулся середины ладони. В тот же миг Сэтлл громко охнула и затрясла рукой.

— Взгляни-ка сюда! — повторила Иглл, на этот раз протягивая ладонь киммерийцу.

Конан увидел вздувшийся пузырь ожога.

— А теперь взгляни на мою! — воскликнула Сэтлл. По ее сморщившемуся лицу текли обильные слезы.

Волдыря на ладони не было, но было сильное покраснение.

— Только мне при этом гораздо больнее! — всхлипнула Сэтлл.

— Зато когда тебя укусила змея прошлым летом, ты поправилась уже на третий день, меня же лихорадило чуть ли не пол-луны! — возразила Иглл.

— Зато когда ты в детстве сломала ногу и спокойненько отлеживалась потом в постели, мне приходилось ковылять по дому на костылях и при этом чувствовать, как горят мои бедные кости! А потом, когда ты все еще лежала, я уже танцевала на балах, и должна была не стонать и улыбаться своим кавалерам!..

— Зато ты…

— Хватит, хватит! — прервал их излияния киммериец. — Это, конечно, забавно, что вы мне показали. Не сомневаюсь, что вы и еще кое-что можете в этом роде. Скажем, читать мысли друг друга или причесывать друг другу волосы на расстоянии десяти шагов… Но все-таки отчего вам нельзя разлучаться? Выберите себе таких мужей, которые дадут вам обещание не бить вас, не ломать кости и не прижигать огнем, — только и всего!

— Он не понял ничего, Сэтлл.

— Не понял, Иглл!

— А вот так? Может быть, так будет понятней? — Иглл внезапно придвинулась к Конану, обняла его гибкими, горячими руками и впилась страстным поцелуем в губы.

Голова киммерийца закружилась, пальцы впились в плечи девушки…

После долгой и сладкой паузы в разговоре Иглл резко вывернулась из его рук и вернулась на прежнее место.

— Ну и что? — спросил Конан, отдышавшись.

— Ничего. Просто у нее, — Иглл кивнула на сестру, отчего-то порозовевшую, — голова сейчас кружилась больше, и сердце билось сильнее.

— И все-таки я не могу до конца понять… — упрямо забубнил в очередной раз киммериец.

Глава четвертая

Не успел Конан как следует выспаться после столь волнующей и наполненной событиями ночи, как служанка, некрасивая и неразговорчивая, разбудила его, постучав в дверь и сообщив, что с ним желает побеседовать хозяин дома.

Проклиная про себя почтенного Майгуса, которому приспичило видеть его в такую рань (тут киммериец ошибался: было уже не рано, и солнце успело вскарабкаться почти на треть своего дневного пути), Конан глотнул холодного яблочного сока, сполоснул лицо ледяной водой и прошел в гостиную.

Почтенный звездочет встретил его в том же бархатном мятом халате, что и в первый раз. Было похоже, что он вообще никогда не снимал с себя это одеяние. Пухлые щеки его втянулись и пожелтели еще больше, под глазами висели серые мешки, и весь вид выражал крайнее изнеможение.

Забравшись в мягкое кресло с ногами и изогнувшись так, словно вместо позвоночника у него была веревка, Майгус вертел перед своим носом свиток, мелко исписанный и изрисованный непонятными закорючками.

— Гороскоп юной Зингеллы готов, — объявил звездочет после короткого приветственного кивка. Он потряс в воздухе свитком, а затем развернул его с торжественной важностью. — Дочь герцога Гарриго родилась под созвездием Осьминога, с Пульсом Судьбы в Рыси и Луной в Вороне. Владыка ее рождения находится в обители смерти в точном совпадении с Солнцем…

— Погоди, почтенный Майгус! — перебил его Конан. — Тебе нет нужды нагружать мою голову этими диковинными словами. Я все равно ничего не пойму. Лучше скажи и желательно покороче, каким образом юная Зингелла может избежать своей нехорошей судьбы — если, конечно, ей грозит что-нибудь нехорошее.

— Так я же об этом и говорю! — Рассердившись, что его перебили, старик затряс головой и принял еще более немыслимую позу, подтянув колени к самому подбородку. — Я именно об этом и втолковываю!.. Созвездие Осьминога символизирует беспощадные объятия возмездия. Градус ее рождения указывает на нрав гордый и неуступчивый. Также Осьминог мистически соответствует детородным органам Великого Космического Человека, вследствие чего все, подверженные влиянию этого знака, чрезмерно страстны и чувственны и для утоления своих желаний способны на все. Лунные стрелы в обителях богатства и смерти, а также звезда Эль-Шиб в точном совпадении с Пульсом Судьбы усиливают фатальную предопределенность этого рождения. Об этом же говорит и родинка в форме наконечника стрелы над левой грудью…

Конан громко и выразительно вздохнул.

— …Звезда Куусилл, точно противостоящая владыке обители смерти, говорит о кончине в юном возрасте, — продолжал бубнить Майгус, не обращая внимания на начинающего закипать киммерийца, — а звезда Шеадд, совпадающая с огненной планетой Барух, указывает на смерть от огня, огня испепеляющего и неотвратимого. Звезда Рурхе в созвездии Орла, на границе обители здоровья, недвусмысленно показывает, что удар будет нанесен в сердце, но — не человеком, а стихией. Таким образом, делая вывод из всего вышесказанного, можно заключить, что Зингелле суждена смерть в юном возрасте от удара молнии.

Поскольку фатальность данного воплощения достигает наивысшей степени, на что указывает общий рисунок родинок и форма большого пальца, изменить предначертанное звездами не представляется возможным.

— Невозможно? — переспросил Конан, ухватившись за, пожалуй, единственное понятное слово в этом ворохе зауми. — Почему невозможно?! Для чего же я тогда — порази меня Кром! — тащился сюда?.. Зачем ждал столько времени? Чтобы выслушать сотню заумных слов и отправиться восвояси?!

— Я сделал все, что мог, — ответил с горьким достоинством Майгус и аккуратно свернул свиток. — Я пытался найти для дочери герцога хоть какой-нибудь выход. Если ты помнишь, я не взял от тебя денег, чтобы никакие материальные влияния не замутняли чистоту моей работы. Я честно пытался полюбить Зингеллу, заставить биться свое сердце в унисон с ее сердцем. Я почти полюбил ее, несмотря на то, что девушка эта — сущее исчадье ада, и я глубоко сочувствую ее благородному отцу. Но… Но! — пересилить нависший над ней рок я не в состоянии. Веления звезд сильнее моего жалкого разума, моих слабых сердечных порывов. Увы, мой мальчик!

— Я не мальчик! — огрызнулся Конан. — Мне скоро сорок лет. Но и в мои пятнадцать мало кто осмеливался называть меня мальчиком. Ты говоришь, Зингеллу убьет молния? Так разве нельзя предотвратить это? Скажем, при первых же признаках надвигающейся грозы девушка может спрятаться в глубокий погреб. Не думаю, что молния способна разить под землей!

— Степень тяжести рока, на которую указывает гороскоп, такова, — с важностью ответил Майгус, — что найдется молния — специально для юной дочери герцога! — способная проникнуть и под землю. Слышал ли ты, киммериец, о молниях в виде светящегося шара? Они бывают размером со сливу, с яблоко, с детскую головку — и способны вытворять удивительные вещи!

— Должен ли я передать герцогу Гарриго, что самый знаменитый хайборийский астролог считает его дочь обреченной на гибель в раннем возрасте и ничем не может этого предотвратить? — спросил Конан с видом презрительным и угрюмым.

Майгус кивнул.

— Ты правильно понял меня, посланец герцога. Впрочем, можешь добавить к этому, что изменить роковую волю звезд может один-единственный человек.

— И кто же это, интересно?!

— Сама Зингелла.

Конан усмехнулся.

— Сомневаюсь, чтобы тринадцатилетняя девушка была искушена во всяких магических штучках, заклятиях и заклинаниях…

— А ей и не нужно знать ни магии, ни мантики, ни астрологии. Ей вообще ничего не нужно знать или уметь сверх того, что она знает и умеет сейчас. Планеты и звезды своими невидимыми лучами сплели для нее очень прочную клетку. Прочнее тюремной камеры. Прочнее каменного мешка глубоко под землей. С потолка клетки точно над ее головой свешивается зазубренное лезвие. С каждым ее вздохом веревка, удерживающая лезвие на весу, становится все тоньше. Точно в назначенный срок меч падет ей на голову… Может ли она выскользнуть из этой камеры, спросишь ты меня, мой мальчик? И я отвечу тебе: может. Но лишь в одном-единственном случае: если Зингелла перестанет быть самой собой.

— Перестанет быть собой? Это как?.. — спросил Конан, решив на этот раз оставить

«мальчика» без внимания. Нергал с ним, с чудаковатым старикашкой, лишь бы сказал что-нибудь путное. Лишь бы не возвращаться к Гарриго ни с чем. — Объяснись попонятнее, высокомудрый звездочет.

— Попробую, — вздохнул Майгус и перевернулся в своем кресле. Теперь лицо его было задрано к потолку, а ступни ног располагались под мышками. — Зингелла, насколько я ее понял и прочувствовал, очень горда, безмерно вспыльчива, катастрофически безрассудна. Она любит скакать сломя голову на породистых жеребцах, и горе тому, кто не успеет вовремя увернуться от их копыт, подкованных звонкой сталью! Она собственноручно порет служанок, нечаянно ущипнувших ее при причесывании или слишком туго затянувших платье на талии… Она разит беспощадными насмешками толпящихся возле нее воздыхателей… Она обожает отца, но обожание это порой принимает странные формы, более смахивающие на мучительство… Она поражает, она обжигает, она слепит и не дается в рук — совсем как молния. И она достанется молнии в конечном итоге. Она сольется с ней, ибо астральная сущность девушки — из того же вещества, что и этот грозный небесный бич. Это очень трудно для понимания, мой мальчик, но вещество, из которого строится клетка судьбы, и плоть натуры того, кто заключен в этой клетке, — одно и то же. Впрочем, я не буду углубляться в это, так как сам еще многого не понимаю… Юная Зингелла не достанется молнии, если только перестанет быть собой. Когда в ней самой — в душе ее, в мыслях, во всем теле — не останется ничего от молнии, беспощадной, ярой и разящей, тогда огненная плетка, гуляющая в небесах во время грозы, ничего не сможет с ней поделать. Но это очень трудно, Конан, — перестать быть собой. Это почти невозможно.

— Отчего же?.. — Конан пожал плечами. — Если она очень не захочет превратиться в кусочек угля… Но не мог бы ты дать более определенные указания, более конкретные советы, каким образом любимой дочери герцога сохранить свою драгоценную жизнь?

— Пожалуйста. Передай ей или лучше ее отцу, Конан: пусть дочка его сразу же, лишь только получит из твоих рук сверток со своим гороскопом, снимет свое нарядное платье и блестящие лакированные башмачки. Пусть вынет из волос и ушей драгоценности и золото. Пусть оденет платье хуже того, что носят ее служанки, и идет ко мне. Но только пешком. Совсем одна, без слуг, без охраны, без дуэний, без воздыхателей… Путь сюда неблизкий, но дней за десять она доберется. Пусть не берет с собой в дорогу денег и питается лишь тем, что поднесет ей земля либо сердобольные поселяне. Если она подвергнется нападению злых людей, если потеряет в пути невинность — это только к лучшему. Да-да, мой мальчик, не смотри на меня так и не удивляйся. Вместе с невинностью она лишится и львиной доли своей гордыни, тем самым увеличив свой шанс не достаться молнии.

Конан расхохотался, хотя и не слишком весело.

— Если я скажу подобные слова Гарриго, он запустит в меня подсвечником либо вызовет на поединок! Он горячий человек, знаешь ли, истинный зингарец!.. «Если она потеряет невинность, это только к лучшему!» Ха-ха-ха-ха! Ты шутник, Майгус! Ты намного остроумнее, чем кажешься. Ты даже остроумнее, чем твои очаровательные дочки!..

— Дочки?.. — переспросил Майгус, и усталое его лицо посветлело. — Значит, они уже раздвоились для тебя? Да, они очень любят шутить и веселиться, мои девочки. Но я не таков. Я совсем не таков, варвар с Севера, хотя и имею счастье быть их отцом… Веселюсь я редко, и уж тем более не думал шутить, говоря о потере невинности. Если почтенный Гарриго хочет видеть свою дочь живой на протяжении долгого времени, пусть хорошенько подумает, прежде чем хвататься за подсвечник! Но я еще не кончил свою мысль. Когда прекрасная

Зингелла доберется до меня — добредет, доползет, доковыляет — она поселится в моем доме вместе со слугами и будет делать то же, что и они: вытирать пыль, чистить бронзу, вытряхивать портьеры, затачивать гусиные перья и палочки для туши… И так будет до тех пор, до того самого рокового дня, рокового мгновения, в которое предназначено обрушиться карающему мечу на ее хорошенькую головку. В тот день Зингелла не будет вытирать пыль. С раннего утра до позднего вечера проведет она этот день в моей комнате, где мы с ней будем медитировать, молиться, петь, разговаривать с кристаллами и самоцветами. Молния будет искать ее, но не найдет, будет рыскать в двух шагах от дома, словно хищник, вынюхивающий добычу, но ничего не сможет вынюхать. Конечно, это при том условии, что Зингелла полностью перестанет быть собой к этому времени… А утром следующего дня она отправится обратно в Кордаву, к отцу. Она поедет верхом на лошади, которую я подарю ей в награду за прилежный труд, и отец не узнает ее. Совсем другая девушка слезет с коня во дворе особняка Гарриго, хотя и наделенная той же нежной и жгучей красотой…

— Все это очень красиво и трогательно, почтенный Майгус, — вздохнул Конан, — и я чуть было не прослезился. Но было бы лучше, если бы ты написал все это в своем свитке. Герцог грамотный, он умеет читать.

— Я написал. Но мне показалось, что из твоих уст, могучий варвар, это будет звучать для него более убедительно.

Конан протянул руку, и Майгус отдал ему свиток, который тот засунул себе за пазуху.

— Я скажу ему это, раз ты так просишь. Не знаю только, до какого места твоего рассказа сумею дойти, прежде чем герцог начнет крушить все, что попадется ему под руку. Но я начну рассказывать, обещаю тебе. Но вот что ты забыл мне сообщить, мудрейший из мудрых: в какой именно день опустится карающий меч в виде молнии? Гарриго желал бы знать это в первую очередь. Те гадатели и звездочеты, к которым он обращался до тебя, называли разные дни. Хотя у двух-трех они и совпали. Знаешь ли ты точное время, Майгус?

— Разумеется, знаю, — с достоинством кивнул звездочет. Он спустил босые ноги на пол, и поза его стала более человеческой. — Но я не буду называть точного дня и времени суток. Это случится немного раньше того, как девушка достигнет четырнадцати лет, и хватит об этом.

— Но почему?!

— Чтобы сохранить рассудок благородного Гарриго. Если я назову точное время, герцог предпримет всевозможные меры, чтобы уберечь свою дочь. Но ей ничего не поможет, она достанется в пищу молнии, несмотря на все его ухищрения. (Конечно, если она не будет в этот самый момент в бедном платье и босиком глядеть на пляшущие язычки огня в моей комнате.) Дочь его погибнет, и герцог сойдет с ума от одной-единственной мысли: «Я ведь знал, знал, когда это случится, с точностью до нескольких вздохов, — и не уберег!» Чтобы рассудок его не сломался, я не стану называть точной даты.

— О, ты очень добр и великодушен, почтенный Майгус! — ответил Конан с едва уловимой иронией и склонил голову. — Думаю, герцог оценит это и проникнется к тебе самыми теплыми чувствами. Поспешу же обрадовать герцога! Благодарю за приют и несколько весьма нескучных дней, проведенных в твоем жилище.

— Не спеши так, мой молодой друг! — попросил звездочет, спрыгивая со своего кресла и разминая уставшие от долгого сидения мягкие мышцы. Лицо его оживилось от разговора и порозовело, а мешки под глазами стали меньше. — Задержись еще на день! Дочки мои хотят порадовать тебя на прощание каким-то сюрпризом. Видно, ты не на шутку понравился им. С

ранней зари сегодня они готовятся, наряжаются и суетятся.

— Как! Еще сюрприз?! — взревел киммериец. — Не слишком ли много сюрпризов на меня одного?

— Ты уж не обижай их, Конан, славных моих девочек, — попросил Майгус. — Выдумщиц моих…

Глава пятая

Хрустальный шар мерцал ярче, чем в прошлый раз, и блики, которые он разбрасывал, колеблясь, по стенам и потолку, отливали уже не зеленым, но ярко-лазоревым. Причиной этого, как заметил Конан, было большее количество свечей, расставленных вдоль стен и в центре комнаты. Свечи теперь имели форму диковинных цветов с длинными, загибающимися книзу лепестками.

Иглл отцепила хрустальный шар от бронзовой цепи, на которой он раскачивался, и протянула Сэтлл. Та прижала его обеими руками к груди и медленно опустилась на ворс ковра, на котором стояла.

Выпрямив спину, скрестив ноги и закрыв глаза, Сэтлл превратилась в статую со слабой, неопределенной улыбкой на отчего-то побледневших губах. Иглл, непривычно серьезная и строгая, провела ладонями, не касаясь, вдоль лица и груди сестры. На юном спокойном лице с закрытыми глазами не дрогнул ни один мускул, не встрепенулась ни одна ресница…

— Сейчас ты увидишь, Конан, нашу историю, — тихо сказала Иглл. — И тебе многое станет ясно.

Мягко надавив киммерийцу на плечи, она усадили его напротив застывшей сестры. Затем зажгла от ближайшей свечи несколько пахучих палочек. Дым от них оказался неожиданно резким, таким, что Конан закашлялся и слезы выступили у него на глазах. Пока он прочищал глотку и протирал глаза, мерцание шара изменилось. Из лазоревого он стал вдруг белым. Казалось, Сэтлл держит в ладонях очень плотный и круглый сгусток вечернего тумана.

— Наклонись-ка поближе, Конан, — прошептала Иглл. — И смотри внимательней.

Конан послушно потянулся вперед, вперив глаза в туманный сгусток. Шар стал еще белее и плотнее. Туман превратился в снег. Сквозь отполированные грани проступили неясные очертания, становившиеся все более четкими…

— Клянусь Кромом, — пробормотал киммериец, — это очень похоже на Ванахейм или Гиперборею…

— Это Гиперборея, — сказала Иглл.

— Да-да, теперь я узнаю эти зубчатые стены высотой в тридцать локтей и почти такие же в толщину… А вот и гиперборейцы в черных плащах… худые, словно стигийские мумии… глаза как у голодных котов… Проклятое племя… Но зачем ты показываешь мне эту отверженную светлыми богами страну?

— Потерпи немного, и тебе станет ясно, — ответила Иглл. — Что ты видишь теперь, киммериец?

— Теперь один из этого угрюмого племени подошел вплотную… Он смотрит прямо мне в лицо! Ну и физиономия, надо сказать… Кожа землистая, щеки впали, глаза — как у волка-оборотня…

— Ты ошибаешься, Конан. По-своему этот молодой гипербореец красив, — возразила Иглл, как показалось киммерийцу, с некоторой обидой в голосе. — И никакой он не оборотень, но правая рука королевы-жрицы Лухи. А эти толстые стены окружают крепость Похиолу, где она правит уже несколько столетий.

— Если тебе такие юноши кажутся красивыми, спорить не буду, — заметил Конан

покладисто. — Что касается жрицы, то я имел счастье видеть ее и довольно близко. Правда, это было много лет назад. Омерзительная тварь, надо сказать, и злобная, как голодная медведица… Ого, вот и она сама! — оживился варвар, разглядев в шаре закутанную в черное высокую фигуру с величаво расправленными плечами и царственно поднятой головой. — Она нисколько не постарела с тех пор, как я видел ее в последний раз!

— Скорее, помолодела, — заметила Иглл. — Все, что ты сейчас видишь, происходит двадцать четыре года назад. А молодой ее помощник, который кажется тебе таким уродливым, это я, собственной персоной.

— Ты?!.. — не поверил Конан. — Как же это может быть? Даже отдаленно нет ничего похожего. Глаза у него зеленые, кожа серая, ростом он повыше тебя в полтора раза, да и постарше на несколько лет… Даже если ты искусно загримировалась, вряд ли бы ты сумела изменить рост и цвет глаз!

— Это я, но в прошлом моем воплощении, — ответила Иглл терпеливо. Она смотрела на молодого жреца, не отрываясь, и взгляд ее был странным: и грусть, и горечь, и удивление, и тайное любование — все было в нем. — Мы ведь рождаемся на земле не один раз, но много. Некоторые даже — очень много раз. В прошлый свой приход на землю я была мужчиной и жила в угрюмой северной стране, где солнце почти все время скрыто за тучами, а одну луну в году вообще не появляется из-за горизонта, и бескрайние снежные равнины окутывает холодный мрак. Тогда самый громкий и отчетливый звук — непрекращающийся вой волков в ночи. Самый яркий и радующий глаз цвет — радужные сполохи, перебегающие в небесах в сильные морозы… Уже в десять лет у меня стали проявляться магические способности, и родители мои, которые были простыми земледельцами, отдали меня в обучение жрецам Лухи. В пятнадцать лет я уже сама стала жрецом. Стал жрецом, — поправилась Иглл. — А к двадцати пяти годам — столько, сколько мне сейчас там, — она кивнула на шар, — я стал правой рукой Великой Жрицы. Некоторые обряды, например оживление недавно погибших мертвецов, удавались мне даже лучше, чем ей.

Конан поморщился.

— Нашла чем хвастаться! Оживление мертвецов! Знаешь, каково рубиться с этими вылезшими из могилы, смердящими трупами, которых невозможно убить ничем — ни мечом, ни копьем, ни стрелой! Они разваливаются от твоего удара напополам, но снова поднимаются и прут на тебя… — Воспоминания о давней битве с ожившими гиперборейскими мертвецами были так ярки, что Конана передернуло. — Стигийские жрецы Черного Круга и то не додумывались до таких мерзостей, как северные колдуны Белой Руки! — Взглянув на девушку, киммериец смягчился и усмехнулся. — Впрочем, ты, конечно, наговариваешь на себя. Не могла ты заниматься такими мерзостями!

— Вовсе не наговариваю! — возразила Иглл. — Но и не хвастаюсь. Я родилась в той стране, а не в какой-либо иной. Мне были даны определенные способности, способность к магии, а не к вышиванию, скажем, или к выращиванию коз… И я занималась теми вещами, которым меня учили с детства, не зная, что может быть какой-то иной выбор. Меня учили подымать из могил мертвых воинов, вкладывать им в руки оружие и заставлять выполнять мои приказы. Меня учили заговаривать мечи и копья — чтобы даже пустяковая рана, нанесенная ими в бою, оказывалась для врага смертельной. Меня учили останавливать словом кровотечения. Меня учили выбивать в толще льда на вершинах гор — в толще вечного, прозрачного, нетающего льда — магические буквы и знаки… Но самой главной моей обязанностью было каждое полнолуние приносить человеческие жертвы Ледяной

Лухи.

— О да, тебе есть чем гордиться! — саркастически бросил Конан.

— Не перебивай пеня, киммериец! — возвысила голос Иглл. В глазах ее появилась горделивая властность. Казалось, надменная ледяная кровь жреца Лухи снова заговорила в ней. — Каждую луну, точно в полнолуние, я должен был выбрать из очередной партии пленников, которыми непрестанно пополнялись наши темницы, двух человек — мужчину и женщину. Мужчина должен был быть самым сильным и бесстрашным из всех, женщина — самой красивой. Выборы и последующее жертвоприношение совершались прилюдно. Это было одним из немногих и, пожалуй, самым любимым и доступным развлечением для простых гиперборейцев: ремесленников, земледельцев, воинов…

В тускло мерцающем шаре Конан мог разглядеть, как мрачный молодой жрец с землистым цветом лица медленно идет вдоль выстроенных на крепостной площади пленных. Судя по светлым и рыжим головам, то были уроженцы Ванахейма или Асгарда. Поодаль, с гранитного возвышения в форме усеченной пирамиды за процедурой наблюдала Великая Жрица. Еще дальше полукругом замерла любопытствующая толпа.

— С мужчинами было проще, — продолжала рассказывать Иглл. — Обычно я предлагал отдать себя в жертву Лухи добровольцу. Чаще всего в толпе пленных оказывался один, а иногда и несколько, кто готов был принять смерть. Именно такой мужчина был наиболее бесстрашным и благородным, и такой жертве Ледяная Лухи радовалась больше всего. Если добровольцев оказывалось несколько, бросали жребий… Случалось и так, что мой призыв оставался без ответа, и все мужчины молчали, потупившись и не глядя ни на кого. Тогда я делал следующий шаг. Предлагал самому сильному и храброму из них сразиться с богатырем Баггу. В награду, если Баггу будет побежден, я обещал смельчаку свободу. Также я обещал освободить и всех его родственников и друзей…

Я ничем не рисковал при этом, ибо Баггу был мертвецом, ожившим от моих чар, и подчиняющимся моим приказам мертвым гиперборейским воином. Когда он был жив, его силе не мог противостоять никто, он один сражался с десятерыми. Мертвый же — стал совсем непобедимым, ибо не страшился больше ни ран, ни потери своих членов, ни самой смерти. Пленные не знали об этом, и всегда находился какой-нибудь рослый молодец, желавший скрестить мечи с Баггу. Мертвец только ранил его, но не убивал, и раненая жертва доставалась Ледяной Лухи. Такой жертве Лухи радовалась меньше, чем целой и здоровой, но все-таки принимала ее.

…Мертвый воитель Баггу был высоким — даже по гиперборейским меркам — сутулым мужчиной, с волосатой грудью, длинными волосатыми руками и маленькой, словно вросшей в плечи головой. На его тело, испещренное шрамами, была наброшена волчья шкура, оставлявшая открытыми руки и ноги. Мороз, казалось, совсем не беспокоил его. Глаза под тяжелыми надбровными дугами запали так глубоко, что невозможно было определить, в какую сторону он смотрит. Возможно, глаз у него вообще не было, возможно, их выклевали когда-то вороны, и остались лишь два темных провала под нависшими бровями. Кожа на его лице была не просто землистой, но цвета мокрой глины. Баггу поигрывал тяжелым мечом, перебрасывая его из одной руки в другую. Вызвавшийся на бой с ним пленный воин-ас казался рядом с рослым мертвецом щуплым подростком. Нижняя челюсть Баггу то и дело отваливалась, и он захлопывал ее с громким стуком… Должно быть, подойдя вплотную, пленник разглядел, с кем имеет дело, увидел выклеванные вороном глазницы, — поскольку невыразимый ужас проступил на юном лице, и меч он поднял с видимым усилием,

преодолевая сопротивление скованных страхом мышц…

— С пленными женщинами было труднее, — продолжала Иглл, лишь мельком взглянув на поединок столь неравных противников. — Каким-то образом они догадывались, что выбирают самую красивую из них, и всячески старались себя изуродовать. Расцарапывали щеки и лбы, обмазывались сажей, взлохмачивали и пачкали волосы, морщились… Тех, кто грязнил себя особенно сильно, Великая Жрица с усмешкой приказывала обливать водой прямо на морозе. Их волосы и одежда покрывались ледяной коркой, многие тут же замерзали до смерти… Как правило, мне приходилось несколько раз проходить взад-вперед вдоль цепи пленниц и рассматривать их очень внимательно, прежде чем удавалось выбрать достойную жертву для Лухи… А вот и она, Конан, вот и сама Ледяная Лухи, голодная Лухи, алчущая набить свое просторное чрево. Полюбуйся же на нее!..

Голодная Лухи была гигантской статуей из зеленоватого льда. Она стояла вплотную к самой высокой башне крепости, достигая трех обхватов у основания. Алчная богиня, блестящая и обтекаемая, немного напоминала детскую игрушку, но только увеличенную в тысячи раз. Голова ее казалась несоразмеримо большой по сравнению с телом. Маленькие руки, едва намеченные резцом в толще льда, были похожи на плавники тюленя. Самым замечательным в ней был рот — огромный, распахнутый, шириной в четыре локтя, он приходился вровень с круглой площадкой на вершине башни.

— Статую Лухи каждый год отливали заново, — размеренно продолжала Иглл. — Хотя в Гиперборее никогда не бывает лета, но одну или полторы луны в году солнце припекает так, что лед тает. Сначала, с приходом теплых дней Лухи худеет, делается ниже ростом, потом теряет свою голову, потом обнажается ее ненасытное чрево… Это поистине удивительно, но ее ледяное брюхо всегда оказывается пустым, когда она полностью тает. Нет даже костей и черепов, даже ремней от одежды или подошв от сапог. Голодная Лухи пожирает все…

Итак, выбирая женскую жертву для Лухи, я обычно долго прохаживался вдоль группы ободранных, испачканных и расцарапанных женщин. Но в тот раз было не так. В тот раз лишь только я приблизился к пленным, как тут же выбрал. Вернее, выбрала меня она, моя судьба. Это была юная пленница из Ванахейма, с волосами, как сноп солнечных лучей, с кожей белее снега и глазами, подобными прозрачной воде в высокогорном озере.

Молодой жрец Лухи остановился как вкопанный перед рослой девушкой с непокрытыми, свободно падающими на плечи золотистыми волосами. Она стояла спокойно, не морщилась, не отворачивалась, не стремилась спрятаться за спины других женщин. Ни одной царапины не было на чистой, белоснежной коже лба и щек. Прозрачно-голубые глаза, окруженные густыми светлыми ресницами, смотрели без страха. Россыпь веснушек на переносице и под глазами придавала ей вид совсем юной девочки, хотя по сильным плечам, высокой груди и горделивой осанке можно было заключить, что ей уже не меньше семнадцати лет.

— Не слишком она похожа на Сэтлл, верно? — спросила Иглл, любуясь пленницей.

Конан перевел глаза на застывшую с закрытыми глазами Сэтлл и вновь взглянул на юное и спокойное лицо в хрустальном шаре.

— Совсем не похожа, — пробормотал он. — Ты хочешь сказать, что это… Сэтлл?

— Когда она засмеется, ты увидишь, как похожи у них улыбки и смех. Увидишь, как у обеих скачут в глазах сумасшедшие желтые искры. Впрочем, вряд ли она будет смеяться…

Но пленница из Ванахейма, словно опровергая ее слова, рассмеялась, лишь только стоящий перед ней зеленоглазый жрец произнес что-то. Она блеснула зубами, взмахнув

светлой гривой и сузив глаза, и Конан не мог не отметить, что в этот миг она и впрямь чем-то неуловимым напоминала Сэтлл.

— Что ее так развеселило? — спросил киммериец.

— Я сказал ей, что она красивее всех, кого я видел когда-либо, и я должен отдать ее Ледяной Лухи. Но, — сказал я, — сделать этого я не в силах. Мне легче принести в жертву Лухи самого себя. А она рассмеялась и ответила, что если я принесу в жертву самого себя, Ледяная Лухи выплюнет меня обратно.

Конан одобрительно хмыкнул. Прошлое воплощение Сэтлл ему определенно нравилось. Чего нельзя было сказать о ее сестренке…

— Я уже хотел пройти мимо нее и взять первую попавшуюся под руку женщину, любую, чтобы отдать ее Лухи. Но не успел. Великая Жрица заметила, что я о чем-то разговариваю с пленницей. Зрение у нее было отличное. «Отчего ты колеблешься? — громко спросила она меня со своего каменного постамента. — Красивее ее нет никого в этой толпе грязных и испуганных оборванок. Отдай же ее скорее Ледяной Лухи. Лухи ждет!»

Конан увидел, как молодой жрец вывел из толпы пленниц светловолосую девушку. Они медленно шли ко входу в башню, возле которой блестела ледяной макушкой и распахивала ненасытную пасть голодная Лухи. Толпа наблюдала за ними молча, восторженно и нетерпеливо.

— Если бы я не был жрецом Лухи, — прервала тягостное молчание Иглл, с болью наблюдающая за этой сценой, словно переживая ее заново, — я мог бы попытаться упасть перед Великой Жрицей на колени и умолять ее отдать прекрасную пленницу мне в жены или наложницы. Но жрецы обязаны давать обет безбрачия и целомудрия, нарушить который нельзя. Страшная и мучительная смерть грозит нарушителю обета. Я не мог просить, не мог умолять, не мог даже выкупить жизнь пленницы ценой собственной жизни: Лухи не примет вместо прекрасной девушки костлявого и некрасивого жреца… Мы вошли с ней в башню. Жертва Лухи должна быть живой. Получив мертвую жертву или избитую до беспамятства, богиня могла серьезно обидеться. Мужчина мог быть ранен — если он сражался с мертвецом Балу, но женщина должна быть нетронутой, нетронутой и прекрасной, как утренний снег…

Мы подымались по ступеням башни, а следом поднимался стражник, один-единственный стражник, гремящий длинным копьем о гранитные стены. Он должен был присутствовать при жертвоприношении на тот случай, если жертва вздумала бы сопротивляться и цепляться за свою жизнь. Главная башня святилища Лухи очень высока. Мы поднимались долго, очень долго… Люди, собравшиеся в ожидании увлекательного зрелища, уже стали переминаться с ноги на ногу и тихо роптать. Громко возмущаться пугливое простонародье не смело…

Люди, скопившиеся во дворе святилища Лухи, мерзли, скучали и недовольно жестикулировали. Великая Жрица хмурилась, то и дело поглядывая на пустую вершину башни, постукивала нетерпеливо тяжелым посохом о гранитный постамент, на котором по-прежнему стояла, словно величественная черная статуя… Наконец по толпе пронесся вздох облегчения. На верхней площадке башни появился жрец со своей пленницей. По-видимому, у смешливой дочери Ванахейма, в конце концов, сдали нервы, и она потеряла сознание, — потому что жрец нес ее на руках. В развевающихся под ветром одеждах из грубой шерсти ноша его казалась тяжелой и громоздкой. Голова ее была плотно замотана краем ее же плаща, возможно, чтобы криком своим жертва не смущала ледяной покой Лухи.

Подойдя к краю площадки, жрец вытянул вперед руки, и тело девушки рухнуло в

холодную пропасть распахнутого рта богини. По толпе пронеслись крики радости. Великая Жрица удовлетворенно расправила сведенные брови, и уголки ее губ приподнялись в скупой улыбке.

Спустя недолгое время, молодой жрец вышел из дверей башни. Следом за ним шел стражник в низко надвинутом на лоб кожаном шлеме. Длинное копье в его руке звенело, задевая за ледяные наросты на земле.

— Сэтлл была моей судьбой, а я — ее, — продолжала рассказывать Иглл. Глаза ее напряженно горели: ни следа былой ледяной насмешки. — Я понял это сразу, лишь только взглянул на нее в первый раз. Такие вещи всегда понимаешь в единый миг. Слов не нужно, объяснения излишни… Сэтлл тоже поняла сразу. Но поскольку она была женщиной, ей оказались нужны еще и слова. Мы сказали их друг другу, пока поднимались в полутьме винтовой лестницы, сказали шепотом, чтобы не мог расслышать поднимающийся следом стражник… Митра свидетель — мне жаль было того стражника, ничего не заподозрившего простофилю, которого не насторожили наши странные перешептывания. Мне было очень жаль, когда я поразил его в горло его же копьем — от неожиданности бедняга даже не успел защититься, — и затем, когда бросал бездыханное тело в одеждах ванахеймской пленницы в ледяную пасть-пропасть… Но то была его Судьба. Моя же Судьба отныне заключалась лишь в том, чтобы не разлучаться больше с найденной моей половинкой. Ни на день. Ни на миг.

…Молодой жрец и ванахеймская пленница пробрались в обитель жреца — небольшую комнату в левом крыле крепости, где прямо на каменном полу валялись старинные книги в деревянных и бронзовых переплетах, магические кристаллы, пожелтевшие от старости берцовые кости и черепа с драгоценными камнями в глазницах, стеклянные колбы всевозможных форм и размеров. Девушка стянула с головы кожаный шлем, и веселые яркие волосы осветили угрюмую каморку отшельника. Они были почти одного роста, жрец и пленница…

— Отчего же они медлят?.. — хрипло спросил киммериец, вглядываясь в запотевший от его дыхания шар. — Чего они ждут? Им ведь надо как можно скорее…

— Да-да, мы знали, что нужно бежать как можно скорее. Но днем пробраться за ворота крепости было невозможно. Приходилось дожидаться ночи. Мы хотели переодеться и изменить внешность до неузнаваемости. Она собиралась даже пожертвовать своими прекрасными волосами… Украсть пару коней не представляло особых трудностей. Гораздо сложнее было пройти мимо охранявших ворота стражников. Но я готов был на самые страшные преступления — на убийство, на предательство, на подлог и измену — лишь бы сохранить ей жизнь и добыть нам обоим свободу. Я ведь уже встал на путь преступлений, убив своего ни в чем не повинного сородича. Мы серьезно и хладнокровно готовились к побегу. Мы предусмотрели все… Все, кроме мстительного нрава Ледяной Лухи. Хотя мне следовало бы подумать об этом прежде всего! Поскольку в этот раз в ее голодное брюхо бросили не живую прекрасную девушку, но бездыханное тело стражника, богиня сочла себя оскорбленной.

Не успел еще собравшийся во дворе крепости народ разойтись по своим убогим земляным хижинам, как разыгралась буря. Поднялся ветер, завыла вьюга, злой острый снег закружился, забивая глаза и ноздри. В это время года в Гиперборее стоят обычно спокойные, ясные морозы, и ветра почти не бывает. Внезапная снежная буря не могла не насторожить Великую Жрицу. Она догадалась, что богиня, в ярости, оттого что ей принесли недостойную ее жертву. А может быть, даже не догадалась, но почувствовала. Ведь для многих, и меня в

том числе, не было секретом, что Великая Жрица и ледяная гигантская статуя связаны между собой непостижимым образом. И жертвы, падавшие в ледяное нутро, на самом деле восполняли жизненные силы великой колдуньи, главы Белой Руки. Не мешкая, Великая Жрица отдала приказ обыскать всю крепость. Спрятаться мы не успели, да и разве можно укрыться от всепроникающих ее чар! Стражники выбили ногами дверь в мою каморку и схватили нас.

…Великая Жрица не казалась ни разгневанной, ни возмущенной, когда к ней привели жреца-изменника, ее верного помощника, ее правую руку, и девчонку из Ванахейма, пленницу, рабыню, ради которой он совершил свое непонятное предательство. Одно только удивление, но очень слабое, еле заметное удивление слегка искривило ее безжизненные черты.

Великая Жрица удивилась еще больше, когда, услышав о каре, которую она избрала для них, жрец-изменник не упал на колени, умоляя о прощении, но вздохнул с облегчением и непритворной радостью.

— Великая Жрица повелела принести в жертву оскорбленной и разгневанной Ледяной Лухи нас обоих, и прямо сейчас, немедленно. Это была большая удача. Это было лучшее, что могла подарить мне старая ведьма за годы преданной службы. Я поблагодарил ее со слезами на глазах. И еще — возрадовался в душе, что всегда был любознателен сверх меры и кроме обязательных магических познаний, зарывшись в древние книги, добыл много иных интересных сведений. Они очень пригодились мне сейчас…

Жрец-изменник и светловолосая пленница вновь поднимались по винтовой лестнице башни. На этот раз их сопровождали два стражника с длинными копьями, ни на миг не спускавшие с них бдительных глаз. Руки приговоренных были стянуты за спиной веревками, отчего девушка порой спотыкалась, теряла равновесие, и жрец, поднимавшийся следом, поддерживал ее, упираясь костлявыми плечами в сырые стены.

— …У нас было очень мало времени. Я не имел возможности объяснить ей все толком. Я успел шепнуть только несколько слов, пока мы поднимались. Я сказал ей, что надо смотреть друг другу в глаза. Все время смотреть друг другу в глаза, что бы ни происходило вокруг нас и с нами, как бы ни было страшно и больно. А еще — повторять в уме одну фразу, одну-единственную. Что это за фраза, я не вправе сказать тебе, Конан, ты уж прости. Когда мы вышли на круглую площадку наверху башни, Ледяная Лухи — не будь дурочкой — сразу успокоилась, поняв что к чему. Она усмирила свой ветер, уняла бьющий в глаза снег. Иначе ведь мы могли промахнуться мимо ее жадного зева.

Вьюга утихла. Низкое зимнее солнце пробилось из-за сизых туч. Две высокие фигуры, почти вровень друг другу, застыли на вершине башни. Блестящий диск солнца был почти одного оттенка с вольно плещущимися волосами девушки. Жрец обернулся и что-то сказал стражникам, подталкивающим их к краю площадки. После недолгого колебания те развязали им руки и отступили назад, угрожающе стиснув в руках копья.

— Я сказал стражникам, что Ледяная Лухи любит, когда жертвы прыгают добровольно, и они развязали нас. Затем я сказал ей, что прыгать нужно вниз головой, чтобы сразу разбиться. Чтобы не корчиться долгое время в агонии, с перебитыми костями, в просторном ледяном желудке. Еще я сказал, что нужно смеяться и радоваться. Смеяться, несмотря ни на что. Чувство, которое испытываешь в последний миг своей жизни, окрашивает потом всю последующую жизнь. Если мы будем кричать и бояться — страх и отчаяние растянутся на десятилетия следующего воплощения. Они будут виться над нами черным флагом судьбы, и

наши предсмертные крики поселятся внутри нас, разрывая сердце. Мы обнялись, вернее, я прижал ее к себе, очень крепко. Так, что трудно было смотреть в глаза: зрачки были совсем рядом. Но мы смотрели.

Иглл замолчала. Картины в хрустальном шаре смешались, быстро и неотчетливо сменяя одна другую. Мелькнули белые зубы и золотистые волосы смеющейся пленницы… Напряженно-пристальные глаза жреца… Волокнистые ледяные глыбы… Что-то темное и теплое, наплывающее со всех сторон… Что-то пульсирующее и мерцающее…

— И что же было потом? — спросил Конан, когда шар перестал показывать и вновь обрел свое прозрачно-лазоревое сияние.

Иглл молчала, не сводя взгляда с лица сестры. Глаза Сэтлл были все так же закрыты, и все та же безмятежная улыбка покоилась на бледных губах. Но тонкие пальцы, держащие шар, чуть подрагивали.

— Потом?.. — переспросила Иглл, отчего-то вздохнув. — Потом было все, как и должно было быть. Поскольку мы смотрели только друг на друга и все время повторяли в уме фразу, окружавшую нас, словно невидимая сфера и отделяющую от всего остального мира, то мир не смог пробиться к нам. Разбившись о лед, мы попали, как и полагается, на Серые Равнины, но не задержались там. Мы проскочили стремительно эту унылую область, где стонущие и хнычущие тени толпятся годами и веками. Мы пронеслись мимо них, словно звезда, сорвавшаяся с неба. Двойная звезда… Мы обрушились вниз, в теплую и влажную тьму. Мы упали в нее, как зерна. И почти сразу же взошли, как зерна… Правда, теперь мы уже не сжимали друг друга в объятиях и не смотрели в глаза. Но мы были рядом. Свернувшись в два комочка, нежась в блаженной тьме, мы были совсем близко. Мы касались друг друга, мы ощущали друг друга. Мы знали, что на всем белом свете есть только нас двое… Так мы покоились в тепле, любви и блаженстве целых десять лун. А потом пришла пора покидать этот маленький рай и выбираться наружу. Выбираться на свет — резкий, злой, беспощадный. Но и на свету мы оставались вместе. Благодарение доброму и мудрому нашему отцу! — никто и ничто не разлучило нас…

Глава шестая

Вина было вдоволь — оно весело искрилось в высоких стеклянных сосудах, напоминающих алхимические колбы (и, по-видимому, ими и являющихся). К вину подавались хрустящие жареные фазаны, тающий во рту сыр, янтарные ломтики речной рыбы… За все дни, проведенные в доме звездочета, Конан впервые сидел за таким изысканным и изобильным столом. Близнецы постарались проводить его на славу.

— Пей, ешь, Конан, и не поминай нас недобрым словом! Даже если мы чем-то не угодили тебе! — щедро угощала его Иглл.

Сэтлл больше молчала, загадочно улыбаясь, и казалась не до конца вышедшей из своего транса. Глядя на нее, Конан невольно представлял рядом юную пленницу из Ванахейма и мысленно их сравнивал. Да, улыбки похожи, искры в глазах, манера жмуриться и встряхивать волосами…

Вот Иглл гораздо меньше напоминает мрачного жреца Лухи. Пожалуй, только изредка бывает у нее схожий взгляд: пристальный, жесткий, выдающий незаурядную волю и холодное напряжение всех сил натуры…

— Пей, Конан, и не надо так внимательно нас рассматривать! — усмехнулась Иглл. — Ты и без того никогда не забудешь пережитое здесь, можешь не сомневаться! Но и для нас с сестрой ты кое-что значил, верно, Сэтлл? — Она повернулась к сестре, и та кивнула, не меняя нездешнего выражения лица. — Мы неплохо провели с тобой несколько дней и поэтому решили отблагодарить любезного гостя. Тебя ожидает приятный сюрприз, киммериец!

— О Кром! — вздохнул Конан. — Кажется, еще одного сюрприза я просто не вынесу!

— Вынесешь, не сомневайся! — рассмеялась Иглл. — Уже завтра утром ты оценишь по достоинству наш дар. К сожалению, он не вечный и действует лишь три года. Спустя этот срок сюрприз потеряет силу. Но и за три года можно очень удачно распорядиться им. Мы уверены: ты не растеряешься и извлечешь для себя немалую пользу из нашего дара.

Киммериец неопределенно пожал плечами.

— Может быть… Хотя от загадочных даров, особенно связанных с магией, мне хотелось бы отпихнуться обеими руками! Поэтому не спешу рассыпаться в благодарностях… Но со своей стороны обещаю вам, что если на моем пути встретятся мало-мальски приличные неженатые близнецы, я тут же буду направлять их в вашу сторону. Да и сам заверну как-нибудь, разок-другой, если дороги мои будут пролегать невдалеке отсюда!

— А вот этого, Конан, не надо! — замахала руками Иглл. — Ни того, ни другого.

Конан удивленно вскинул брови.

— Близнецов присылать не надо, поскольку мы никогда и ни за кого не выйдем замуж, — объяснила девушка. — Мы не ставим в известность об этом нашего бедного отца, чтобы не ранить его. Не разбивать окончательно его надежды на внуков, о которых он грезит днями и ночами, которым мечтает передать все свои магические и астрологические знания. Ведь женщина-астролог не внушает особого доверия. Он так хочет обучать мальчиков! Впрочем, мы с Сэтлл и рады бы выйти замуж, но только при условии, что через пару лун можно будет отпустить мужа на все четыре стороны. Больший срок с одним мужчиной выдержать для нас невозможно, не так ли, Сэтлл?

— Я бы отпустила его через одну луну, — ответила Сэтлл. — Скучно! Очень долго быть вместе с одним и тем же мужчиной, видеть его каждый день и каждую ночь, быть обязанной ему повиноваться и потакать — невыносимо скучно. Только разнообразие позволяет нам сохранять некоторый интерес к мужской половине человечества.

— Поэтому, Конан, — ты только пойми и не обижайся! — не стоит тебе навещать нас снова, даже если дороги твои пройдут рядом, — заключила Иглл. — Нам было с тобой нескучно эти несколько дней. Так пусть же останется об этом хорошая память у тебя и у нас. Встречаться через какое-то время снова — все равно что перечитывать книгу, которую и без того знаешь почти наизусть. Постарайся понять и не обидеться!

— Пей, Конан, пей! — добавила Сэтлл, придвинув к нему колбу с вином и ласково улыбнувшись. По-видимому, обильным и настойчивым угощением она стремилась загладить обиду, которой не мог не почувствовать киммериец. — Пей и не думай ни о чем тяжелом, ни о чем недобром!

Конан послушно осушил полный сосуд. Обида грызла ему сердце, но он постарался ничем не высказать ее. К чему? Для двух очаровательных бездельниц, для двух вертихвосток, целыми днями предающихся сомнительным играм, он является прочитанной и знакомой назубок книгой?.. Пусть! Они не дождутся, что он покажет, как это задевает его.

После второго выпитого кувшина настроение Конана и впрямь улучшилось, а обида растворилась почти без следа. Все вокруг, а близнецы особенно, — стало казаться искрящимся, приветливым, легким…

— Скажите-ка мне, — проговорил он слегка заплетающимся языком. — Если правда то, что вы показали мне в шаре, — а у меня есть сомнения, что это какие-то обычные магические штучки, — если это все-таки правда, то отчего вы не родились братом и сестрой?

— Брат и сестра, как бы ни были они похожи, близнецами быть не могут, — серьезно ответила Иглл. — Их судьбы разные. Как бы ни были они нежно привязаны друг к другу, им придется когда-нибудь разлучиться, разойтись по своим семьям, детям… К тому же при таком воплощении всегда остается опасность кровосмешения. А это — страшный грех, несмываемый позор.

— Ну, хорошо! — кивнул Конан, сильнее и размашистее, чем обычно. — Тогда почему вы не появились на свет в виде двух братьев?

— Об этом самом мы часто спорим между собой, киммериец! — рассмеялась Сэтлл. — И никак не можем прийти к одному мнению. Мне кажется, что это оттого, что моя любовь больше. То есть, любовь пленницы из Ванахейма была больше, — поправилась она, — и оттого сила ее пола перетянула.

— Вовсе необязательно! — возмутилась Иглл. — Просто женщинам опять-таки легче не разлучаться всю жизнь, ни на день — от зачатия и до последнего вздоха. Братьям же неизбежно пришлось бы иногда расставаться: войны, королевская служба, охота, политика и прочие мужские дела… Правда, нас угораздило родиться в такой стране, где даже сестер разлучали еще в детстве. Видимо, намерзлись на севере, захотелось тепла, моря, яркого солнца, изобилия фруктов — вот и сунулись в Аргос. Если бы не наш добрый и мудрый отец, наша жизнь обернулась бы сплошной тоской и отчаяньем.

— «Добрый и мудрый отец!» — хмыкнул Конан. — Отчего же, если он такой мудрый, он не помог несчастной дочке герцога? Что-нибудь одно: либо он не очень-то добр, либо не особенно мудр.

— Не говори о том, чего ты не понимаешь! — вспыхнула Иглл. — Отец сделал все, что только можно было сделать! Он не ел и не спал, пока составлял гороскоп. Он ясно указал способ, каким она может избежать своей злосчастной судьбы. Другое дело, что способ этот Зингелле не под силу.

— А ваши гороскопы он составлял, прекрасные сестрички? — развязно спросил киммериец, чтобы сменить грустную тему. Выпитое вино приятно горячило грудь и расцвечивало все вокруг яркими красками. Каждый предмет в комнате улыбался ему и ласково подмигивал. — Как насчет гороскопа собственных дочурок?.. Ведь должен же он увидеть, клянусь Кроном, что ни зятьев, ни многочисленных внуков ему не видать!

Иглл отчего-то нахмурилась и замолчала. Словно зеркало мгновенно отразило эти изменения — в лице притихшей сестры. Конан удивленно помотал головой, не в силах понять причин затянувшейся неловкой паузы.

— Отец не составлял на нас гороскоп, — ответила, наконец, Иглл. — Вернее, он начал его, как только мы родились, но не докончил. Он бросил его, едва начав прозревать некие страшные предопределения. Он не хотел знать ничего плохого о будущем своих любимых дочек. Груз тайнознания — если оно касается близких или тебя самого — не каждый способен вынести. Отец наш слаб и безволен, что видно по его внешности: у него даже нет подбородка. Он заклялся когда-нибудь заглядывать в наше будущее и честно постарался забыть все, что уже успел узнать. Когда мы с Сэтлл выросли, мы сделали себе гороскопы сами.

— Страшные предопределения? — переспросил Конан. На миг голова его чуть протрезвела и прояснилась. — Что же может случиться с вами такого страшного? Вы ведь такие умные, такие ловкие, такие сведущие во всяких магических штучках?..

— Тем не менее, это так, — сухо ответила Иглл. — Но, к счастью, все страшное суждено одной мне. Это касается обстоятельств моей смерти. Они будут еще мрачнее, чем у глупышки Зингеллы. Правда, это случится не в юности.

— Но… но почему? — опешил Конан. — И разве нельзя этого… избежать?

— Странно было бы ожидать иного, учитывая те вещи, что я творила, будучи гиперборейским жрецом, — ответила девушка с видимым усилием. — А избежать? Конечно же, можно. Как и Зингелле. Можно все, если очень сильно этого захочется. Но я не хочу. И хватит об этом! Хватит, хватит! Мы пригласили тебя на веселый прощальный ужин, так веселись же и пей, киммериец!..

— Да-да, пей! — подхватила Сэтлл. Она потянулась к очередному кувшину с вином, чтобы пододвинуть ее Конану, но в растерянности обнаружила, что все стеклянные сосуды уже пусты. — О! Неужто ты справился с ними так быстро?!

Конан горделиво кивнул и расхохотался. Он потянулся было над блюдами и сосудами, чтобы обнять и приласкать двух славных сестричек, особенно ту из них, которой сейчас взгрустнулось, оттого что высмотрела у себя в гороскопе нечто страшное… Но руки и тело отказались ему повиноваться, и, смахнув локтем на ковер пару самых высоких колб, киммериец тяжело рухнул набок. Тут же он, правда, попытался подняться, но безуспешно.

— Кажется, он готов! — воскликнула Сэтлл и захлопала, как девочка, в ладоши.

Конан хотел было возразить, но из губ его вырвались лишь невнятные булькающие звуки. Он действительно был готов. Учитывая, что тело его сейчас напоминало бурдюк, доверху наполненный озорным молодым вином, это было неудивительно.

— Ну что ж, пора наделить его нашим подарком! — заключила Иглл.

В хмельном полузабытьи Конан чувствовал, что девушки раздевают его, с усилием переворачивая с боку на бок. Он пытался помогать им, приподымая то голову, то колено… Он пытался заплетающимся языком высказать им свое сожаление, что не может принять активное участие в любовных безумствах, которым они, видимо, собирались предаться с ним напоследок…

Впрочем, сестры не обращали никакого внимания на его лепет. Раздев его, они принялись не то ласкать, не то массировать его грудь, плечи, шею и щеки. Впрочем, больше это напоминало втирание какой-то мази. Легкие и теплые пальцы девушек то и дело запинались о многочисленные рубцы от былых ран, густо покрывавшие тело варвара.

— Ты только посмотри, Иглл, — восхищенно шептала Сэтлл, — он изранен похлеще старого гладиатора или вожака волчьей стаи!..

— Он изранен ровно настолько, насколько полагается настоящему мужчине, — отозвалась сестра.

— Некоторые шрамы уже наползают друг на друга… Скоро не останется ни кусочка свободной кожи!

— Ничего, целых три года теперь эту кожу не будет протыкать вражеская сталь или бронза…

Мазь была горячей и чуть пощипывающей, словно разогретая на огне горчица. От запаха ее тянуло чихать, что Конан и проделал раза четыре. Готовясь чихнуть в пятый раз, он потерял и без того слабую нить сознания и провалился в глухое беспамятство.

Глава седьмая

Утром следующего дня та же самая служанка, некрасивая и неприветливая (похоже, у Майгуса других слуг вообще не было), разбудила Конана, принеся ему завтрак, и объявила, что сестры спят и просили их не беспокоить, поскольку все прощальные слова были сказаны накануне. Хозяин же дома, почтенный Майгус, также просил к нему не входить, так как после окончания своей работы он обычно чувствует потребность в полном одиночестве. Таким образом, Конану недвусмысленно давали понять, что ему следует как можно скорее покинуть гостеприимный дом звездочета, не тревожа хозяев объятиями и слезами прощания.

Завтрак был обильный и сытный. Расставляя тарелки и скороговоркой передавая распоряжения своих хозяев, служанка косилась на киммерийца с явной опаской. Не понимая причины этого, Конан провел ладонями по лицу и одежде, но все было в порядке. Может быть, он устроил дебош вчера ночью? Крушил мебель, бил хрусталь?.. Возможно, сестренки чем-то рассердили его?.. Несмотря на обилие выпитого накануне, голова его была ясной: видимо, сестры угощали его самым отборным и чистым вином, что говорило об искреннем к нему расположении. Голова была прозрачной, как хрустальный шарик, но, тем не менее, имелись существенные провалы в памяти. Последнее, что помнил киммериец — не то массаж, не то начало любовной игры (интересно, довел ли он ее до конца, либо покрыл себя несмываемым позором?), и все это было связано со словом «сюрприз». Сюрприз! Конечно же, нечто таинственное, о чем говорилось в таких загадочных и многообещающих тонах…

Конан еще раз ощупал себя со всех сторон, а затем перебрал свои скудные дорожные пожитки. Кроме увесистого свертка с гороскопом Зингеллы ни в вещах его, ни на нем самом ничего не прибавилось. Кром! В чем же заключается этот самый сюрприз игривых сестричек?..

Быстро покончив с завтраком и собравшись, Конан оседлал вороного жеребца и пустился вскачь в направлении деревушки с таверной. Мысленно он желал себе, чтобы охранники, не покидавшие постоялый двор все эти дни, оказались нынешним утром в том состоянии, когда можно без труда усесться на лошадь и тронуться в обратный путь. Гарриго, верно, давным-давно сгорает от тревоги и нетерпения!

Проскакав бодрым галопом не слишком великое расстояние между обителью звездочета и деревушкой, Конан добрался туда еще до полудня и вытащил двух своих товарищей из-за широкого трактирного стола, заставленного закусками и бутылками. Поскольку Грумм и Хорхе начали веселиться недавно, они еще были вполне пригодны для немедленного обратного путешествия.

— Давайте поспешим, ребята! — торопил их киммериец. — Забирайте с собой бутыли, за которые вы уже заплатили, они нам пригодятся в дороге! Не съеденную дичь берите тоже. Поскорее укладывайтесь! Хозяин ваш, бедняга Гарриго, должно быть, сошел с ума от нетерпения!..

Охранники послушно седлали коней и упаковывали дорожные сумки. Что-то в их поведении настораживало киммерийца. Что?.. Не слышно было обычных грубоватых шуток, беззлобных перебранок друг с другом. Сотоварищи Конана все делали молча, то и дело посматривая на своего начальника со странным выражением: не то опаски, не то затаенного недовольства.

— В чем дело, Грумм? — спросил Конан старшего из них. — Вы что-то имеете против меня? Я чем-то обидел вас, разорви меня Кром!? Дал мало золотых, чтобы вы могли повеселиться здесь, пока я скучал в обители звездочета?.. Слишком рано вытащил вас из-за стола сегодня? Испортил настроение, напомнив о герцоге?.. Отвечайте же, дети Нергала!

— Что ты, Конан! — поспешно ответил Грумм в несвойственной ему подобострастной манере. — Конечно же, нет! Все в порядке. Мы очень благодарны тебе и за золото, и за несколько дней отличного отдыха!

— Тогда почему ты и Хорхе смотрите на меня так, словно я только что вылез из могилы? Словно я явился с того света, чтобы выпить вашу теплую кровь? Может быть, в моем лице что-то изменилось и пугает вас?..

— Ну что ты! — опять запротестовал Грумм, а Хорхе умильно закивал головой, подобострастно моргая. — Лицо как лицо. Правда, ты стал как будто немного смуглее, чем был. Должно быть, давно не мылся или не брился. Но в этом нет ничего страшного!

Конан прошел в распахнутую дверь таверны и вгляделся в отполированный бронзовый щит, висевший у входа и заменявший зеркало. Действительно, кожа его приняла несвойственный ей прежде пепельный оттенок. Он выглядел теперь так, словно в его чистую киммерийскую кровь влилась тоненькая струйка кушитской или стигийской крови. Плюнув себе на ладонь, он энергично растер щеки. Но пепельный оттенок не исчезал. Видимо, то была не грязь, а въевшиеся остатки той самой вонючей мази, которой — как он смутно помнил — натирали его ночью близнецы. Проклятие! Остается лишь надеяться, что цвет его глаз и черты лица не позволят принимать его отныне за грязного кушита либо коварного и угрюмого стигийца.

Выйдя из таверны, Конан увидел, что его спутники уже сидят верхом в позах чуткого ожидания дальнейших приказов. От такой картины ему захотелось сплюнуть и выругаться, но он сдержался. Вскочив на своего жеребца, Конан махнул рукой и сразу пустил его галопом. Наверное, он совершил ошибку, разрешив своим подопечным пьянствовать столько дней напролет, без перерыва. Должно быть, это было жестоко с его стороны, надо было хоть изредка давать им какие-либо поручения, а не отделываться пригоршнями золота. Видимо, местное вино, если употреблять его в непомерных количествах, размягчает мозги. Бедняга Грумм! Бедняга Хорхе! Остается только надеяться, что как только из них выветрится весь местный хмель, они обретут былое достоинство и отвагу…

Конан был так погружен в недовольные размышления, так нахлестывал своего и без того горячего коня, что на выезде из селения едва не столкнулся лоб в лоб с солдатами в медных доспехах, сопровождавшими богатый купеческий караван. Верблюды в ярких попонах с мерно покачивающимися горбами, апатичные мулы, груженные вьюками и сундуками, крикливые погонщики, надменные грузные купцы в богатых одеждах — все это великолепие, по-видимому, возвращалось из Кордавы в Стигию. Офицер, едущий впереди, с роскошным султаном на шлеме замахнулся было копьем, чтобы проучить наглеца, столкнуть с лошади мчащегося не разбирая дороги невежу, едва не смявшего торжественное шествие. Но в следующий же миг копье дрогнуло, занесенная рука опустилась, и офицер резко дернул поводья, отворачивая своего коня в сторону, чтобы дать проехать Конану и его спутникам. Следом за ним дорогу поспешно уступала и остальная охрана каравана, а затем стали шарахаться в сторону верблюды и мулы, понукаемые своими погонщиками. Было весьма странно, что человек двадцать прекрасно вооруженных охранников ни с того ни с сего испугались троих встречных незнакомцев. Один из верблюдов от слишком резкого поворота

не удержался и грохнулся наземь. Рассыпались, разбежались резные фигурки из слоновой кости, бронзовые монеты, блестящие медальоны, флакончики с благовониями…

Глава восьмая

— За что же ты благодаришь меня, разорви тебя Кром! — воскликнул Конан. — Ты разве не расслышал, что я сказал? Майгус не помог твоей дочери! Он подтвердил все самое худшее, но не сказал, каким образом может Зингелла избежать своей страшной судьбы. Совет, который он дал, звучит как издевательство! Честно говоря, я опасался, что ты вызовешь меня на поединок или запустишь в голову тяжелым креслом, едва услышишь эти слова!..

— Ну что ты, что ты! — кротко и болезненно воскликнул герцог. — Какое кресло? Какой поединок? Ты и представить себе не можешь, как я благодарен тебе, Конан!

За те несколько дней, что киммериец не видел его, герцог осунулся еще больше и казался совершенно больным и постаревшим. У него появилась привычка, которой прежде не было: теребить пальцами свои белоснежные манжеты. Разговаривая с Конаном, он не смотрел ему в глаза, отворачивался и постоянно то благодарил, то извинялся за причиненные хлопоты.

— Да за что, за что, ты можешь мне объяснить?! Поручение твое я не выполнил! Деньги, которые не взял за гороскоп Майгус, почти все потратил! Ребята, которых ты отправил со мной, Хорхе и Грумм, перепились со скуки до такой степени, что свихнулись! За что ты постоянно благодаришь меня?! — не выдержав, Конан бросился к приятелю и потряс его, словно стараясь пробудить от странного оцепенения и бестолковости, никогда прежде Гарриго не свойственных.

Но лишь только руки его коснулись герцога, как тот страшно побледнел. Казалось, вот-вот он упадет в обморок или умрет от разрыва сердца. Ошеломленный Конан силком усадил его в кресло, налил в бокал вина и заставил выпить.

— Да ты совсем заболел, пока меня не было, приятель! Позвать твоего славного старикана-доктора с его черненькими помощницами?

Герцог помотал головой. На белом, как известь, лбу его выступила испарина.

— О нет, не нужно, не стоит беспокоиться. Я вполне здоров. Благодарю вас, любезный Конан…

— Опять благодарю?!.. И с каких это пор мы на «вы»?

Конан хотел было выругаться, но, вглядевшись в лицо герцога попристальнее, прикусил язык. Не болезнь, не усталость, не отчаянье, но страх, да-да, страх, застыл в черных глазах, обычно таких гордых и огненных. Гарриго боялся его, боялся до обморока. Совсем как… Хорхе и Грумм… как те нелепые караванщики… как некрасивая служанка Майгуса…

Наконец-то до него дошло, что означали загадочные слова сестричек о приятном сюрпризе! Так вот он каков! Вот чему служит пепельный оттенок кожи на лбу и щеках… Проклятие! Впрямь ли испытывали к нему игривые близнецы при прощании добрые чувства? Пожалуй, он склонен засомневаться в этом.

Отойдя от несчастного герцога на три шага и встав так, чтобы лицо его было в тени и магический пепельный оттенок не бросался в глаза, он заговорил, стараясь, чтобы голос его был убедительным и проникновенным.

— Послушай, дружище, я все тебе объясню. У этого Майгуса есть две дочери, близнецы, изощренные, как и он, во всяких магических штучках. В последний вечер они напоили меня до беспамятства — вино, надо сказать, было отличное, поэтому я и хлебал его без

остановки! — а затем обмазали с ног до головы какой-то едкой дрянью. Они называли это сюрпризом. Сюрприз этот — чтоб ему провалиться в глотку Нергала! — нагоняет страх на всякого, кто на меня взглянет, будь это женщина, воин, ребенок или собака. Клянусь Кромом, я и представить не мог, что они собираются мне подарить! Проклятые девчонки!.. Ты знаешь меня не первый год, Гарриго, ты знаешь, как я отношусь к колдовству и магии. И уж тем более ты понимаешь, что мне незачем прибегать к колдовским уловкам, чтобы испугать кого-нибудь! Ты веришь мне, Гарриго? Ты веришь, что это грязная магия, и не больше?.. Если да, подойди ко мне, хлопни по плечу, и мы с тобой забудем это маленькое недоразумение за бутылью вина из твоих знаменитых погребов!

Но Гарриго не двигался. Лицо его было по-прежнему бледным, а взгляд — ускользающим в сторону. Манжеты утратили свою белоснежность, оттого что он теребил их не переставая.

— Гарриго! — снова заговорил киммериец. — Помнишь, как мы сражались с тобой против пяти аргосских плавучих стервятников полгода назад? Я — на своем «Вестреле», ты на «Стриже». Помнишь, как прозвали тебя аргоссцы, те, кому посчастливилось выскочить живым из той битвы? Кордавский Демон — прозвали они тебя! Вспомни, Гарриго. Ты один вступал в бой с восьмерыми! Каждый нищий в Кордаве расскажет с десяток легенд о твоей безумной храбрости. Подойди ко мне, друг, плюнь на магию! Мы обнимемся, раскупорим несколько бутылей и вместе подумаем, как можно помочь малютке Зингелле.

Гарриго чуть улыбнулся, но улыбка вышла кривой и жалкой. Он шагнул было в направлении киммерийца, но тут же отшатнулся назад. Глаза его были полны такой муки, что Конан не мог ему не посочувствовать.

— Ладно, — бросил киммериец, — Стой, где стоишь. Что-то захотелось мне закончить свой отпуск раньше времени и поскорее вернуться на свой «Вестрел»…

Внезапно в голову ему пришла неплохая мысль: раз уж он внушает всем вокруг беспричинный страх, почему бы не попробовать обратить этот страх на пользу и не поговорить с Зингеллой? Конечно, рекомендации Майгуса вызовут у нее буйный протест, но если он, Конан, повелит ей послушаться, вряд ли она сумеет ему возразить. Чудаковатый звездочет уверял, что это единственный способ сохранить ей жизнь и не стать добычей молнии. Конан не особенно склонен ему доверять (впрочем, как вообще кому бы то ни было), но вдруг?..

— Позволь мне поговорить с твоей дочерью! — сказал он, выходя из тени и приблизившись к герцогу.

— Конечно, конечно, Конан! — залепетал Гарриго, отшатнувшись назад. — Я сейчас же велю позвать Зингеллу. Для нее будет большой честью разговор с вами!

Он поспешно вышел из комнаты, с таким явным облегчением, что киммерийцу захотелось выругаться. И это тот самый Гарриго, Бешеный Герцог, Кордавский Демон и прочая, прочая, с которым столько раз они вместе смотрели в ледяные глаза смерти и хохотали над ней!..

Зная безмерную гордыню Зингеллы, Конан втайне надеялся, что хотя бы она, знатная аристократка, не будет смотреть на него взглядом забитой собаки и вздрагивать от малейшей перемены его интонации. И в первые мгновения их встречи он готов был возликовать: с таким достоинством держалась девушка.

На Зингелле было платье из пурпурного атласа. В черных, непокорно вьющихся волосах блестела бриллиантовая диадема, на смуглой шее каплями окаменевшего вина горели

рубины. Правда, бледное, исхудалое и измученное лицо ее мало гармонировало с роскошным нарядом. Под глазами, лишившимися блеска, залегли синие тени. Потерявшие яркость и свежесть губы больше не напоминали бутон, они были сжаты горестно и презрительно.

Поздоровавшись, Конан долго рассматривал девушку, чья суть была из того же вещества, что и молния, и оттого должна была достаться небесному бичу. Несомненно, огня в ней значительно поубавилось, хотя он еще был. На назойливый взгляд киммерийца она ответила гневно-возмущенным сверканием глаз и нахмурилась. Как и у герцога, пальцы ее все время были в движении, но они не теребили, а рвали — надушенный кружевной платочек превратился в бесформенные лоскутки, становящиеся все мельче и мельче.

Конан как можно полнее передал ей слова Майгуса. Он подробно описал тот способ, единственный, как видно, способ, которым она может уберечь себя от страшной гибели в юном возрасте. Правда, кое-что в своем рассказе он опустил: не стал говорить о потере невинности, лохмотьях, а также о предназначенной ей в доме Майгуса роли служанки. Со всей доступной ему убедительностью он объяснил девушке, что как ни тяжелы и унизительны условия, поставленные ей звездочетом, но иначе, по-видимому, избежать небесной кары ей невозможно.

Зингелла выслушала все молча, не проронив ни звука, и только черные ее газа наполнились еще большим негодованием и презрением. Она сухо кивнула, давая понять, что приняла к сведению сказанное им, и собралась было выйти.

— Погоди-ка, — Конан остановил ее, не слишком галантно ухватив за плечо. Чтобы добиться своего, он решил вести себя более резко и властно. — Сейчас ты пойдешь к себе и переоденешься в платье одной из твоих служанок! Снимешь все драгоценности и оставишь прощальную записку отцу. Все длинные объяснения с ним я беру на себя. Затем я провожу тебя до городских ворот и объясню, как лучше всего добраться до звездочета. Ни денег, ни еды брать не нужно. Я жду! Надеюсь, переодевание не займет у тебя много времени.

Конан чувствовал, как под его рукой плечо девушки сжалось и заледенело. Она побледнела, совсем как герцог, и мелко-мелко дрожала. С горечью киммериец осознал, что Зингелла также боится его, боится смертельно, а все ее презрение в глазах и надменно нахмуренные брови — лишь притворство, маска, натягиваемая ею на себя из последних сил.

Его предположение подтвердилось тут же, так как девушка, не посмев ослушаться, очень быстро вернулась и встала в дверях, ожидая дальнейших распоряжений. Платье, которое на ней было теперь, назвать простым можно было очень условно: хотя и лишенное золотого шитья и кружев, оно было сшито из тонкой и дорогой ткани, — но Конан придираться не стал. Драгоценности она сняла, все, кроме маленького колечка с бриллиантом. Конан снял его сам, властно протянув руку и преодолев слабое сопротивление худых пальцев.

Вместе они вышли из особняка Гарриго. Домашние и слуги провожали их удивленными взглядами, но никто не осмелился ни о чем спросить. Герцог на пути им не встретился, видно, удалился на достаточное расстояние от внушающего безумный ужас недавнего приятеля.

Конан довел Зингеллу, как и обещал, до городских ворот и дал точные наставления, как следует ей идти, чтобы к исходу пятого или шестого дня достичь обители звездочета. Ему показалось, впрочем, что девушка не слышит или не понимает того, что он говорит, и лишь механически покачивает головой.

— Не унывай! — Он отечески похлопал ее по спине, напряженной и твердой, как дерево. — У звездочета есть две дочки, немного постарше тебя, так что скучать ты не будешь.

Да, скучать ты не будешь, — повторил он, усмехнувшись, и лица Иглл и Сэтлл, одно холодное и насмешливое, другое смешливое и нежное, промелькнули перед его мысленным взором. — Они без устали играют и веселятся и то и дело выдумывают замечательные сюрпризы!..

* * *

Когда маленькая и напряженная фигурка девушки-молнии скрылась за поворотом дороги, Конан глубоко вздохнул и побрел обратно. Возвращаться в дом испуганного герцога ему не хотелось. Чтобы встряхнуться и разогнать смутные мысли, киммериец завернул в один из попавшихся ему на пути кабачков. Заказав несколько кружек пива и заставив ими половину приземистого стола, Конан огляделся вокруг и пригубил кружку, опустошив ее сразу наполовину.

Через два стола от него шумная и тесная компания сгрудилась возле матроса-шемита, голого до пояса богатыря, чьи мускулы больше напоминали обкатанные водой булыжники, чем человеческую плоть. Его красная от вина и возбуждения физиономия с толстыми приоткрытыми губами и нависшим над ними огромным носом поглядывала вокруг с нескрываемым торжеством и превосходством. Матрос призывал всех желающих помериться с ним силой рук. Похохатывая и поводя плечами, он обещал всякому, кто выдержит своей рукой напор его мощной ручищи не меньше, чем в течение трех вздохов, поставить бутыль вина. Побежденный, в свою очередь, обязывался выставить ему не меньшую бутыль. На столе перед ним громоздилось уже пять непочатых сосудов, что указывало на пятерых побежденных. Тесно сгрудившиеся зрители подначивали друг друга, но новые желающие проверить силу своих мускулов — если такие и были — пока колебались.

Осушив третью кружку, Конан поднялся со своего места и, потеснив плечами гомонящих хмельных мужчин, уселся на лавку напротив гиганта-шемита и молча грохнул о стол локтем правой руки. Шемит оживился и, довольно похохатывая, напомнил ему условия состязания: выдержавший его напор в течение трех вздохов получает полную бутыль, сдавшийся — расплачивается бутылью. Конан кивнул, не снисходя до слов. Шемит так же грохнул локтем о доски стола, и противники крепко сцепили ладони. Зрители разразились поощряющими криками.

Конан с удовольствием почувствовал противостоящую ему упругую мощь заросшей черными волосами лапы. Противник попался достойный! Блеснув зубами в улыбке, киммериец посмотрел шемиту в глаза с веселым и дружелюбным вызовом. Шемит ответил было таким же бравым и бесшабашным взглядом, но… мгновение спустя словно что-то дрогнуло в нем. Огонь в глазах погас, веки опустились, взгляд трусливо скользнул куда-то в сторону. И в тот же миг что-то сломалось и в крепких тисках, сжимавших ладонь Конана. Мускулы шемита подались, их каменная твердость размякла, рука упала на стол, загремев костяшками пальцев.

Конан готов был дать себе голову на отсечение, что полуголый матрос, человек-бык, сильнее его. Ввязываясь в состязание, он и не надеялся продержаться дольше трех вздохов и собирал всю свою силу, стягивал всю волю в комок… Обмякшая и упавшая с грохотом рука гиганта больше чем разочаровала его — она его оскорбила.

Все так же пряча взгляд, шемит пододвинул одну из своих пяти бутылей Конану. Зрители возбужденно галдели и бесновались. Взяв за горлышко выигранную бутыль, киммериец неожиданно изо всех сил ахнул ею об угол стола. Багровые брызги вина и осколки стекла фейерверком осыпали всех поблизости. Повисло напряженное молчание. Шемит медленно и растерянно обтирал ладонью кровь с расцарапанного стеклом лица. Струйки крови смешивались с потеками вина и с прозрачными каплями пота. Конан переводил свои посветлевшие от бешенства глаза с одного лица на другое, словно приглашая каждого желающего помериться с ним силой, и уже не на жизнь, а на смерть. Но желающих не оказалось. Оскорбление было проглочено всеми присутствовавшими в полном и неестественном для такого скопления пьяных и грубых мужчин молчании…

* * *

Чем дальше, тем более смутно и тошно становилось у Конана на душе. Последними словами клял он навязанный ему близнецами подарок. Сюрприз, сделавший его прокаженным, от которого шарахается в ужасе каждый встречный! Неудовлетворенная ярость кипела в его грудной клетке, грозя разорвать ее своим невыносимым давлением, и требовала немедленного выхода. Если б сцепиться с кем-нибудь на узких портовых улочках Кордавы! Да не с одним, а с тремя-четырьмя!.. Тогда бы бурная кровь его успокоилась и вошла в русло. Но с кем? Кто осмелится вступить с ним в драку или в честный поединок на шпагах? Если даже матрос-шемит, больше похожий на буйвола, вставшего на задние копыта, чем на человека, проглотил его оскорбление, словно трусливая, забитая ногами собачонка?..

До позднего вечера бродил Конан по припортовым улочкам, выбирая самые темные и зловещие, но все, кто попадались ему на пути: и пьяные матросы, и буйно гуляющие на берегу пираты, и ночные стражники, и главари городского дна — все они уступали набычившемуся варвару дорогу, поспешно и почтительно, стоило лишь тому вперить во встречного свой угрюмый взгляд. Бурлящая кровь не находила успокоения. Неутоленная ярость грызла душу, словно изголодавшийся пес свои цепи.

В довершение всего, вернувшись к ночи в особняк герцога и рухнув на постель в отведенных ему покоях, первое, что услышал усталый и злой киммериец, — высокий и вибрирующий от бешенства голосок Зингеллы. Он был так пронзителен, что разносился по всему дому, не заглушаемый ни толстыми стенами, ни коврами вдоль стен. Дочь герцога распекала служанку, недостаточно ловко раздевавшую ее на ночь. Затем досталось комнатной собачонке, вздумавшей не вовремя вспрыгнуть ей на колени. После чего стены задрожали от обрушиваемой на них бронзы подсвечников и хрусталя цветочных ваз…

Как и следовало ожидать, горделивая и изнеженная Зингелла тотчас вернулась домой, лишь только рядом с ней перестала маячить фигура смертельно пугающего ее киммерийца. Теперь все и все вокруг расплачивались за перенесенные ею унижения.

Зингелла вернулась… Выходит, как ни страшна ранняя смерть от удара молнии, но потерять себя, лишиться сути своей и из гордой аристократки превратиться в бредущую по дороге одинокую босую нищенку — намного страшнее…

Зингелла вернулась, и таким образом, Конан зря совершил путешествие длиной в

шестеро суток, зря прождал столько времени в доме чудаковатого старика, пока тот спрашивал совета у пыльных фолиантов и задирал подбородок к звездам. Нет, отчего же зря? Ведь сестрички осчастливили его великолепным подарком! Вот если бы только Митра или Нергал подсказали ему, как распорядиться этим чудесным даром? Пока что, кроме мутного осадка в душе и нарастающего раздражения, подарок этот не принес ему ничего…

Внезапно Конана осенила счастливая мысль. Если пепельный оттенок кожи делает все отношения его с друзьями, приятелями и незнакомцами такими неискренними и тошнотворными, то, возможно, это же самое будет не лишним при встрече с врагами! Заискивающие и покорные интонации в голосе старого друга нагоняют тоску, но в устах давнего и смертельного врага они же будут звучать сладостной музыкой…

Вот только на ком бы первом испробовать? Врагов у варвара с Севера хватало всегда, но тут нужен самый-самый… Пожалуй, лучше всего подойдет барон Ричендо. Во-первых, это злейший враг. Во-вторых, враг старый и закоренелый, успевший попортить Конану немало крови. В-третьих, поместье его находится недалеко отсюда, всего в половине дня пути от Кордавы.

Вымощенная гранитом и мрамором дорога барона Ричендо, одного из самых богатых зингарцев, чванящегося древностью своего рода, пересеклась с тропинкой Конана, нарисованной ветром на морской воде, около тринадцати лет назад. В то время Конан был вольным морским разбойником, нагонявшим страх и трепет на все западное побережье на пару с прекрасной и бешеной королевой пиратов Белит. У него было прозвище Амра — что значит «лев», которому он вполне соответствовал. Фелюга Ричендо — длинный пузатый тихоход с парусами цвета старой слоновой кости — была одной из многочисленных посудин, взятых ими на абордаж. Конан не был кровожадным злодеем и, как правило, отпускал на волю всех, кто бросал оружие, падал перед ним на колени и молил о пощаде. В их числе оказался и Ричендо, несмотря на свою зингарскую гордость и древние аристократические корни, ползавший перед киммерийцем по скользкой от крови палубе своего корабля. Конан отпустил его на все четыре стороны вместе с жалкими остатками экипажа (большинство подданных барона предпочли смерть в бою унижению) и даже выделил ему шлюпку и запас еды.

Надо сказать, Белит была против того, чтобы отпускать барона, и настаивала на его смерти. Вначале Конан склонен был приписывать ее настойчивость чрезмерной жестокости, но позднее увидел в этом проницательность любящего женского сердца.

Уже меньше чем через пол-луны Конану пришлось пожалеть о своем великодушии. Едва добравшись до зингарского берега, барон всенародно поклялся добиться того, чтобы варвара по кличке Амра вздернули на одной из виселиц на тюремном дворе Кордавы, называемом «танцевальный помост» (прежде чем умереть, висельники исполняют на своих веревках хорошую пляску для собравшейся публики), либо собственноручно вздернуть его на крепком суку берегового дерева, либо — в самом крайнем случае — проткнуть длинной зингарской шпагой в праведном поединке. Пользуясь своими неограниченными средствами и связями при дворе короля, Ричендо тут же собрал и отправил в море для поимки наглых пиратов целую флотилию из пяти кораблей, и Конана от верной гибели тогда спасло только чудо, а вернее — преданность, бесстрашие и мастерство команды.

Поклявшись, барон честно стремился исполнить свою клятву. Он не жалел ни денег, ни энергии для отмщения ненавистному киммерийцу. Сколько плававших с ним ребят перекупил барон, переманил на свою сторону, толкнув на предательство!.. Сколько раз по его

милости Конан балансировал на самом краю бездны, и призрак позорной смерти на виселице маячил перед ним совсем явно…

Ненависть Ричендо была того рода, что с годами не уменьшается, не слабеет, но лишь становится застарелой, словно бы затвердевает, превращая сердце носителя этого чувства в живой камень, днями и ночами грезящий о вожделенном последнем ударе, о сладком экстазе свершившейся мести… Хотя прошло уже больше тринадцати лет со времени их встречи, и большую часть этого времени Конан провел вдали от зингарских городов и вод, барон не забыл его. За те последние полтора года, которые киммериец провел корсаром на службе Его Величества короля Фердруго, он успел убедиться, что огонь неутоленной мести не стал слабее в груди его врага, а мысль его по-прежнему отыскивает способы расправы над своим давним противником.

Идея навестить барона Ричендо в его замке так взбодрила и развеселила Конана, что он, освободившись от тяжести смутных дум, мгновенно заснул и спал крепким сном до рассвета. Утром он хотел было покинуть гостеприимный и унылый особняк Гарриго, пока хозяин еще спит, но не успел. Герцог поднялся еще раньше, чем его гость, а может быть, учитывая синие мешки под глазами, не спал вообще. Худой и призрачный, как житель Серых Равнин, он столкнулся с Конаном в галерее и счел своим долгом на прощание бесконечно раскланиваться и извиняться, отводя взгляд в сторону и избегая приближаться к доброму приятелю ближе, чем на пять шагов.

Глава девятая

Вскоре после полудня, изрядно вымотав своего вороного жеребца, ибо нетерпение жгло ему пятки и заставляло то и дело пришпоривать потные бока благородного скакуна, Конан уже стучался в обитые бронзой высокие двери замка барона Ричендо. Обитель барона чем-то напоминала его почившую в соленых волнах фелюгу: такая же тяжеловесная и важная, словно раздувший щеки вельможа, с занавесками цвета слоновой кости, похожими на обвисшие паруса, на низких окнах.

Выглянувшему на стук охраннику Конан сообщил с наглым и бесшабашным выражением в смеющихся глазах, что его хозяин, барон Ричендо, ждет не дождется дорогого высокородного гостя, и задержка его в дверях может дорого обойтись болвану в начищенных, словно женские украшения, доспехах.

Болван в чрезмерно начищенных доспехах и его напарник, как и следовало ожидать, не посмели пикнуть или усомниться, и очень скоро Конан уже развалился в глубоком бархатном кресле, вытянув вперед ноги, в роскошной приемной барона.

— Говорю же тебе, остолоп, я никого не жду сегодня! Я не звал никаких гостей!.. — раздраженно выговаривая растерянному охраннику, барон торопливыми шагами ворвался в одну из дверей.

На нем был домашний халат с длинными, волочащимися по полу золотыми кистями и мягкие замшевые туфли.

Увидев киммерийца, Ричендо остолбенел. Мягкие розовые щеки его, падающие на ворот халата, приобрели серый оттенок. Круглые глаза выкатились из орбит.

— Здравствуй, дружище! — широко улыбнувшись, Конан поднялся с кресла, шагнул к нему и развел руки, словно стремясь поскорее заключить хозяина дома в жаркие объятия. — Ты так часто приглашал меня посетить твой гостеприимный замок, и я наконец-то улучил время! Помнишь, как ты упрашивал меня, как заверял, что твой дом будет моим домом, и все, что в нем, и все, кто в нем, — будет моим и моими! Я вижу, ты проглотил язык от радости, и это так понятно. Ну, скорее же обними своего старого и верного друга, не забывавшего о тебе за все эти годы ни на миг!..

Конан отпустил свой язык на волю и от души веселился, глядя, как в изменившемся лице барона безмерное возмущение борется с чем-то неведомым, похожим на ужас, столь же безмерный.

— Значит, ты не хочешь меня обнять? Не хочешь прижать к груди старого друга?! — Конан опустил руки и вздохнул с наигранной обидой. — Не ждал я, что долгожданная наша встреча будет такой сухой. Может быть, ты размочишь ее хотя бы хорошей бутылью, если уж мне не удалось выжать из глаз твоих слезы радости?.. Но что с тобой?! — воскликнул он вдруг с тревогой.

Если тревога эта и была наигранной, то совсем чуть-чуть. Лицо барона из серого стало густо-багровым, с отливом в зловещую синеву. Глаза выпучились еще больше и приняли бессмысленное выражение. Хрипло вскрикнув, заскрипев зубами и схватившись за отвороты халата, Ричендо рухнул навзничь, гулко стукнувшись затылком о паркет из мореного дуба. Результатом борьбы между негодованием и смертельным ужасом стал, по всей видимости, апоплексический удар.

Пока сбежавшиеся слуги хлопотали над недвижным хозяином, Конан, несколько ошарашенный той легкостью, с какой в один миг, без всяких усилий со своей стороны, он справился с многолетним врагом, размышлял, что ему делать дальше. Попрощаться как ни в чем не бывало и закрыть за собой двери?.. Уйти не прощаясь?.. Пока Конан раздумывал, в комнату вбежала женщина средних лет. Причитая и раскачивая высокой затейливой прической, она бросилась на колени перед поверженным багровым бароном. По-видимому, то была его жена, в самом ближайшем времени рискующая стать вдовой. Молодой человек, вошедший вместе с ней, пытался поднять ее с пола, вежливо и раздельно твердя слова утешения. Юноша был точной копией барона, лишь слегка облегченной в весе и значительно омоложенной. Такой же, как у отца, нос с крупными, то и дело раздувавшимися ноздрями нависал над безукоризненно черной и тонкой полоской усов. Алые губы нервно подергивались.

Конан тут же решил, что пока подождет ретироваться. Он знал вошедшего юношу. То был Кайсс, первенец и любимый сын барона, которому тот, в числе прочего, передал по наследству ненависть к бывшему пирату, варвару из Киммерии. Оглядевшись по сторонам, Кайсс, конечно же, сразу понял, кто явился причиной случившегося с отцом несчастья. Рука его потянулась к шпаге, висевшей за поясом, ноздри гневно раздулись, он порывисто шагнул по направлению к киммерийцу…

— Безмерно рад тебя видеть, мой юный друг! — в свою очередь Конан также сделал шаг вперед, предусмотрительно опустив ладонь на рукоять меча. — Мне очень жаль, но твой почтенный отец так обрадовался встрече со своим старинным приятелем, что от восторга потерял сознание. Надеюсь, твои нервы окажутся крепче, и ты не будешь реагировать столь бурно.

Судя по тому, что лицо сына приняло такой же багровый оттенок, что и у его отца несколько мгновений назад, надежды Конана могли и не оправдаться. Кайсс изо всех сил закусил нижнюю губу. Его черные глаза с породистыми голубыми белками то и дело меняли выражение — от смертельной ненависти до боязливой тоски…

— Успокойся, успокойся, мой добрый Кайсс! — воскликнул Конан как мог приветливо и добродушно, — Подумай о своей матери. В один миг потерять и мужа, и сына — это уж слишком. Я вижу, что ты безмерно рад мне, но докажи эту радость чем-нибудь попроще: без потери сознания, без ударов затылком об пол! Прикажи лучше подать побольше доброго вина, а к нему незатейливой закуски!..

Организм юноши был крепче, чей у пожилого барона, потому он сумел вынести издевательство. Обернувшись назад, Кайсс хлопнул в ладоши и приказал — неестественно хриплым и вибрирующим голосом — как следует накормить и напоить гостя. Половина хлопочущих над бароном слуг кинулась исполнять это новое приказание.

— Надеюсь, ты не оставишь меня в одиночестве? — поинтересовался Конан с невинным видом. — Кусок не полезет мне в горло, если я буду сидеть за столом один. Составь мне компанию, дорогой Кайсс, отца же своего отдай попечениям слуг и бедной женщины, имевшей когда-то счастье выйти за него замуж.

Злосчастный заложник таинственной мази близнецов, не смог заставить себя возразить ненавистному гостю. С затравленностью во взоре сидел он за роскошно накрытым столом напротив Конана, нервно пощипывая виноград и катая хлебные шарики. Конан же с удовольствием насыщался, отдавая дань изобильному и утонченному столу барона. Осушая одну за другой бутыли вина с тонкими, как шеи болотных птиц, горлышками, отправляя в рот

внушительные куски жареной дичи и копченой рыбы, киммериец не переставал разглагольствовать, насколько это можно было сделать с набитым ртом.

— Как жаль, дорогой Кайсс, что отец твой не вынес встречи со мной! Какое для меня было бы счастье, если бы старый добрый Ричендо сидел сейчас вместе с нами, за этим столом. Нам было бы с ним что вспомнить, поверь!.. Когда мы с твоим отцом познакомились, ты был еще маленьким мальчиком, размахивающим деревянной шпагой и резво скачущим на пони. О, разве забуду я тот миг, когда благородный нобиль, чья шея и запястья утопали в кружевах, как руки прачки в пене, чьи пуговицы на камзоле были выточены из рубинов и аметистов, разве забуду я, как все это драгоценное, кружевное и высокомерное бросилось передо мной на колени и, елозя по палубе, пропитанной кровью верных его слуг, принялось умолять о пощаде!.. Я пощадил его. Я дал ему крепкую шлюпку, бочонок с водой и ящик с солониной и пожелал попутного ветра. Но уже через несколько дней мне пришлось спасаться от пяти кораблей с королевскими солдатами, которых твой добрый отец послал на охоту за мной и моими верными ребятами!.. О, он не пожалел золота, твой отец, он всегда был щедр и великодушен… А знаешь, что было первое, что ждало меня пол-луны спустя, когда я высадился на пустынном берегу к югу от Кордавы?.. Стрела! Да-да, стрела, мой мальчик, которую выпустил сидящий в засаде солдат из той же флотилии. Твой добрый отец — да поможет ему Митра подняться на ноги и вернуть розовый цвет на его щеки! — не поленился и не пожалел денег, чтобы выставить оцепление из солдат, тщательно замаскированных под земледельцев и нищих, на довольно протяженной части зингарского побережья. Стрела попала мне в бедро, но, к счастью, она была не отравлена, и мне удалось уйти и тайно перебраться в Аргос.

Уже в Мессантии мне услужливо доложили о той страшной клятве, которую дал твой отец в присутствии многих людей… Он добросовестно пытался выполнить свою клятву. Сдается мне, в его жизни с тех пор не осталось других устремлений и желаний, как только отомстить мне. Верно, малыш? Или я не прав? Или отец твой не тратил свое огромное состояние, снаряжая карательные отряды в погоню за мной? Или он не превратил каждый портовый кабачок на всем протяжении от Пиктских Пустошей до Стигии в место, где в любой миг меня мог ждать нож в спину, предательски пущенный в дело каким-нибудь подкупленным оборванцем… А тот случай в Мессантии, когда главарь местных воров едва не сжег меня вместе с постоялым двором, где я жил, и десятком других постояльцев, оттого, что твой отец обещал щедро заплатить за мои обугленные кости!.. Потом я уехал и не был в этих краях больше десяти лет… Но твой достойный отец не забыл меня! За корсаром на службе Его Величества уже нельзя было охотиться, как за простым пиратом, но неистощимый ум его искал и находил выходы. К примеру, те две бутыли отравленного вина, которые якобы прислала ко мне в таверну «Девяти Шпаг» одна из влюбленных в меня знатных красоток! В тот вечер по милости твоего доброго отца я лишился двоих своих друзей…

А меч с отравленной рукоятью, якобы переданный мне одной из спасенных мною высоких особ, пожелавшей остаться неизвестной? Первым за его рукоять имел несчастье схватиться семилетний сынишка хозяина гостиницы, в которой все это происходило… А… Впрочем, я вижу, я утомил тебя своими воспоминаниями, дорогой Кайсс! Лицо у тебя такое кислое, словно в кувшине, из которого ты сейчас хорошо отхлебнул, не вино, а уксус. Прости меня за мою крепкую память, за мой не знающий устали язык! Я многое мог бы еще сказать. Я ведь еще не дошел до наших общих с тобой воспоминаний, мой благородный Кайсс! Ты

ведь тоже, переняв от отца его любовь ко мне, сделал немало, чтобы добиться моей ответной любви. Но этого я касаться уже не буду. Хватит! Не разболелись ли у тебя зубы, высокородный Кайсс? Твое благородное и красивое лицо так перекосилось… Нет?.. Я рад за тебя в таком случае.

Когда было выпито и съедено все, что только мог вместить в себя желудок варвара, Конан удовлетворенно откинулся на спинку кресла и ласково подмигнул сыну барона. Тот сидел перед ним, раздавленный и застылый, и лицо его казалось вылепленным из зеленоватой глины.

— Надеюсь, что твой добрый отец поправится, — добродушно зевнув, сказал киммериец. — Думаю, он не простит ни мне, ни себе, если, обретя способность двигаться и говорить, обнаружит, что я не дождался этого момента и докинул его гостеприимный замок. Чтобы этого не случилось, я поживу здесь, любезный Кайсс, несколько дней, может быть, половину луны или больше. Я уверен, твой отец, зная, что я в нетерпении жажду обняться с ним и предаться общим воспоминаниям, восстановит свои силы быстрее…

* * *

Каждую ночь Конан плотно задвигал засовом двери отведенной ему комнаты и проверял решетки на окнах. В первый же вечер он тщательно простучал стены и дверцы внушительных шкафов, проверяя, нет ли где потайного входа в его помещение. Хорошо изучив за долгие годы нрав хозяев, он не без оснований опасался, что молодой барон сделает все возможное, чтобы его уничтожить. Как только киммериец выпадал из поля зрения Кайсса, магия близнецов переставала действовать, и хозяин дома начинал выискивать любые способы убийства смертельно оскорбившего его наглеца с пепельным оттенком кожи.

Но Конан был начеку. Несколько раз его будил по ночам шорох и поскрипывание за дверью, и он громко и добродушно осведомлялся, кому это не спится и кто так жаждет его общества посреди ночи. Порой он молча вставал и распахивал дверь, но за ней никого не оказывалось, лишь слышался заглушаемый коврами топот убегающих по коридору ног. Также Конан никогда не ел и не пил в одиночестве, но только в присутствии молодого барона или его матери. (Старый барон по-прежнему не вставал с постели, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, и только бессвязно мычал.)

Однажды утром, сразу после обильного завтрака, Конан прогуливался по чисто выметенным и чуть ли не вылизанным дорожкам сада. Неожиданно из-за кустов к нему метнулась здоровенная пантера с маслянисто блестящей на солнце короткой шерстью. Киммериец знал, что по ночам в сад выпускают для охраны диких кошек, днем же они крепко заперты в клетке на заднем дворе. Этим утром, видимо, заметив прогуливающегося варвара, Кайсс отдал приказ выпустить пантер. Мгновенно подобравшись, киммериец выхватил из-за пояса меч, с которым никогда не расставался. Зверь мотал хвостом из стороны в сторону, застыв в трех шагах и не сводя с него желтых глаз с резко сузившимися зрачками. Краем глаза Конан заметил еще одну такую же кошку, выжидательно присевшую под деревом шагах в восьми от него. Проклятие! А если их еще больше?.. Помнится, в просторной стальной клетке на заднем дворе утробно рычали, терзая зубами телятину, штуки

четыре или пять таких же вороных и блестящих кошечек с прижатыми округлыми ушами и когтями длиной в полпальца… С двумя он еще, может, и справится, но вот четыре или пять — это уже перебор!

Конан знал, что дикие звери очень не любят пристального взгляда в глаза. Поэтому он уставился в узкие щелевидные зрачки, постаравшись собрать всю волю в один пучок. Он почти ощущал этот самый пучок, жесткий до рези, исходящий из-под его напряженных век…

— Спокойно, спокойно, киска, — негромко приговаривал киммериец. — Я ведь не сделал тебе ничего плохого. Иди-ка подобру-поздорову отсюда и подружек своих уводи…

Выдержать, не моргнув, тяжесть звериного взгляда было непросто. Конан чувствовал, как крупные капли пота бегут у него между лопатками, а виски ломит от волевых усилий. К тому же приходилось не выпускать из поля зрения вторую пантеру, пока, к счастью, не делавшую попыток сдвинуться с места. И еще он чутко прислушивался, ловя каждый шорох в траве и кустах: ведь остальные двое или трое зверей тоже, должно быть, прогуливаются где-то поблизости.

Прошло томительное время, равное пяти-шести вздохам, прежде чем пантера отвела, наконец, глаза. Судя по всему, магия близнецов на нее не действовала (отчего киммериец испытывал к дикой кошке невольную симпатию), но вот пристальный взгляд жестких и спокойных синих глаз подавил желание прыгнуть и впиться зубами в горло крупной и соблазнительной добычи. По-видимому, в их небольшой группе или семье этот зверь был лидером, поскольку, стоило ей отвернуться и пойти прочь от киммерийца, нервно позевывая и независимо шевеля хвостом, как и вторая кошка потеряла к Конану всяческий интерес и отправилась по своим делам.

* * *

В глубине души Конана веселило и подстегивало странное противоречие, которое составляло суть его обитания в роскошном замке барона. С одной стороны, гибель — в виде яда, ножа, кинжала, зубов хищников — подстерегала его на каждом шагу, и нельзя было расслабиться ни на миг. Нельзя было даже пить вина вдоволь, и приходилось постоянно ограничивать себя, чтобы сознание оставалось ясным, а руки крепкими.

Даже сон его, обычно глубокий и лишенный сновидений, стал здесь чутким, мгновенно прерывающимся от любого подозрительного шороха. С другой стороны — каждая его дневная причуда выполнялась мгновенно, с раболепной поспешностью. Если за обедом он задумчиво вспоминал, как когда-то в Аргосе ел замечательный паштет из плавников морской рыбы, то за ужином ему подавалось именно такое блюдо. (А если и не совсем такое — за отсутствием поблизости необходимых рыб — то не особо разборчивый в еде киммериец этого не замечал.) Стоило Конану мечтательно вздохнуть, остановившись у висящей на ковре длинной зингарской шпаги, чей эфес из серебра был украшен гладко ограненными рубинами, напоминавшими застывшие капельки крови, скатившиеся со смертельного клинка, — как Кайсс тут же снимал оружие и протягивал гостю. То же случалось, если за трапезой Конан, прищурившись и цокая языком, принимался рассматривать на свет, поворачивая во все стороны, хрустальную чашу аквилонской работы. Комната его

постепенно наполнялась изысканными и богатыми подарками.

На пятый день навестить больного отца приехала из Кордавы его замужняя дочь, герцогиня Оттази. То была пышная двадцатипятилетняя матрона с очень белой кожей, которую она вдобавок еще и пудрила мелко истолченным мелом, отчего напоминала умершую от малокровия и только что восставшую из гроба. На ее крохотных губках чаще всего держалось выражение брезгливого недоумения, словно все происходящее вокруг вызывало у нее это чувство, и никакое иное. По-видимому, брат, не питавший к ней особенно нежных чувств, не счел нужным заранее сообщить о гостящем у них варваре, неведомым путем заставляющем всех вокруг трепетать перед своей персоной. Поэтому знакомство с Конаном оказалось для благородной и нежной Оттази сюрпризом.

За вечерней трапезой Конан сел рядом с белолицей красавицей и прожигал ее томными взглядами, отчего бедная женщина не раз поперхнулась и не смогла толком утолить свой аппетит. Недоумение в воловьих глазах с поволокой нарастало, брезгливость же исчезла, и теперь ее яркие губки мелко дрожали…

Конан не сомневался, что этой же ночью испуганная пышнотелая дурочка окажется в его комнате. Так и случилось. Она пришла к нему и робко поцарапалась в дверь, в одной белоснежной — того же цвета, что и щеки, — ночной рубашке, сквозь которую смутно просвечивали соблазнительные формы. От нее разило дорогими духами, с такой силой, словно она умылась ими. От резкого пряного запаха у Конана защипало в носу, а робкие прелести в сочетании с безумным ужасом в глазах и трясущимися руками повергли его в состояние неудержимого хохота. Отсмеявшись, Конан похлопал дрожащую красотку по пышному плечу и вежливо выпроводил. В качестве компенсации за неудавшееся свидание он вручил ей один из хрустальных бокалов, не глядя взяв его из груды подарков, наваленных на полу.

* * *

Почему-то эта испуганная гусыня явилась последней каплей. Закрыв за ней дверь и задвинув засов, Конан со всего размаха бросился на свое ложе с бесчисленным количеством атласных подушек. Беспечное веселье сменилось горечью. Проклятие! Неужели теперь всегда женщины будут отдаваться ему, трясясь от страха и проглотив язык?! Неужели его удел отныне — полумертвые от ужаса ледышки, которые в другое время, не видя его и выйдя из-под воздействия магии, будут строить и приводить в действие разнообразные планы его убийства? Вместе с братьями своими и мужьями… Хорошенький же подарок сделали ему веселые сестрички, ничего не скажешь! Что они там говорили про три года? Три года! Целых три года перед ним будут лебезить его враги, будут отдаваться лишь от ужаса женщины, а приятели и друзья — что самое отвратительное — превратятся в подобострастных и покорных идиотов, каким стал Гарриго. Горделивый, горячий, беспечный и безрассудный старина Гарриго!..

Правда, подарок этот, эта пепельная — Нергал ее побери! — кожа на скулах многое может ему дать. Очень многое… Груда изящных безделушек на ковре — лишь ничтожная часть того, что может он получить, пользуясь внушаемым всем вокруг беспредельным

страхом. О, он может стать богат, очень богат! Он может превзойти богатством самого Ричендо. (А интересно, подарит ли ему юный Кайсс отцовский замок со всем, что там есть, если Конан прищурится и поцокает языком, глядя на огромное и приземистое каменное строение с барельефами львиных голов над каждым окном?..)

Но разве только богатство может принести ему дар близнецов? Конечно же, нет! Обладая способностью наводить на всех, видящих его, панический страх, Конан может стать великим полководцем. Армия, во главе которой он встанет, не будет знать поражений. Вооруженные до зубов войска неприятеля будут обращаться в бегство при одном его приближении. Можно будет завоевать все соседние государства: Аргос, Аквилонию, Немедию… Можно будет завоевать полмира… да что там — целый мир! Вопрос лишь во времени.

Впрочем, к услугам Конана будут лучшие мировые целители, и уж они-то, общими усилиями, сумеют продлить ему жизнь. Он проживет двести, нет, триста лет и не только завоюет весь мир, но и установит везде самые справедливые и мудрые законы. Он будет величайшим правителем со дня гибели Атлантиды! Близнецы говорили, что подарок будет действовать в течение всего трех лет, но и три года — огромный срок, если есть ясная цель, море энергии для ее достижения и трезвая голова!.. Он, Конан, успеет стать за три года величайшим из королей, а затем, когда действие пепельной мази кончится, люди будут испытывать к нему страх и благоговение уже в силу привычки, в силу величия сана, им достигнутого…

Правда, целых три года придется ему жить с привкусом отвращения. И на душе у него будет смутно и тошно, ибо не останется у него больше друзей — одни пугливые и раболепные тени вокруг, сгибающиеся в поклонах до самой земли. Не очарует его и не взволнует больше женская красота, ибо все женщины, и прелестные, и дурнушки, будут бледнеть при виде его и раздеваться поспешно, стуча зубами… И не будет у него больше достойных противников, с которыми можно ударить мечом по мечу и славно помериться силами, и побродить, напряженно и весело сверля глазами друг друга, по самому краешку гибели…

Ни врагов, ни друзей, ни преданных женщин. Только рабы, рабы, рабы… Но во имя мирового господства, наверное, можно перетерпеть это, стиснув зубы и загнав все чувства куда-нибудь поглубже, сжав их в комок?..

Глава десятая

На следующий день Конан покинул замок Ричендо и вернулся в Кордаву. Он уехал ранним утром, не дожидаясь завтрака и не сообщив никому радостной вести о своем поспешном отъезде. Решение это было принято им импульсивно. Проснувшись и открыв глаза, он подумал, что сейчас снова увидит болезненно-ненавидящую и рабски-преданную физиономию молодого хозяина, что возле него будет дрожать и вздыхать дородная матрона с глупейшим выражением на надменно-испуганном лице, что любая, самая абсурдная и издевательская его просьба будет исполняться со всех ног… и мысль эта наполнила его таким отвращением, что, пренебрегая голодом, он поспешил оседлать своего жеребца и всадить в крутые бока его шпоры. Из всех подарков, бесформенной грудой валяющихся на ковре, он взял с собой только легкие и прочные серебряные ножны, взамен своих, давно истертых и потускневших от частого употребления меча.

Столицы он достиг быстро, и эта быстрота несколько обескуражила его. Что делать дальше, куда направить копыта своего жеребца? Под своды гостеприимного и унылого особняка Гарриго? Но встречаться с измученным, сломленным и трепещущим перед ним герцогом ему хотелось не немногим больше, чем с Ричендо и Кайссом… Раздумья Конана прервали голодные спазмы в желудке, ощутимо напомнившие ему, что последний раз он ел накануне вечером. Конан направил коня к базарной площади, где надеялся купить себе прямо с жаровни горячее мясо с приправой из овощей. Медленно прокладывая себе путь в толпе, каждое утро обильно заполнявшей площадь и прилегающие к ней улицы, киммериец неожиданно натянул поводья и заставил жеребца остановиться. Только через некоторое время он сообразил, почему так сделал. Шагах в пяти от него, прислонясь спиной к стене дома, сидел оборванный и грязный вендийский фокусник. Щеки и скулы его были темны, как ночи его родины. Неясно было, то ли это природный цвет его кожи, то ли такими их сделал густой слой пыли странствий.

Блестящие, словно намазанные маслом, смоляные волосы падали на лоб и плечи и были не намного темнее лица. На макушке красовался тюрбан, когда-то, очевидно, бывший белым, теперь же потерявший всякое подобие цвета.

К губам оборванец прижимал длинную дудку из красного дерева и извлекал из нее незатейливую мелодию, полуприкрыв веки и шевеля в такт пальцами ног, вылезающими из дыр в ветхой обуви. Между его ступнями стоял высокий кувшин с узким горлышком и облупившейся голубой эмалью на округлых боках. Из горлышка вытянулась на высоту локтя змея, плавно покачивавшаяся из стороны в сторону в такт мелодии. Судя по раздувшемуся клобуку на шее, то была кобра, хотя и очень необычной для кобры окраски: темно-синяя, с четким черным узором вдоль спины.

Конан спешился и, держа коня в поводу, подошел вплотную к самозабвенному музыканту. Не змея поразила его — подобных чудес он успел уже навидаться прежде, — но мелодия. Музыка, под которую танцевала кобра, показалась ему странно тревожащей и очень знакомой. Где он мог ее слышать? Отчего так томит сердце этот чуть заунывный мотив? Почему кровь его заструилась в жилах быстрее обычного?..

Внезапно он вспомнил. Мелодию эту не раз наигрывал Шумри — его спутник и побратим, с которым около десяти лет назад они совершили долгое путешествие к берегам

Южного океана. Многое из того, что произошло с ними в пути, навечно врезалось в память. Бродяга Шумри! Непутевый отпрыск знатного немедийского рода, ненавидящий оружие и кровь, полная его противоположность и одновременно — один из самых близких людей, когда-либо встреченных Конаном в его бурной и яркой жизни…

Вендиец кончил играть, опустил от губ дудку и открыл глаза. Они были отрешенными и мечтательными. Казалось, перистые облака скользят в них, затуманивая то и дело зрачки. Змея, покачавшись какое-то время в тишине, скользнула в кувшин, который фокусник тут же закрыл круглой крышкой.

Из толпы сгрудившихся возле него зрителей к ногам в рваных сандалиях полетело несколько медных монет. Не обращая внимания на звонкие кружочки, музыкант обвел всех туманным и словно грезящим наяву взором и неожиданно спросил:

— Скажите-ка, добрые люди, зингарцы и чужеземцы, не встречал ли кто-нибудь из вас человека по имени Конан, богатыря и воина из далекой Киммерии?

Конану показалось, что он ослышался. Слишком невероятно было услышать свое имя из уст незнакомого бродяги, уроженца далекой Вендии. Музыкант повторил свой вопрос. Тогда, шагнув вперед и громко выдохнув, киммериец ответил:

— Я. Я знаю этого человека, воина из Киммерии, Конана-варвара.

Вендиец оживился. Поманив к себе поближе киммерийца черным и грязным пальцем, он одновременно сделал знак окружающим, что фокусов и музыки больше не будет и почтенная публика может расходиться.

— Где ты его встречал, и не знаешь ли ты, в каком месте этот самый Конан пребывает сейчас? — спросил оборванец, лишь только варвар присел рядом с ним на сомнительной чистоты подстилку, предварительно отодвинув кувшин со змеей в сторону.

Как ни странно, в глазах его не было страха, к которому так привык Конан за последние дни. Возможно, причиной этому был мечтательный туман, застилавший зрачки и не дававший возможности рассмотреть как следует того, кто находится возле.

— Если ты скажешь мне, кто поручил задавать тебе такие вопросы, я, так и быть, отвечу, — сказал Конан.

— Охотно скажу! — добродушно кивнул оборванец. — Меня попросил об этом его давний приятель, с которым они не виделись много лет. Приятель этот долгое время путешествовал вместе с женой по морям и океанам, не задерживаясь подолгу ни в одном месте. Но вот уже два года, как странствия его окончились. Теперь он живет с женой и двумя детьми в Зингаре, не особенно далеко отсюда.

— И приятеля этого зовут Шумри! — воскликнул радостно Конан.

— Его зовут Кельберг, — поправил его музыкант. — Жену его зовут Илоис. Детей же, извини, не помню.

— Ну, да, Кельберг, это одно и то же! — Конан расхохотался и от избытка чувств потряс доброго вестника за плечо, чуть не разорвав и без того ветхую одежду. — И что же этот старый бродяга просил передать мне?..

— Тебе?..

— Ну да! Ведь я и есть тот самый Конан-киммериец. И если ты взглянешь на меня повнимательней, ты бесспорно меня узнаешь. Ведь Шумри, конечно же, назвал тебе мои основные приметы, из-за которых меня трудно с кем-нибудь перепутать!

— Да-да, назвал. — Вендиец вгляделся в своего собеседника. — Пожалуй, это и вправду ты, богатырь-Конан, воитель-Конан, Конан, повергающий в прах всех своих врагов…

По мере того как он всматривался в радостные черты варвара, туман в его глазах рассеивался, облака исчезли, а в расширившихся зрачках поселился страх. Тот самый, хорошо знакомый, обреченный страх, при виде которого киммерийцу захотелось хорошо выругаться.

— Клянусь Кромом! Я не съем тебя! Прекрати трястись, как затравленный собаками заяц! — взревел варвар.

Как и следовало ожидать, взрыв этот не успокоил вендийца, но вверг в еще большую панику.

— Да-да, Конан-воитель, конечно, — залепетал мечтательный музыкант. — Ваш друг Кельберг просил передать, если я где-нибудь и когда-нибудь вас встречу, что он окончил свои странствия. Теперь он оседлый человек, и у него есть свой дом, вернее, небольшой домишко в нескольких днях пути отсюда, на острове на реке Громовой, там, где впадает в нее река Ширка, вы без труда найдете, а если не найдете, спросите у местных жителей, его там хорошо знают, он вас очень ждет к себе в гости, очень-очень ждет, а мне пора, безмерно рад знакомству с вами, но мне надо торопиться… — Затравленный лепет его превратился в скороговорку.

Быстрые, как и язык его, руки в это время скатали подстилку, выдернув ее предварительно из-под киммерийца (при этом несчастный побледнел, должно быть, от ужасного предположения, что Конана жест этот может разгневать), затем, зажав под мышкой дудку и голубой кувшин, вендиец рванулся прочь, намереваясь как можно скорее затеряться в базарной толпе.

— Эй, погоди, приятель! — Конан ухватил его за плечо.

Музыкант зажмурился и присел под его рукой, ожидая чего-то невыносимо страшного. Пальцы его так тряслись, что случайно (а может, и не совсем случайно) сорвали круглую крышечку с горлышка кувшина. Синяя кобра тут же высунулась наружу и угрожающе раздула свой клобук. Конан отдернул руку и подался назад.

— Осади-ка свою подружку, — сказал он как мог спокойно. — Прикрой ее крышкой. Вот так… — Он внимательно следил, чтобы дрожащие пальцы как следует закупорили сосуд с рассерженной гадиной. — Я всего лишь хотел задать тебе несколько вопросов. Я не видел своего старого друга Кельберга десять лет и хотел бы услышать о нем хотя бы на два слова больше. Как он теперь? Каким путем оказался на острове? Счастлив ли он? Каким ветром занесло к нему на остров тебя, и отчего ему пришла такая замечательная идея: поручить тебе расспрашивать обо мне всех встречных?..

Вендиец вздохнул, затравленно огляделся вокруг и снова опустился на землю, уже без подстилки. Кувшин с коброй он прижимал обеими ладонями к груди, словно черпая силы от близости своей опасной подружки. Конан присел рядом и ободряюще похлопал его по спине, отчего несчастный дернулся и снова зажмурился.

— Хорошо, — покорно сказал он, не открывая глаз и отворачиваясь, чтобы не взглянуть ненароком в страшное лицо с пепельным оттенком кожи. — Я расскажу все, что ты хочешь услышать. Только не наклоняйся ко мне так близко и, умоляю тебя, не касайся меня, ибо твое дыхание леденит, а дружеские шлепки вколачивают в землю.

Конан отодвинулся, однако зорко следил, чтобы вендиец не вскочил и не растворился в толпе.

— Я шел из Аквилонии в Зингару вдоль правого берега реки Ширки, — начал музыкант. — В селениях, встречавшихся мне на пути, я давал свои представления, и хотя народ там небогатый, и денег мне никто не бросал, но зато меня кормили, а женщины

чинили порвавшуюся одежду. Большего мне, впрочем, было и не нужно… Около трех лун назад я остановился в небольшой деревушке, расположенной в месте, где Ширка впадает в реку Громовую. Вечером, совершая свои ритуальные омовения в водах реки, я услышал прекрасную незнакомую музыку. Она доносилась со стороны скалистого острова локтях в пятистах впереди меня. Звуки были отчетливые и завораживающие. Прежде я никогда такого не слышал. Казалось, играют сами камни, сами деревья, сама река… Конечно же, я расспросил местных жителей. Они поведали мне, что играет один чудак и странник, года два назад поселившийся на острове вместе с женой и двумя детьми. Они были так любезны, что одолжили мне лодку и подсказали, как отыскать узкую тропинку в скалах. По ней я прошел сквозь заслон неприступных камней в зеленую плодоносящую долину, где стоит скромная хижина музыканта и его семьи. В этой долине я провел несколько поистине чудесных дней. Кельберг и его жена приняли меня с таким радушием, словно я был их старым другом. Дети их, чьих имен, к сожалению, я не помню, подружились с моей Чейей. — Вендиец ласково провел ладонью по изгибу голубого кувшина. — Надо сказать, ни один человек, кроме них, не осмеливался когда-либо гладить Чейю, кормить ее с рук и носить на шее, подобно живому синему ожерелью. Расставаясь с ней, они плакали. Многим прекрасным мелодиям научила меня лютня Кельберга… Мне жаль было покидать их. На прощанье Кельберг попросил меня, где бы я ни был, спрашивать у своих зрителей, не знают ли они Конана-киммерийца, что я и делаю в благодарность за добрые дни в его доме. Он просил передать, что ждет своего друга и побратима Конана в любое время. Если ему тяжело, если сумрачно, если светло и радостно и не с кем разделить эту радость… Вот, теперь я сказал все.

Вендиец умолк.

— Спасибо тебе! — подымаясь и вскакивая на коня, сказал Конан. Он вытащил, не глядя, несколько золотых монет и бросил под ноги вендийцу, по-прежнему не открывавшему глаз. — Ты поистине добрый вестник! Открой же глаза наконец! Ты увидишь сейчас кое-что повеселее моей физиономии…

Тронув поводья, Конан выбрался из базарной толпы и поскакал по кордавским улицам. Радость переполняла его. Кельберг, он же Шумри, где-то неподалеку отсюда, и он хочет видеть своего старого спутника и побратима! До места слияния Ширки и Громовой он доберется всего за несколько дней. Всего через несколько дней он обнимется со старым бродягой Шумри, наговорится с ним, изольет душу, утонет в воспоминаниях. Всего через несколько дней он встретится с нормальным человеком, живым, смеющимся, теплым, верным!..

Проклятие! Конан так резко натянул поводья, что жеребец его поднялся на дыбы и хрипло заржал. Чтоб ему провалиться в глотку Нергала! Должно быть, Нергал хохочет сейчас над ним, а может, и старина Кром кривит в усмешке губы… Как он мог забыть! Как он мог напрочь забыть о своей зловещей пепельной коже…

Конан заскрипел зубами и хлестнул ни в чем не повинное животное плетью. Жеребец завертелся на месте, еще раз заржал и понесся прочь. Редкие прохожие едва успевали освобождать дорогу взбесившемуся — как, должно быть, казалось со стороны — всаднику. Конан скакал сломя голову, выбирая, правда, наиболее безлюдные улицы и переулки. Как же, размечтался! Обнимет друга, вспомнит о былом, наговорится… Разве Шумри не такой человек, как все — пусть и мудрее, и понятливее всех прочих — разве на него не подействует магия близнецов?! Стоит только представить, что в знакомых круглых глазах при виде его, Конана, заплещется тоскливый страх, в движениях засквозит угодливость, в голосе —

лживые, льстивые ноты… Нет! Даже представить это выше его сил. А уж каково будет вынести это в реальности…

Конан успокоился так же резко, как и взъярился. Натянув поводья, он перевел скакуна с карьера на рысь, а затем на шаг и огляделся по сторонам. Он был уже за пределами Кордавы, незаметно для себя проскочив сквозь городские ворота, и вокруг простирались поля и огороды селян. Дорога, по которой шагал его конь, волею судьбы оказалась ведущей на юг. Если ехать по ней дальше, все время выбирая самый южный путь из всех возможных, то через три дня упрешься в живую изгородь, за которой виднеется обветшалый, заросший плющом под самую крышу дом чудаковатого звездочета. И веселых его дочерей… Воистину, это знак судьбы, и достаточно явно читаемый!

Конан снова пришпорил жеребца, но уже не в ярости, а в нетерпении. Если давать себе и коню лишь короткий ночной отдых, а еще лучше — себе отдыха не давать, коней же менять на придорожных постоялых дворах, то до Майгуса можно будет добраться и за два дня, и за полтора. Добраться и поскорее смыть въевшееся в кожу колдовское снадобье. Снять заклятие. Перестать чувствовать себя изгоем, прокаженным, от которого шарахаются все вокруг. Правда, сняв заклятие, он лишит себя возможности в ближайшие три года достичь всех мыслимых и немыслимых высот величия, богатства и славы. Ну и пусть! Величия и славы он все равно достигнет рано или поздно — залогом тому великие силы, кипящие в его сердце. Залогом тому — его звезда, яркая и высокая, свет которой он хорошо ощущает над своей головой. Он достигнет — но без помощи магии, тошнотворной и унизительной.

Глава одиннадцатая

Дверь неказистого, мохнатого от плюща дома, как и в первый раз, оказалась незапертой. Прежде всего Конан ринулся в комнату близнецов, но сестер там не оказалось. Знакомый хрустальный шар поблескивал под потолком, ловя и преломляя солнечные лучи из окна. При дневном свете комната не казалась таинственной, но выглядела уютной и радостной, несмотря на царивший в ней беспорядок. Множество солнечных зайчиков, подрагивающих, как живые, перепрыгивали со стен на потолок и обратно.

В поисках сестер Конан прошелся по всему дому, открывая каждую дверь на своем пути. Лишь за одной из них ему почудились звуки и шевеление. Войдя внутрь, киммериец увидел что-то распростертое на кровати, укрытое толстым одеялом. При более внимательном рассмотрении это «что-то» оказалось Майгусом. Хозяин дома имел теперь лицо не желтое, но оливково-бледное, пухлые прежде щеки бесследно исчезли, а подбородок стал еще меньше. В черных глазах застыла тоска. При виде киммерийца он ничуть не удивился, но лишь горько поморщился и пожевал губами.

— Рад приветствовать тебя, почтенный Майгус! — поздоровался с ним Конан. — Не пугайся, я не привез тебе новых заданий. Я и вообще приехал в этот раз не к тебе, но к твоим очаровательным дочкам. Не скажешь ли ты, где я могу их найти?

Майгус махнул рукой в направлении окна и снова пожевал губами.

— У тебя пропал голос? — участливо поинтересовался киммериец. — Да и вообще твой вид говорит о нездоровье. Никогда бы не подумал, что звездочеты тоже могут болеть, как и простые смертные! Надеюсь, это ненадолго. Чуть не забыл! Я передал все твои наставления Зингелле, я даже сам проводил ее до городских ворот и указал самый короткий путь к тебе. Но, лишь только я оставил ее, она вернулась домой, к отцу. Должно быть, полностью потерять себя — страшнее, чем сгореть от удара молнии.

На этот раз Майгусу удалось извлечь из себя звуки.

— Да, — слабо проскрипел он, — Потерять себя страшнее. Сгореть — это пустяк, это быстро: вспыхнул и все! Теряешь же себя на веки вечные… Но я очень прошу тебя, киммериец: оставь меня. У меня нет сейчас сил на долгие беседы с тобой… Мои дочери — пусть будет им Митра судьей! — в саду… Ты без труда найдешь их…

* * *

Конан и впрямь не потратил много времени на поиски близнецов, увидев их сразу же, как завернул за угол дома.

— Вот так нежданный гость! Ты только посмотри, Сэтлл! Разве мы плохо объяснили тебе, что второй раз навещать нас с сестрой не следует? Ты не понял нас, киммериец?.. — Такими словами встретила вместо приветствия Иглл усталого и вымотавшегося до предела после двухдневной скачки Конана.

Она сидела в гамаке, откинув назад голову с короткими, блестящими на солнце

волосами, а Сэтлл, стоя позади, раскачивала гамак, улыбаясь Конану намного мягче и приветливей, чем сестра.

— Не набрасывайся на него, сестра, так сразу, но прежде выслушай! Быть может, у него есть уважительный повод увидеться с нами снова, — заметила Сэтлл.

— О, повод у меня более чем уважительный! — воскликнул киммериец. — Я пришел просить вас забрать обратно ваш замечательный подарок. Что-то я утомился от него за эти несколько дней!

— Забрать назад наш подарок? — поразилась Иглл. Ее ледяные глаза загорелись потрясение и негодующе. — Но это невозможно, Конан! Это немыслимо. Как только язык твой повернулся произнести столь чудовищные слова?.. Ты ничего не понимаешь в магии! Чтобы снять заклятие, требуется не меньше сил и умения, чем для его наложения. А уж тем более, заклятие того рода, каким мы одарили тебя.

— Вы верно сказали: в магии я не разбираюсь. И не желаю в ней разбираться, порази меня Кром! Но одно я знаю твердо: если что-то дано, значит, это что-то может быть и отобрано. Если меня чем-то намазали, значит, это что-то можно смыть. Если были нашептаны какие-то колдовские слова, значит, найдутся другие слова, посильнее первых.

— О, все не так просто! — покачала головой Иглл. Сэтлл перестала раскачивать гамак и присела рядом с сестрой. — Скажи, ты виделся с нашим отцом, прежде чем пройти в сад?

Конан кивнул.

— Он показался мне не совсем здоровым, — сказал он. — И постаревшим лет на пятнадцать. Клянусь Кромом, не иначе как вы довели его!

— Наш отец действительно тяжело заболел. — Иглл вздохнула и потупила глаза. — И причиной этого — ты правильно догадался — мы с сестрой. Как ни грустно и как ни стыдно это признавать. Дело в том, что мазь, которой натерли мы твою кожу в прощальный вечер, мы с сестрой тайком похитили из заветного ларчика отца. Конечно, он его запирает, но для нас открыть любой замок, даже самый сложный, не проблема. Должно быть, мы слишком увлеклись тобой, киммериец. Слишком заигрались с тобой, могучий гость, а это никогда не приводит к добру. К тому же в ту ночь не только ты поддался веселым чарам вина, но и мы тоже. Мы потеряли головы и так щедро намазали тебя магической мазью, что израсходовали ее почти всю. Осталось чуть-чуть, на самом донышке.

— Наш бедный отец, — продолжила ее рассказ Сэтлл, грустно и нежно покачивая головой, — на следующее же утро заметил нанесенный ему великий ущерб. Чтобы понять всю величину его отчаяния, надо тебе знать, киммериец, чем именно мы так безрассудно и щедро одарили тебя, обездолив собственного отца. Мазь, благодаря действию которой в течение трех лет человек обретает способность внушать всем вокруг непреодолимый страх, называется Чашей Бессмертия. Нашему отцу она досталась от его отца, а тому, в свою очередь, от его родителя, нашего прадеда. Прадед наш был настоящим чернокнижником. Это магическое снадобье он изготовлял в течение всей жизни. Главный его компонент — перемешанный пепел сожженных заживо сорока колдунов. Всю жизнь наш прадед раз в неделю отправлялся на казнь, совершаемую возле тюрьмы, на площади Правосудия в Мессантии. Если в этот день казнили на костре чернокнижника, то был праздник для него. За большие деньги он покупал у палача право в ночь после казни рыться в остатках костра, добывая вожделенный пепел.

Помимо этого он тщательно наводил справки, действительно ли сожженный был магом и вступал в отношения с демонами и нечистыми духами. Не секрет, что довольно часто

сжигали на кострах невинных людей, ничего общего с занятиями магией не имеющих. Несчастные становились жертвой клеветы своих врагов или своих соседей, но палач, объявляя преступление казнимого, громогласно объявлял его злокозненным колдуном. Прадед не имел права на ошибку: если среди сорока останков хотя бы один принадлежал далекому от магии человеку, мазь не имела бы силы. Но нужно было не только перемешать в равных пропорциях пепел и связать его между собой маслом из корней дигадорры, растущей высоко в горах и, по преданию, выросшей из упавших на землю капель слюны злобного Нергала. Нужно было еще каждое полнолуние в течение десяти лет склоняться над свинцовым флаконом, где хранилась мазь (свинец, металл угрюмого Сатурна, пригоден для этой цели более других материалов), шептать заклинание, и не просто шептать, но вкладывать в магические слова всю свою волю, все желание.

Должно быть, ты знаешь, киммериец, что самое главное в талисманах, амулетах и прочих вещах силы — это воля изготовившего их мага. Если воля недостаточно сильна, если напор желания не слишком мощен — талисман работать не будет. Таким образом, наш целеустремленный и упорный прадед всю жизнь работал над изготовлением этой мази. Наш отец хранил ее всю жизнь в своем ларце и не использовал ни крупинки. Он берег ее для нас, желая предохранить от смертельно опасных дней, грозящих нам в будущем, после его смерти.

— Не нам, а мне, — поправила ее Иглл. — Наш отец, хотя и является самым опытным и мудрым астрологом на свете и отлично знает, что рок обмануть нельзя, но, когда дело касается нас с сестрой — мудрость и рассудительность отказывают ему во имя безумной надежды… Но дело не в этом. Ты видишь теперь, насколько ценно то зелье, которое мы так безрассудно потратили на тебя. Неужели ты будешь продолжать настаивать, чтобы мы забрали свой дар назад, чтобы все усилия нашего прадеда, чтобы болезнь и отчаяние нашего отца — все было напрасно?..

— Я очень сочувствую вашему отцу, — сказал Конан (и сказал искренне). — Правда, мало-мальски сообразительный человек догадался бы прятать свои магические безделушки там, где их не смогут найти любимые дочки. Еще больше я сочувствую вашему прадедушке, которому пришлось так долго рыться в смердящей золе площадных костров. Но при чем тут я? Разве я просил обмазывать меня с ног до головы этой пепельной дрянью, от которой все нормальные люди стали шарахаться от меня, словно от чумы?.. Насколько я помню, вы напоили меня до того, что я не смог шевельнуть ни ногой, ни рукой, и проделали всю эту процедуру без моего согласия.

— Да, мы не спрашивали твоего согласия, — кивнула Сэтлл и терпеливо вздохнула. — Видишь ли, мы очень хотели, чтобы получился сюрприз. Чтобы для тебя это было неожиданно, удивительно и весело.

— Ты показался нам умным и предприимчивым человеком, — добавила Иглл. — Таким, который сумел бы распорядиться этим бесценным даром. Что из того, что в течение трех лет все шарахались бы от тебя, как от прокаженного, и трепетали, как при виде самого Нергала? Зато ты смог бы стать великим и знаменитым человеком. Ты смог бы стать королем.

— Я стану королем и без ваших тошнотворных мазей, — спокойно заметил Конан. — Впрочем, язык мой пересох от спора. Сделайте поскорее то, о чем я прошу вас. Пока еще прошу, — добавил он с многозначительной интонацией в голосе. — А затем можете продолжать раскачиваться в гамаке и нежно любоваться друг другом. Клянусь, я уйду, как только моя кожа примет свой нормальный оттенок, и больше никогда не потревожу вас.

Сестры переглянулись. Взоры их были долгими и глубокомысленными.

— Он не понимает, Сэтлл, — холодно-грустно заметила Иглл.

— Не понимает, Иглл, — кротко вздохнула Сэтлл.

— Что ж, — Иглл откинулась в гамаке с изнеможенным видом, словно силы оставили ее после изнурительных объяснений с тупоголовым варваром. — Я постараюсь объяснить ему еще раз. Так, чтобы он понял. Для снятия действия Чаши Бессмертия, милый мой Конан, нужно совершить не меньше усилий, чем требовалось для ее изготовления. Таков один из основных законов магии, упрямый и неблагодарный киммериец. Поскольку тебе нужно, чтобы заклятие было снято, ты и должен потрудиться над этим. Прежде всего, неразумный варвар с Севера, ты должен добыть волосы сорока девственниц. Длина их должна быть не менее одного локтя и срезаны они должны быть у самой головы.

Если среди сорока хотя бы одна обманет тебя и окажется не девственной, ничего не получится. Добыв волосы, ты должен будешь сплести из них прочную веревку длиной в сорок локтей. Сплетая ее, при каждом движении пальцев ты должен повторять магическое заклинание, которое мы тебе скажем. Этой веревкой ты должен будешь обмотаться вокруг себя восемь раз, когда мы приступим к снятию заклятия. Но это еще не все! Одной веревки из волос девственниц мало. Ты должен пойти на кладбище ровно в три часа ночи и разрыть три могилы. Могилу младенца, не достигшего двух лет, могилу старика, перешагнувшего столетний рубеж, и могилу…

— Довольно! — Конан решительно рубанул рукой воздух перед лицами сестричек. — Про разрытые могилы я выслушивать не намерен! Хватит с меня и сорока девственниц.

Круто развернувшись, киммериец большими шагами устремился в дом. Некрасивая служанка выронила поднос с обедом, который несла больному Майгусу, — так сильно Конан хлопнул входной дверью. Не обращая на ее охи и причитания никакого внимания, он прошел вдоль галереи, рывком открывая каждую дверь. А вот и то, что ему нужно! Оружейная, где в первый день его прошлого пребывания здесь Иглл так вдохновенно рассказывала ему о развешанных по стенам великолепных смертельных игрушках… Конан снял со стены меч — тот самый, грозный и древний меч, меч-божество, которому приносились человеческие жертвы в древней Гиперборее и вокруг которого, как вокруг алтаря, кружились перед битвой в неистовой, разогревающей кровь пляске северные воины. Варвар сжал серебряную рукоять, наслаждаясь тем, как удобно и прочно вошло оружие в его правую ладонь. Словно спохватившись, Конан похлопал левой рукой по рукояти собственного меча, как всегда висевшего у него за поясом.

— Не обижайся, братишка, — пробормотал он. — Я не предал тебя. Этот древний красавец нужен мне совсем ненадолго.

Подумав, Конан снял со стены еще и секиру с блестящим, хорошо наточенным лезвием и взял ее в левую руку.

— Хоть это и женское оружие, как убеждала меня малышка Иглл, но в моей руке, я думаю, штука эта будет не менее хороша и послушна, чем в руках бешеных амазонок…

Выйдя из дома, Конан оглянулся по сторонам с видом грозным и непреклонным, словно воин перед поединком с могучим врагом. Меч одновременно и тяжелил руку, оттягивая ее вниз, и наполнял тело удивительной легкостью и искрящейся силой. Киммериец вспомнил слова Иглл о замечательном оружии: владеющий им, служит ему, является послушным исполнителем высшей его воли.

Он усмехнулся.

— Посмотрим, кто кому послужит на этот раз! А ну-ка, грозное божество, поведай мне свою волю. Посоветуй, с чего начать! Что-то моя ладонь невыносимо чешется… Я уверен, тебе так же противно это магическое гнездышко, как и мне.

На глаза ему попался плющ, облепивший фасад дома. Он давно уже раздражал его своей густотой, какой-то наглой жизненностью и багровым оттенком листьев. Тремя взмахами секиры Конан перерубил стебли у основания. Растение с укоризненным шорохом сползло вниз по стене, образовав у ног его большой бесформенный ворох. Впрочем, лучше бы оно оставалось на своем месте: кусок стены, заслоненный прежде густой листвой, оказался еще более обшарпанным и жалким, чем части дома, открытые для обозрения.

— Не уверен, правильно ли я начал… Такую рухлядь даже громить противно. Шепни-ка мне свою волю погромче, чтобы не было ошибки!

Меч, который пока бездействовал в его руке, тихонько вибрировал со звенящим звуком, но какова именно его высшая воля, разобрать было непросто.

Широко размахнувшись, Конан ударил той же секирой по прекрасному витражу из аквилонских стекол на высоком окне. Он успел вовремя отскочить в сторону, иначе посыпавшиеся вниз крупные и мелкие осколки могли бы серьезно поранить его не защищенную ничем голову и шею. Конан хотел точно так же расправиться со вторым окном, но его остановили испуганные крики за спиной.

— Во имя Митры! Что ты делаешь, варвар?! — кричали ошеломленные и испуганные сестры, прибежавшие на звук разбиваемого стекла.

Они держались за руки, словно два ребенка. Насмешливость, ирония, спесь — все бесследно исчезло с побледневших и вытянувшихся лиц.

— Что я делаю? — весело переспросил варвар, обернувшись к ним. — Разве вы не видите? Я собираюсь разнести к Нергалу все ваше змеиное гнездышко! Вы что-то имеете против? Как только от этого проклятого дома останутся одни развалины, я сделаю знаете что?.. Вот этим славным мечом, — он потряс сияющим на солнце и трепещущим в его руке, словно огромная живая рыбина, лезвием, — вот этим древним божеством, чью волю я сейчас послушно исполняю, я отрежу ваши черные гривы и сплету из них веревку.

К сожалению, вас трудно назвать девственницами, да и веревка получится короткой, но, тем не менее, она будет прочной, уверяю вас. Затем каждая из вас, как маленькая напакостившая девочка, получит сорок ударов этой веревкой пониже спины. Сорок — ваше любимое число, не так ли?.. Вашего больного отца я, так и быть, не трону. Хотя и следовало бы: за то, что мало порол в детстве своих игривых дочурок, своих выдумщиц, и мне теперь приходится наверстывать! Что, побледнели?.. Зовите слуг — я подожду, пока все они не сбегутся на вашу защиту! Не забывайте только, что пепельная грязь на моей коже, которую вы отказались смыть, обратит ваших слуг и стражников в трепещущих зайцев!..

Конан ожидал всего чего угодно: гнева, негодования, возмущенных воплей, слез раскаянья, униженных просьб о пощаде. Но только не того, что случилось на самом деле. Молча переглянувшись, сестры неожиданно расхохотались. Они смеялись искренне, раскованно, самозабвенно, то и дело взглядывая друг на друга и с каждым взглядом взрываясь еще более буйным и звонким хохотом.

Киммериец ошеломленно опустил секиру и приоткрыл рот. Он пытался понять, не истерический ли это смех, не безумные ли вопли двух одновременно сошедших с ума — и без того зыбкого — изнеженных и избалованных чудачек. Но нет, смех был настоящим. Не наигранное, но искреннее веселье звучало в нем. Грозный меч притих и замер в его руке.

— Ну, хватит, хватит, — растерянно пробормотал варвар. — Прекратите же! Чем я мог так обрадовать вас? Вас безумно развеселила возможность получить по сорок ударов собственными волосами? Или вы радуетесь, что ваш облезлый домишко превратится, наконец, в груду развалин?.. Прекратите же трястись, как припадочные!

Не сразу, но, в конце концов, сестры успокоились. Вытирая заслезившиеся глаза и переводя дыхание, они знаками дали понять Конану, что хотят помолчать немного, ибо дошли до полного изнеможения. Киммериец нетерпеливо сплюнул и всадил со всего размаха блестящее острие секиры в доски крыльца. Меч же он взял двумя ладонями и прижал рукоять к груди.

Наконец Иглл нашла в себе силы заговорить.

— Не сердись на нас, грозный варвар! Мы часто смеемся с Сэтлл, мы очень часто смеемся, и порой для этого не нужно бывает даже повода. Но сейчас повод для смеха был и, поверь мне, достаточный! Если б ты мог увидеть себя со стороны! Ты был так грозен, так величествен и вместе с тем так… за… за… — Иглл чуть было не расхохоталась снова (и Сэтлл с готовностью прыснула за ее спиной), но сдержалась невероятным усилием воли и лишь поперхнулась и откашлялась, — так забавен, что мы никак не могли удержаться!.. Нам безумно жаль старый плющ, прикрывавший немного обшарпанные и ветхие стены, нам до слез жалко прекрасный витраж — в этих краях невозможно найти мастера, который смог бы восстановить его! — но все это кажется нам не такой уж большой платой за ту бездну веселья, которое ты доставил нам, киммериец!

— А, я вспомнил! Вы хохотали, летя вниз головой в пасть Ледяной Лухи. И теперь всю нынешнюю жизнь будете веселиться. Но если вы надеетесь, что своим глупым смехом собьете меня с толку и я выпущу из рук оружие, вы очень ошибаетесь! — Конан грозно сверкнул глазами. — Вы можете смеяться до посинения, вы можете полопаться, — я все равно сделаю то, что сказал.

— О, мы не сомневаемся в этом, грозный и огнедышащий варвар! — замахала руками Сэтлл, багровая от усилий сдержать новый приступ смеха. — Конечно, ты сделаешь все, что обещал, и даже больше. Мы и не думаем останавливать или отговаривать тебя! Нам просто стало очень смешно.

В этот момент дверь дома приоткрылась, и на пороге показался звездочет, поднятый с постели шумом и звоном. Он кутался в атласное одеяло, придерживая его короткими ручками на животе. Жалкая морщинистая шея, на которой недоуменно топорщилась голая голова, в сочетании с толстым атласом придавала ему еще большее сходство с черепашкой, на этот раз уже в панцире, но не жестком, а пуховом, служащем только видимостью защиты…

— О, зачем ты покинул постель, отец! — заботливо воскликнула Сэтлл.

— Что… что здесь такое? — встревожено проскрипел Майгус, с трудом шевеля губами. — Грохот… визг… осколки…

— О, ничего страшного! — успокоила его Иглл. — Наш добрый старый приятель Конан всего-навсего рушит дом. Ты можешь пройти в сад и устроиться там в гамаке, там тебе будет спокойнее.

— Рушит… дом?.. — Майгус уставился черными тоскливыми глазами на киммерийца и сморщил лоб в усиленной попытке понять происходящее. — Чем не угодил тебе наш дом, варвар?..

— Мне не угодил кое-кто из его хозяев. Кто именно, догадайся сам, — ответил Конан. — Тебе и впрямь лучше перейти в сад, и подальше отсюда. Мне будет грустно, если такой

наполненный мудростью череп расколется под рухнувшей балкой.

— Расколется?.. — переспросил звездочет и пожевал губами. Какое-то время он молчал, и видно было, как шевелятся в глубине его души горькие мысли. — Ну что ж, этим ты окажешь мне большую услугу, гость с Севера. Ничего лучшего не мог бы я просить у судьбы. Прошу тебя, не медли, доверши начатое…

Он повернулся и слабой шаркающей походкой заковылял вглубь своего дома. Одеяло сползло с его плеч, приоткрыв усыпанную веснушками спину, и волочилось по полу.

— Бедный отец!.. — вздохнула Сэтлл.

Сестры грустно переглянулись. Недавнее веселье схлынуло с них без остатка.

— Еще бы не бедный! — согласился Конан. — Видно, боги сильно разгневались на него, раз послали таких дочурок!

— Об этом не тебе судить, варвар! — нахмурилась Иглл. — Довершай же начатое!

Движимый внезапным порывом сочувствия, Конан рванулся за стариком.

— Погоди! — окликнул он Майгуса, маячившего в конце галереи. — Послушай меня!

Старик оглянулся и подхватил повыше сползшее одеяло.

— Что ты так убиваешься из-за этой вонючей пепельной дряни! — продолжал киммериец. — Поверь мне, я испытал ее действие на себе — это мерзкое снадобье!.. Видит Кром, как я хочу смыть с себя эту грязь и забыть о ней поскорее!..

— Если бы из-за мази… — пробормотал Майгус, но так тихо, что Конан с трудом расслышал его.

— Что-что? — переспросил киммериец.

Но звездочет, безнадежно махнув рукой, повернулся и скрылся за одной из приоткрытых дверей.

Вернувшись на крыльцо, Конан хмуро взглянул на сестер, на чьих лицах застыли многозначительные усмешки, и повертел в руках меч, словно спрашивая у него совета. Лезвие сверкнуло на солнце, и он на миг зажмурился от блика, пробежавшего по глазам. Прежняя веселая ярость куда-то исчезла. Казалось, понурый Майгус унес ее с собой, скрипя босыми пятками по паркету…

— Я вижу, твой пыл иссяк, — заметила Иглл насмешливо. — А жаль. Мы совсем было приготовились к впечатляющему и веселому зрелищу… Но знаешь что, киммериец? Я кое-что вспомнила! Как ни странно, смех наш пошел тебе на пользу. Да-да. Не удивляйся и не сдвигай так грозно свои черные брови, иначе мы опять расхохочемся. Дело в том, что существует еще один способ снять заклятие. Он не такой долгий и утомительный, как тот, который связан с острижением девственниц и раскапыванием могил. Это очень быстрый способ, он всплыл в моей памяти только сейчас. Если кто-нибудь рассмеется над человеком, заклятым Чашей Бессмертия, рассмеется искренне, без страха или подобострастия, — то заклятие может быть снято. Мазь удастся отмыть без труда. Иди-ка за мной, киммериец! Да положи наконец мой меч! Что ты держишься за него, как мальчик, вцепившийся в чужую игрушку! Благодари Митру, что он надоумил тебя крушить наш дом секирой, а не этим божественным лезвием. Иначе ты мог бы случайно отрубить себе левую руку, да и ступни в придачу…

Конан с сожалением положил сверкающее лезвие на доски крыльца, рядом с воткнутой в них секирой. Положим, Иглл запугивает его и лжет: не стал бы благородный и мудрый меч рубить ему руки и ноги, ведь гнев его был праведным! Впрочем, кто знает…

Сэтлл, облегченно встряхнув волосами и ободряюще улыбнувшись, взяла киммерийца за

руку и повела следом за сестрой к фонтану, в котором журчала чистая и прохладная вода. Иглл зачерпнула ее в обе ладони и провела ими по лицу киммерийца. Еще раз и еще… Сэтлл отстегнула от своей одежды полированную бронзовую пряжку и поднесла ее к глазам Конана, чтобы тот смог убедиться, что кожа его больше не пепельная, но чистая и смуглая, как обычно.

— Тебе надо еще смыть мазь со всего тела, но с этим, надеюсь, ты справишься и без нас, — сказала Иглл. — Когда вымоешься, можешь обтереться вот этим. — Она небрежно бросила на траву свою длинную светлую накидку. — Но только запомни, самонадеянный киммериец, мои слова: не пройдет и трех дней, как ты пожалеешь о том, что смыл наш подарок.

Усмехнувшись ему на прощание, Иглл обняла сестру за плечи, и обе они, повернувшись, пошли по дорожке по направлению к дому, чуть наклонив друг к другу головы с растрепанными легкими волосами и о чем-то переговариваясь. На замершего у фонтана Конана они не оглянулись ни разу.

Глава двенадцатая

В Кордаву Конан возвратился поздно вечером, и это обстоятельство едва не стало для него роковым. В темноте он не заметил засады из нескольких человек у входа в особняк герцога Гарриго.

Кайсс, едва киммериец покинул его замок, не сидел сложа руки, но развил бурную деятельность. Он добился у короля Фердруго разрешения на арест «чернокнижника и разбойника» из Киммерии, чьи козни стоили жизни его благородному отцу (барон Ричендо был еще жив, но, конечно, существование его, недвижное и безмолвное, считать жизнью можно было лишь с очень большой натяжкой). С приказом об аресте Конана юный барон ни на миг не оставался спокойным.

От пережитого смертельного унижения руки его почти непрерывно тряслись, а губы дергались. Он не мог ни отдыхать, ни лежать, ни даже спать. Пока колдун-варвар не будет предан самой позорной казни, Кайсс ни на миг не прекратит усилий по поимке его — такую клятву дал сам себе взбешенный и униженный нобиль.

Кайсс расставил засады во многих местах Кордавы, особенно — зная привычки варвара — в питейных заведениях и борделях. Не забыт был и особняк Гарриго, чье приятельство со знаменитым корсаром ни для кого не являлось секретом. Кайсс не скупился и нанял самых известных, славящихся своей меткостью и выдержкой наемных убийц. Ярость его была столь велика, что если бы юного барона поставили перед выбором: потратить все отцовское состояние, стать нищим, но отомстить варвару — он, не колеблясь, выбрал бы нищету, скрашиваемую гордым сознанием удовлетворенной мести.

Когда Конан во тьме, освещенной лишь редкими факелами, прикрепленными к стенам самых богатых домов, подъезжал к воротам особняка Гарриго, на плечи ему спрыгнул затаившийся на крыше соседнего двухэтажного дома наемный убийца. Он опознал киммерийца, благодаря подробному описанию барона. Конечно, он мог и обознаться, особенно в темноте, но вряд ли убийство постороннего человека его бы сильно смутило. В инструкциях, данных Кайссом, специально оговаривался этот момент: пусть лучше погибнут несколько ни в чем не повинных бродяг (впрочем, повинных в том, что шляются по городу ночью, когда их невозможно хорошо рассмотреть), лишь бы киммериец, в конечном счете, не ушел от возмездия.

Убийца спрыгнул так ловко, что оказался на крупе коня позади Конана. Он ударил кинжалом под левую лопатку киммерийца, на котором был лишь камзол и плащ из грубой шерсти. Конана спасла мгновенная реакция: он развернулся всем телом, и лезвие нанесло лишь неглубокую рану, пропоров одежду и процарапав мышцы на ребрах. В тот же миг, сжав обе руки нападающего у запястий, киммериец сбросил его с коня на булыжную мостовую. Выхватив меч, он хотел было прикончить врага, но не успел. Еще несколько теней с зажатыми в руках кинжалами соскочили с соседних крыш и деревьев и преградили ему дорогу к воротам особняка.

Перевес был явно не на стороне Конана. Со всех сторон к нему были обращены лица, способные — в таком количестве — привидеться лишь в кошмарном сне. Глаза горели, словно у голодных волков, окруживших наконец долго затравливаемую и вожделенную добычу.

Конан мельком подумал, что такую ненависть в глазах и стремление немедленно впиться ему в горло он не видел уже давно — целую луну, кажется — благодаря действию пепельной мази и, по-видимому, отвык от этого. Потеря бдительности чуть не стоила ему головы, так как круг наемников все сужался.

Развернув коня, Конан вскачь понесся назад, сшибив со своего пути несколько рослых убийц, пытавшихся остановить жеребца и цеплявшихся за его поводья. Грохот копыт далеко разносился по улицам полуночной Кордавы. Жители близстоящих домов крепче захлопывали окна и проверяли засовы на ставнях.

Конан вспомнил, как Иглл предупреждала, что не далее чем через три дня он пожалеет об их подарке. Сегодня как раз исход третьего дня. Но он не жалеет!

Конан расхохотался и сильнее пришпорил коня, и без того летевшего птицей. Огромной черной птицей в ночи… Хохот его разнесся в округе, он был громче стука копыт и напугал проснувшихся жителей столицы еще сильнее.

Он не жалеет, что тошнотворная магия смыта с его кожи, что отныне у него снова есть злобные враги, осмеливающиеся смотреть ему в лицо с вызовом. И даже кровоточащая рана на спине ничуть не уменьшает его отличного расположения духа. И перестук копыт настигающей его погони кажется ему музыкой…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Взметнувшиеся вверх и закаменевшие струи воды — вот на что были похожи серо-голубые скалы посреди широкой, томно-медлительной воды, обтекавшей их с ленивым плеском. Скалы были совершенно лишены растительности — голые, вертикальные, потрескавшиеся от зноя, шуршащие непрерывно осыпающейся с них от порывов ветра щебенкой. Трудно было представить, что кому-нибудь может прийти в голову искать под сенью этих бесплодных камней кров и убежище, да еще и не только для себя, но и для всей семьи. Разве что птицам — многочисленным шумным птицам, черным, белым и пестрым — должно быть уютно здесь, среди глубоких расщелин, куда так легко прятать яйца.

Словоохотливый пожилой селянин, согласившийся за несколько мелких монет одолжить Конану свою лодку, а также присмотреть за его жеребцом, заметил, перехватив недоуменный взгляд киммерийца:

— Сколько живу здесь, на берегу, никогда не знал, что за скалами этими есть долина. Если б не Кельбо-странник, и в голову не пришло бы, что там можно жить…

— И давно он поселился здесь, этот самый Кельбо? — спросил Конан.

— Да уж лет пять-шесть будет… Нет, постой, вру: два года с небольшим. Привыкли мы к ним быстро, вот и кажется, что они давно здесь живут… Чудаки они — и он, и жена, и детишки, — но не гордые, совсем не гордые. Если заболит у кого что в нашей деревне или в той, что вверх по реке, либо кто ногу сломает — они помогают, и лучше деревенского знахаря у них это получается, право, лучше, и заживает отчего-то быстрее…

— Спасибо, старик, — перебил его Конан нетерпеливо и, оттолкнув лодку от береговых камней, вскочил в нее. — Надеюсь, за жеребцом моим ты приглядишь как следует, а я — за твоей посудиной…

Он выгреб веслом, выровнял нос утлой лодочки и направил ее прямо к застывшим каменным струям, помахав на прощание отдаляющейся стариковской фигуре в льняной безрукавке и тростниковой шляпе с огромными обтрепанными полями. Оглянувшись вокруг, он еще раз отметил, как странно выглядят посреди равнинного, с небольшими холмами, пейзажа центральной Зингары эти взметнувшиеся длинные камни. Похоже было, что кто-то с титанической силой вытолкнул их из подземельной тьмы в незапамятные времена, желая подбросить до самых небес.

Конан замахнулся веслом сильнее, чтобы поскорее преодолеть течение и достичь острова, но тут же невольно скрипнул зубами от острой боли в спине. Рана, полученная им во тьме от наемного убийцы два дня назад, к которой он отнесся так легкомысленно, воспалилась за время пути, и теперь каждое резкое движение отдавалось ударом бича вдоль всей левой половины спины. Проклятие!.. Остается лишь мысленно поблагодарить Кайсса, что кинжал не был отравленным. А впрочем… Вряд ли пустяковая царапина стала бы нарывать так сильно и гореть огнем, если б на лезвии не было яда. Эта мысль чуть было не нарушила легкого и радостного состояния духа варвара, но он отогнал ее прочь, заставив себя не думать о боли.

Лодка уткнулась носом в заскрипевший под ее днищем песок. Конан выпрыгнул и вытащил утлую посудину на узкую береговую полоску, отделявшую воду от вздыбившихся камней. Ширина ее была не больше трех его ступней, и лодка едва поместилась. Старик

селянин сказал, что от берега вглубь острова ведет слабо протоптанная и еле видная тропинка в скалах. Но Конан, как ни напрягал зрение, не мог ее рассмотреть. Не желая тратить времени на поиски, он выбрал иной способ, также подсказанный стариком. Приложив ладони ко рту, он крикнул во всю мощь своих легких:

— Кельберг!!! Кельбо-странник!.. Шумри!..

Лишь только эхо, раздробив его крик на множество слогов и отголосков, отплясало среди голубоватых камней, как с вершины скалы, под которой стоял киммериец, скатилось несколько камушков. Конан поднял голову. Две детские головы смотрели на него с высоты сорока локтей, внимательные и безмолвные. На фоне неба они казались пушистыми.

У одной из них в ярко-рыжих волосах трепетали, пытаясь выпутаться, солнечные лучи. Киммериец приветственно помахал им рукой и свистнул. Головы тут же скрылись, как исчезают в норе испуганные сурки или лисята. Не успев еще осознать, что означает это странное явление, Конан расслышал скрип песка под ногами — торопливый, взволнованный, нетерпеливый шелест шагов спешащего ему навстречу человека. Из-за уступа скалы бросилась к киммерийцу фигура в кожаном плаще и льняной рубахе, с непокрытой взлохмаченной головой с дыбом стоящими на макушке наполовину седыми волосами…

* * *

— О, Конан! Как ты мог так запустить свою рану! — сокрушалась Илоис, осторожно промывая воспалившуюся царапину под левой лопаткой киммерийца. — Еще два-три дня, и она могла стать последней в твоей жизни!

— Пустяки! — беспечно отмахнулся варвар. Радость распирала его, синие глаза искрились, а губы постоянно тянуло распахнуться в улыбке. — Разве я мог обращать внимание на какую-то царапину! Правда, кинжал был отравленный — красавчик Кайсс постарался! — но я и думать забыл обо всем этом. Только погонял своего жеребца что есть силы, чтобы поскорее увидеться с вами! Лишь только нищий вендиец с синей змеей сказал мне, что ты, Шумри, жаждешь со мной обняться, все дела и намерения напрочь вылетели из моей головы. Я летел, как мальчишка на свидание с первой женщиной!

Илоис чуть улыбнулась. Ее прохладные пальцы касались воспаленной кожи на его спине так легко, что совсем не причиняли боли.

— Кинжал не был отравленным, — заметила она. — Но рану твою изрядно отравила попавшая туда грязь. Неужели было так трудно соскочить ненадолго с коня, промыть и перевязать ее?..

— Невероятно трудно! — воскликнул Конан. — К тому же тогда я был бы лишен счастья быть перевязанным и исцеленным тобой!

Шумри, сцепив под подбородком ладони и улыбаясь, разглядывал старого друга, отпускающего неуклюжие комплименты его жене. Конан не мог не отметить про себя, что годы почти не изменили немедийца. Разве что исчезла тревога и глубоко затаенная печаль из глаз, они стали намного спокойнее и словно лучились неярким, идущим из глубины, мудрым смехом. Да еще борода, бывшая когда-то неприлично куцей и жидкой, приобрела более благородные и окладистые очертания. Илоис, пожалуй, изменилась больше, хотя и не

постарела. Когда-то она показалась Конану чересчур холодной, строгой и большелобой. Теперь это была женщина, излучающая тепло и естественную тихую радость каждым своим движением, каждым звуком голоса. Оба они — взглядами, то и дело бросаемыми друг на друга, стремлением услужить другому даже в мелочах — напоминали молодоженов, хотя прожили вместе больше десяти лет.

* * *

После первых объятий, бессвязных восклицаний и похлопываний по плечам на узкой береговой полоске Шумри повел друга по тропинке, и впрямь почти незаметной, причудливо вьющейся меж нагромождений голубоватых камней. Казалось, ее протоптали не люди или животные, но легконогие птицы. Едва они перевалили через гребень скал, как в глаза ударила яркая и свежая зелень, а ноздри наполнились сладкими запахами цветов и трав. Высоким и неприступным со стороны реки дозором скалы окружали долину, чья пышность, изобилие и плодородие были совсем не характерны для засушливых и пыльных зингарских равнин и напоминали перенесенный сюда каким-то чудом кусочек буйно цветущего и плодоносящего Кофа.

— Здесь не бывает летних засух и зимних заморозков, — объяснил Шумри, кивнув на небольшое озерцо, вода в котором бурлила и пенилась, словно какое-то водное чудище трепыхалось в глубине его. — Из земли бьет горячий источник, и деревья вокруг него плодоносят два раза в год. Как ты понимаешь, это очень кстати, учитывая мою природную лень, — добавил он, улыбнувшись.

Хижина, которую Шумри саморучно выстроил два года назад для себя и семьи, была очень простой и сильно напоминала те туземные хижины из тонких пальмовых стволов, укрытые сверху ворохом листьев, в которых им пришлось провести немало дней и ночей во время своего южного путешествия одиннадцать лет назад. Впрочем, раз здесь не бывает ни холодов, ни затяжных дождей, ему вряд ли имело смысл возиться, сооружая прочные стены из бревен или из камня… Очаг находился на улице, под навесом из камышовых циновок, и оттого ни запах, ни жар от приготовления пищи не достигал комнаты, где сидел сейчас Конан, скрестив на полу ноги и подставив спину нежно-исцеляющим ладоням Илоис. Все убранство небольшого округлого помещения состояло из аккуратных, сплетенных из травы циновок, глиняных и деревянных сосудов причудливой формы и букетов свежих и сухих цветов и трав.

Прямо у порога присели на корточках дети. В их настороженных позах читалась готовность в любой миг сорваться с места и ринуться прочь. Девочка была рыжей, как лесной пожар, как шкура степной лисицы. Мягкие недлинные волосы рассыпались по плечам, закрывали лоб и брови, падали на глаза, прозрачно-зеленые и раскосые, с умеренным любопытством мерцающие из-под нечесанных прядей. На вид ей было лет семь. Мальчик казался младше на год или полтора. Глаза его были светло-карими, а волосы русыми, топорщащимися на макушке. Узкое треугольное личико упиралось острым подбородком в колени, а пристальные и немигающие глаза буравили незнакомца.

— Как зовут ваших славных наследников? — спросил Конан, с интересом поглядывая на

затаившихся малышей.

— Вот это — Рыжая Шерстка, прошу любить и жаловать, — сказал Шумри с улыбкой, протянув руку и взлохматив волосы дочери. — А если короче — Рыжик. А молодого человека зовут Волчий Клык или Волчок. Прозвище дано недаром, так что шутить с ним не советую…

Усмехнувшись, киммериец протянул ладонь и потрепал легонько мальчика за ухо, скрытое мягкими волосами. Тот клацнул зубами, совсем как щенок, отгоняющий муху, и нахмурился.

— Он похож на тебя, — рассмеявшись, сказал Конан. — Не повадками, конечно, но шерстью, растущей дыбом. Но отчего они так дичатся? Редко видят чужих людей? Кажется, стоит мне громко кашлянуть, как пятки их засверкают далеко отсюда…

— Со зверьми и деревьями им приходилось иметь дело чаще, чем с людьми, — объяснила Илоис. — А ты ведь еще и не просто чужой человек, а грозный великан, покрытый шрамами гуще, чем окунь чешуей.

Она кончила забинтовывать его рану, и он смог расположиться поудобнее, опершись правым плечом о непрочную древесную стену и вытянув ноги. При этом он опрокинул коленом пару кувшинов с цветами, которые Илоис, улыбнувшись на его смущение, тут же выставила наружу.

— Расскажи же ты… — начали разом Конан и Шумри и разом же расхохотались.

— Расскажи прежде ты! — воскликнул хозяин хижины.

— Нет, давай ты сначала! — возразил Конан. — Я гость. К тому же мою спину только что перевязали, и мне совсем не хочется шевелиться. Рассказывая же о своих многочисленных подвигах, придется махать руками и подскакивать, чтобы было понятнее.

— Ну, хорошо, — согласился Шумри. — Я начну, но не с начала. Рассказов о наших с Илоис странствиях хватит не на один день, и я очень надеюсь, что ты поживешь здесь, но крайней мере до тех пор, пока наши удивительные истории не кончатся.

Он взглянул на жену, словно ища у нее одобрения своим словам. Илоис кивнула.

— Но только, — заметила она, — пусть наш гость насыщает не одну душу, но и тело. Представляю, как он сейчас голоден и как клянет нас про себя за недостаток гостеприимства.

— О! Прости ради Митры! — Шумри вскочил и вышел, тут же вернувшись с вместительной чашей, полной овощей, вяленых и свежих фруктов и орехов в меду. — Ты уж не обессудь, но ни мяса, ни рыбы мы тебе предложить не сможем.

— Иного я и не ждал! — махнул рукой Конан, набрасываясь на угощение. — У меня ведь еще не вышибло память.

Илоис, наклонившись, что-то прошептала детям, и они, вскочив, исчезли за занавесью из множества сплетенных из травы веревок, заменявшей двери.

— Детям нельзя это слышать? — удивился Конан.

— Они слышали это дюжину раз! — воскликнула Илоис. — Я просто попросила их собрать еще орехов, трюфелей и плодов, ибо те, что в чаше, вот-вот кончатся.

— Итак, я начинаю, — таинственным голосом сказал Шумри. — Пожалуй, стоит начать с того момента, когда Илоис, наконец, осточертело путешествовать… Ты помнишь, когда и как это произошло? — спросил он жену.

— Еще бы не помнить! — Она передернула плечами. — Это случилось почти два с половиной года назад, когда мы наткнулись на тот ужасный рыбий ковер…

— Рыбий ковер?.. — переспросил Конан.

— Да, — кивнул Шумри. — Так мы называем между собой это непонятное и удивительное явление. Мы тогда плыли в Западном океане, к северо-западу от Бархсских островов, и держали курс на север… Надо тебе знать, Конан, что деньги от продажи родового замка я потратил на приобретение отличного парусника, легкого, быстрого и прочного, живого и порывистого, словно морская птица. Мы назвали его «Адуляр», что означает Лунный Камень, поскольку Илоис отчего-то казалось, что в дни полнолуния он мчится быстрее и хуже слушается руля… Команда была небольшая и дружная, мы набирали ее сами и только из тех людей, которые вызывали симпатию у нас обоих. Капитаном был тридцатилетний уроженец Кордавы по имени Горги, бесстрашный и умелый мореход, в чем-то существенном очень схожий с нами.

Равнодушный к звону золота, горячий и пылкий, как все зингарцы, он вскоре стал самым преданным и надежным нашим товарищем. Мы очень привязались к нему. За те семь лет, что мы плавали, многие члены команды сошли на берег и были заменены другими, но капитан оставался с нами до конца… В то утро нас разбудил взволнованный крик рулевого. Наспех одевшись и выскочив на палубу, мы увидели небывалое зрелище: по левому борту корабля переливался всеми цветами радуги огромный живой ковер. Он был овальной формы, не менее четырехсот локтей длиной, а шириной около двухсот пятидесяти. Узор на его поверхности был причудлив и ярок, он завораживал глаз.

Он отливал на солнце металлическим блеском, и казалось, что ковер составлен из миллиона новеньких начищенных монет — золотых, серебряных, медных, бронзовых, а также из неизвестных металлов голубого и зеленого оттенков… Илоис захотелось взглянуть на это чудо поближе, и мы спустили шлюпку, куда сели втроем: Илоис, Горги и я. Подплыв вплотную к краю ковра, мы долго его рассматривали, но так и не смогли определить, что же это такое. Толщиной он был не больше трех-четырех пальцев, и был несомненно живой, вот и все выводы, которые мы смогли сделать. Внезапно шлюпка качнулась и чуть не зачерпнула бортом, оттого что Илоис, не сказав ни слова, выпрыгнула прямо на блестящую ярко-цветную поверхность. Я закричал ей, чтобы она тотчас же возвращалась назад. Нехорошее, тоскливое предчувствие сдавило мне грудь…

— Я была босиком, — вступила Илоис. — Ступни ощущали что-то упругое, прохладное, гладкое… Кажется, я сошла с ума от этого завораживающего мерцания. Шумри строго кричал, чтобы я вернулась, но я лишь рассмеялась, повернулась к них спиной и бросилась бежать прямо к центру этого великолепия. Ковер пружинил подо мной, как мох на краю болота, но не проваливался. Мне захотелось танцевать, кружиться до самозабвения на этой искрящейся, чудесной опоре посреди бескрайнего океана.

— Я хотел тут же броситься за ней следом, — продолжал Шумри. — Тяжелое предчувствие не оставляло меня. Но не успел. Внезапно Илоис вскрикнула и провалилась под воду. Живой ковер разошелся под ней. Несколько мгновений под солнцем блестела зеленоватая окружность воды, затем она стремительно затянулась. Зловещий ковер вновь был целым, ярко-цветным, мерцающим… Я был в оцепенении не больше двух-трех мгновений, но за это время успел увидеть, как края ковра стали подгибаться, уходить в глубину. По-видимому, зловещее существо собиралось окружить собой пойманную жертву, окутать ее со всех сторон… Почти одновременно я и Горги спрыгнули с бортов шлюпки и поднырнули как можно глубже под скручивающиеся края, молясь про себя Митре, чтобы не опоздать, чтобы успеть…

— Как хорошо, что я не помню самого страшного, — вздохнула Илоис. — Все, что

случилось после того, как живой ковер провалился у меня под ногами, вылетело из моей головы.

— Я плавал под водой быстрее Горги, поэтому добрался до Илоис первым, — продолжил Шумри. Он побледнел, голос его прерывался — настолько сильно страшные впечатления прошлого завладели им. — Она была без сознания. Я обхватил ее одной рукой, а кулаком другой пытался пробить живой покров над нашими головами, чтобы дать ей глотнуть воздуха. Но проклятая плоть ковра была очень прочной. Отвратительная, чешуйчатая, скользкая рыбья плоть… От нехватки воздуха у меня уже плыли багровые круги перед глазами и звенело в висках, когда до нас доплыл, наконец, Горги. Мы были в огромной ловушке, все трое, прозрачная морская вода позволяла рассмотреть, что края ковра сомкнулись в глубине, он превратился в род большого мешка, подрагивающего от вожделения… в огромный желудок, быть может. К счастью, Горги всегда носил за поясом кинжал. Удары его оказались действенней ударов моего кулака. Под взмахами разящего лезвия ковер над нашими головами разошелся, мы выплыли на поверхность и глотнули воздуха… Я поддерживал Илоис, не давая голове ее уйти под воду, а Горги продолжал разить разбегающиеся от нас стремительно края ковра, разить с неистовством и яростью, никогда не свойственными ему прежде… С корабля, конечно, видели все это, матросы быстро спустили еще одну шлюпку и подобрали нас, как только смогли к нам подплыть. К счастью, Илоис пришла в себя очень быстро. Стоя вместе с ней у левого борта, мы наблюдали, как ковер распался на миллионы небольших рыбешек, золотистых, голубых, зеленоватых, малиновых… которые стремительно погружались в глубину, и вскоре перед нами расстилалась обычная спокойно-зеленоватая гладь океана. Илоис ушла к себе и не показывалась до вечера, а вечером заявила, что не может выносить ни моря, ни качающейся палубы, ни вечных странствий непонятно зачем и куда и что с нее хватит.

— Больше всего меня потрясло, что оно было такое красивое, — объяснила Илоис с виноватой ноткой в голосе. — Я ничего не видела более прекрасного, чем этот сияющий и переливающийся на солнце живой ковер на зеленой воде. И оказывается, вся эта красота служит лишь для того, чтобы убивать и пожирать. Вынести это было невозможно. Потому-то я и вела себя как истеричная и избалованная барышня и требовала, чтобы мы вернулись на землю и остановились где-нибудь, наконец. Я надеюсь, Шумри, ты когда-нибудь простишь меня за это.

— Тебя не за что прощать, — мягко откликнулся Шумри. — Какая иная женщина вынесла бы семилетнее путешествие без всякого смысла и цели, с полусумасшедшим бродягой-мужем?.. — Он тихо рассмеялся и взглянул на жену, ответившую ему невыразимым и глубоким языком глаз. — Итак, было решено пристать к берегу, и мы взяли курс на юго-восток, чтобы достичь берегов Аргоса, откуда мы двинулись в путь когда-то. Горги был грустен, предчувствуя разлуку с нами. Я подозреваю, Илоис, что он был влюблен в тебя, хотя никогда не давал понять этого ни словом, ни интонацией.

— К тебе он был привязан не меньше, — возразила Илоис.

— Может быть… К вечеру пятого дня мы заметили остров и подплыли к нему. Он был совсем небольшой, можно сказать, крохотный, локтей шестьсот в поперечнике, густо поросший зеленью. Илоис, уставшая от бесконечной водной глади, очень обрадовалась и настояла, чтобы ночь мы провели на нем, а не на корабле. Поскольку начинало уже темнеть и времени было мало, успели только соорудить что-то вроде шалаша из веток для нас двоих. Горги же и вся команда ушли ночевать на корабль. Утром, открыв глаза и взглянув на гладь

океана, мы испытали сильное потрясение. Корабля не было. Он исчез самым непостижимым и таинственным образом. Бросить нас здесь они не могли, это было абсолютно исключено. Может быть, ночью был шторм, и судно поглотила пучина? Но тогда мы обязательно проснулись бы от грохота волн и воя ветра…

Весь день мы ломали головы, разгадка пришла лишь поздним вечером. Лежа на траве и глядя на звезды, мы вдруг почувствовали плавное покачивание. Казалось, спины наши опирались не на прочную землю, но на палубу оставленного и потерянного корабля. Островок был плавучим! Видимо, за ночь, подчиняясь водным течениям, он отплыл от стоящего на якоре судна на значительное расстояние. Такое значительное, что паруса не видно было даже у самого горизонта.

Как назло, наступил полнейший штиль. Ни малейшего дуновения ветерка!.. Наш добрый Горги, даже если и догадался, что с нами произошло, не мог отправиться на поиски нас. Парусник не мог сдвинуться с места, остров же, подхваченный невидимым током воды, продолжал отдаляться от него в неизвестном направлении… Смешно и странно, но когда-то очень давно, в детстве, при первой моей встрече с Илоис, бывшей тогда надутой и строгой пигалицей… — Илоис шутливо шлепнула мужа по затылку, и тот поправился: — Бывшей горделивой и ослепительной маленькой особой, я рассказывал ей о том, как продам замок, когда вырасту, и мы отправимся путешествовать. Я безбожно выдумывал, чтобы привлечь к себе ее внимание, и в числе прочих выдумок были дома-острова, на которых живут семьями, вечно странствуя в океанах по воле ветра и волн. Теперь моя детская выдумка стала явью. Правда, мы не столько радовались, сколько тревожились. Потеря нашей команды и, особенно, славного и верного Горги была для нас настоящим несчастьем.

— И «Адуляра» тоже, — поправила его Илоис. — Ведь он был тоже живым и не менее преданным. Я уговаривала Шумри сесть в шлюпку, которая оставалась у нас, и пуститься на поиски корабля. Но он не согласился.

— Еще бы я согласился! Это было бы чистым безумием: плыть в шлюпке, неведомо куда, без воды и пищи, без оружия и навигационных приборов… Впрочем, она всегда была сумасшедшей девушкой. С трудом мне удалось убедить ее, что для Горги разыскать нас в несколько раз реальней, чем нам его. Хотя и для него шансы были, надо признать, небольшими… Мы тщательно обследовали доставшийся нам клочок земли с буйной и разнообразной растительностью и скоро выяснили, что то был вообще не остров, но участок суши, видимо, размытый волнами и оторвавшийся от берега. Никаких источников пресной воды на нем, естественно, не было. Правда, это нас не особенно удручало: жажду мы могли утолять соком в изобилии растущих вокруг плодов. Как, впрочем, и голод. Гораздо тревожней было другое: уже на третий день мы заметили, что островок постепенно уменьшается в размерах. Волны размывали землю с его краев. И без того маленький, он таял, как кусок сахара в чашке воды.

— Особенно было грустно, когда, оторвавшись и взмахнув кроной, в океан уплывали деревья, — сказала Илоис. — Почти каждый день, стоя на берегу, я наблюдала подобную картину. Казалось, они машут мне ветвями и умоляют задержать их, спасти, выхватить из мертвящих объятий соленой воды…

— Пока она стояла и прощалась с уплывающими деревьями, я спешил запастись как можно большим количеством сушеных фруктов и дождевой воды. У нас была шлюпка, поэтому утонуть вместе с последним клочком земли нам не грозило. Но сколько времени сумеем мы продержаться в этой шлюпке, покуда не достигнем земли либо не встретим на

своем пути судно?.. Один Митра знает! Каждый день с рассвета и до темноты я собирал и сушил фрукты, изготовлял из ореховой скорлупы сосуды для влаги…

— Ты был деловит и суетлив, словно барсук, собирающий запасы на зиму, — заметила Илоис, — и ни о чем больше не думал…

— Зато ты прощалась с деревьями, одаривая каждое на прощание светлой слезой, — парировал Шумри. — Впрочем, иногда ты помогала мне, когда надоедало сидеть на берегу. Вдвоем мы загрузили нашу шлюпку по самые борта.

— Никогда не забуду, как в последнюю ночь, когда островок превратился уже в кочку на воде с тремя деревьями, мы легли спать в шлюпку, а утром, когда проснулись, вокруг была одна соленая, бесконечная, блестящая на солнце морская рябь…

— Остров плыл по воле течения, теперь же я мог управлять движением, — продолжал Шумри. — Я повернул на восток и все время старался держаться строго на утреннее солнце, чтобы как можно быстрее достигнуть берега. В ясные дни это было нетрудно, но когда небо затягивали плотные облака, приходилось бросать весла и пережидать, пока снова не выглянет солнце. На острове мы плыли около двух лун и чуть больше луны — на шлюпке, и вот наконец-то вдали замаячил берег, скалистый, голый и неприветливый с виду. То были, как скоро выяснилось, земли пиктов.

— Земли пиктов? — Конан подался вперед и насторожился. — Надеюсь, вы не высадились на них?

— А куда нам было высаживаться? — с горечью спросил Шумри. — К тому же то, что мы вступили во владения этого дикого народа, мы узнали уже на берегу, значительно отдалившись от своей шлюпки.

— В таком случае, не могу понять, как вы выбрались оттуда живыми, — сказал киммериец и с силой хлопнул рукой о колено. — Я хорошо знаю этот низкорослый свирепый народец. Чужаков они ненавидят и убивают сразу, не разбирая, кто перед ними — мужчина, женщина или ребенок. Объясни мне, во имя твоего Митры, как вам удалось уцелеть?!

— Честно сказать, не знаю, — пожал плечами Шумри. — Мы не причиняли им зла и не желали зла. Они видели, что у нас не было никакого оружия. К тому же я быстро выучил их язык, что было немаловажно для взаимопонимания в критических ситуациях. Илоис больше общалась жестами, но к ней быстро проникались симпатиями женщины, оттого что в ее присутствии их дети прекращали плакать, и она лечила у них боль в животе и кровотечения. Не раз нас выручало мое умение «слышать» чужие мысли, если они звучат в голове достаточно громко. Правда, пикты живут почти исключительно эмоциями и страстями, думают они крайне редко и далеко не все… Не раз, почувствовав невнятную угрозу, даже если вокруг нас были одни улыбающиеся и доброжелательные лица, мы спешно покидали племя. Уходили прочь под каким-нибудь предлогом, часто прямо в непроходимую глушь леса…

— Честно говоря, покуда мы пробирались по Пиктской Пуще, случалось немало напряженных и тревожных моментов, — заметила Илоис. — Но ни один из них не может сравниться с тем ужасом, который я испытала, когда подо мной провалился живой ковер. Такой горечи и отчаяния, как тогда, я не припоминаю больше.

— Сначала мы хотели идти на юг, чтобы поскорее достичь Зингары, но нас предупредили, что на границе очень опасно, поэтому мы опять двинулись на восток.

— Давно собираюсь спросить вас, — перебил его Конан. — Вы были вдвоем и на острове, и среди мрачных пиктов, но где же тогда находились ваши славные ребятишки? В то

время, года два назад, они ведь были совсем крохами, верно?..

Шумри и Илоис переглянулись. Казалось, они спросили о чем-то друг друга глазами. После паузы немедиец ответил:

— Дело в том, что они не родные нам дети. Своих детей у нас нет — это следствие тяжелой многолетней болезни Илоис, о которой ты знаешь. Но мы привязаны к ним не меньше, чем к своим родным. Поверишь ли, они очень похожи на нас! Гораздо больше, чем это кажется с первого взгляда. И не только дыбом растущими на макушке волосами… Пиктские Пущи, угрюмые и опасные, подарили нам дочку. Ты помнишь, какое это было чудо, Илоис?..

— Еще бы не помнить! Среди черных, низкорослых, полуголых дикарей с яркими перьями в волосах увидеть это светлое, это рыжее солнышко!.. Я онемела от изумления. Откуда здесь эта кроха, по всей видимости, урожденное дитя Ванахейма?.. После долгих расспросов нам кое-как удалось понять, что девочка прибилась к ним сама, выйдя однажды прямо из леса. То ли она сиротка, то ли родители выгнали ее из дому… Я упросила Шумри взять ее с собой, настолько она запала мне в душу. Племя не возражало, сама девочка тоже. Казалось, она только обрадовалась, что будет теперь с нами.

— Положим, не ты меня упросила, но я первый предложил удочерить ее, — возразил Шумри.

— Пусть так! Неважно… Имени у нее не было, вернее, племя как-то называло ее, но у вас язык не поворачивался выговорить эти булькающие и рычащие звуки. Шумри прозвал ее Рыжей Шерсткой. Мы решили пока что называть ее между собой так, а когда она вырастет, пусть придумает сама себе имя, самое красивое, какое ей только захочется.

На этих словах травяная занавеска зашуршала, раздвигаясь, и появились те, о ком только что шла речь. Девочка несла корзину, доверху наполненную спелыми плодами, мальчик тащил на плечах довольно увесистый мешок. Они поставили свои ноши на пол и уселись на пороге в тех же самых птичьи-настороженных позах, что и накануне. Конан взглянул на них с новым интересом.

— А разговаривать они умеют? — спросил он.

— О, они знают массу языков! — воскликнула Илоис. — Больше, чем ты, Конан, больше, чем даже Шумри. Язык пиктов, язык змей, посвисты гудящих в ночи насекомых, беззвучное наречие рыб, диалекты лесных животных, птичьи переклички… К тому же с нашей помощью они освоили немедийский. Но они редко болтают попусту, ты верно заметил.

— Сына нам подарили боссонские топи, — продолжил Шумри свой рассказ. — Последнее пиктское племя, у которого мы остановились, почему-то так полюбило Илоис, что подарило нам на прощание отличную кожаную лодку, очень прочную и легкую, которую можно было переносить по суше на плечах. Дикие мужчины были столь любезны, что не ограничились подарком, но проводили нас до истоков реки Громовой, попеременно неся лодку. Если б не пикты, мы неминуемо завязли бы в этих болотах. Не зная с детства, преодолеть эту коварную, сумрачную, поросшую мохом грязь невозможно… Сердечно распрощавшись со славными дикарями, мы стали спускаться вниз по реке, держа путь в Зингару. Мы выбрали эту страну главным образом оттого, что Горги был родом оттуда и мы надеялись когда-нибудь встретиться с нашим капитаном или, по крайней мере, услышать о нем что-либо. А заодно и о нашем «Адуляре».

Вскоре мы заметили, что ночами кто-то стал потрошить наш мешок с запасами пищи.

Мы решили, что это безобразничают лисы или волки, хотя Рыжик почему-то утверждала — она тогда только-только начала осваивать немедийский и очень смешно выговаривала слова — что это дело рук человека, только очень маленького. Но откуда было взяться человеку в этих глухих и гиблых местах?.. К тому же на кожаном мешке виднелись следы когтей и зубов, но не ножа или кинжала. Я стал подвешивать припасы перед сном высоко на дереве, но кражи продолжались. Тогда я решил сторожить, чтобы положить конец беззастенчивому и таинственному воровству. Ночью, когда Илоис и Рыжик крепко спали, мне послышалось, что кто-то подкрался к шалашу и вслушивается в наше дыхание. Когда шаги отдалились, я осторожно подполз к входному отверстию и выглянул наружу. Мне показалось, что на дереве сидит небольшая обезьяна и сосредоточенно расковыривает наш мешок! Но никаких обезьян в этих краях сроду не водилось. То был вот этот малыш! — Шумри кивнул в сторону внимательно слушавшего его рассказ взъерошенного мальчугана. — Надо сказать, поймать его оказалось не просто. Пришлось будить и звать на помощь Илоис и дочку. Втроем мы кое-как справились с ним, но руки мои были покусаны и исцарапаны, а Илоис пришлось срочно чинить мою и свою одежду. Мне пришлось связать звереныша по рукам и ногам и привязать к дереву, хотя Илоис громко возмущалась, что бессердечно так обращаться с маленьким и слабым ребенком. Но маленький и слабый ребенок лишил нас десятидневного запаса продовольствия, к тому же мне не терпелось как следует рассмотреть его при свете дня.

— Утром мы развязали ему руки, — продолжила Илоис, — но от дерева не отвязали. Мы предлагали ему самое вкусное, что только у нас было, и пытались объяснить знаками, что будем кормить его, ласкать и ублажать, если он захочет пойти с нами. А если свобода и глухие болота ему дороже, что ж, мы отпустим его, только пусть он больше не таскает у нас по ночам последние лепешки, которыми снабдили нас пикты. Трудно сказать, понял ли он нас. По виду своему он не походил ни на жителя Ванахейма, ни тем более на пикта. Больше всего мальчуган смахивал на уроженца Аквилонии. Но как он очутился один, четырех- или пятилетний, в этой гиблой глуши?..

— Мы развязали его, и наш пленник тут же скрылся в зарослях, — сказал Шумри. — Но мы не сомневались, что встретимся с ним снова. Ночью я положил мешок с едой под голову и спокойно заснул, но довольно скоро проснулся оттого, что кто-то тихонько вытаскивал у меня из-под уха этот самый мешок. Поразившись наглости крохотного воришки, я взглянул в его сторону сквозь ресницы, не открывая глаз. И с удивлением обнаружил, что на этот раз меня грабила дочка! Рыжая бандитка вытащила лепешку — воистину последнюю — и выскользнула наружу. Высунувшись вслед за ней, я почти не удивился открывшейся мне картине: будущая сестрица подкармливала будущего брата последними крохами нашего хлеба…

— Вот так она и приручила его! — рассмеявшись, заключила Илоис. — До сих пор этот маленький дикий зверек может иной раз огрызнуться на мою просьбу, и не каждое мое слово является для него законом, но стоит Рыжику попросить или приказать ему что-либо — летит со всех ног, пыхтя от усердия.

— В этом нет ничего удивительного, — заметил Шумри. — С тобой он может говорить лишь на немедийском, а с сестрой они изъясняются на любом — от птичьего до оленьего, а чаще всего вовсе без слов и звуков. К тому же ты не лазаешь по скалам, не ныряешь в воду с высоты в тридцать локтей, не гоняешься наперегонки с оленями и зайцами и не скачешь, как сумасшедшая, на необъезженных жеребцах.

— И все равно он любит меня! — воскликнула Илоис с некоторой запальчивостью и,

обняв мальчика, прижала его голову к своей груди.

Рыжая девчушка тут же поднырнула под другую ее руку и прижалась к приемной матери. По выразительному нахмуренному лицу мальчугана было видно, что он терпит эту ласку с большим трудом.

— Любит, любит! — рассмеялся Шумри. — Раз не вырвался от тебя тотчас, значит, любит. Но отпусти же его, прекрати мучить! Больше всего на свете он не выносит, когда его тискают, целуют и каким-либо образом ограничивают его свободу, — объяснил он киммерийцу. — Дочка, надо сказать, не в пример ласковее…

— Как и полагается девочке, — заметил Конан, подмигнув свободолюбивому Волчку. — Мне кажется, что с такими ребятишками вам теперь ничего не страшно!

— О, да! — согласилась Илоис. Она выпустила голову сына, и тот сразу же отскочил от нее и присел на свое обычное место у порога. Дочка же осталась, нежно прижимаясь щекой к материнскому плечу. — Если б ты знал, сколько раз они нас выручали! Пока мы плыли через бесконечные топи, порой нам бывало нечего есть. И тогда дети приносили нам какие-то корешки, стебли и листья. Один Митра знает, как они распознавали съедобное от несъедобного, но ни разу никто из нас не отравился… Однажды меня укусила в ногу змея. Хотя Шумри сразу же отсосал яд и выдавил его из ранки вместе с кровью, но нога страшно распухла. Рыжик притащила мне какие-то пахучие и прохладные водоросли, обмотала ими опухоль, и к утру она исчезла без следа. До сих пор не знаю, как эти водоросли называются, но теперь всегда собираю их, лишь только увижу…

— А тот случай с деревом! — напомнил Шумри. — Илоис отдыхала на траве под старой высохшей елью, и вдруг Волчок стал тянуть ее за руку, крича громко и невразумительно. Лишь только она поднялась в недоумении и отошла в сторону, как дерево, подточенное старостью, обрушилось прямо на то место, где она только что сидела.

— Они охраняют нас, словно два маленьких добрых лесных духа, — улыбнулась Илоис и поцеловала дочь в растрепанную макушку.

Мальчик внезапно насторожился и поднял голову, словно заслышав что-то на крыше. Миг спустя он уже был снаружи и сразу же вернулся, держа в ладонях белую птицу с черным клювом и серым ободком на крыльях. Илоис взяла у него птицу и осторожно сняла с лапки прикрученный красной нитью кусочек бересты, на котором был нацарапан какой-то рисунок. Рассмотрев его, она вздохнула с улыбкой и передала Шумри. Тот повертел бересту в руках и также вздохнул.

— Вот не вовремя! Тебя отвезти?

— С какой стати? Прекрасно доберусь сама! — Илоис обернулась к киммерийцу и, протянув ему бересту, где был изображен человечек со вздувшимся животом в окружении непонятных знаков, объяснила: — В селении вверх по течению рожает женщина, и муж ее просит меня приехать.

Конан удивленно приподнял брови, но промолчал.

— Илоис ничего не понимает в родах, — сказал Шумри. — Но в ее присутствии женщины сразу успокаиваются, перестают кричать, и новый человек выползает на свет быстро и без осложнений. Отчего так происходит, не могу сказать, но все местные жители считают, что у нее легкая рука, и то и дело присылают подобные записочки, используя для этой цели ручных горлиц.

— Зато когда случается что-то действительно серьезное — перелом, глубокая рана, воспаление в животе — зовут при помощи тех же птиц уже Шумри.

— Хотя я тоже во всем этом почти ничего не смыслю! — воскликнул немедиец и жалобно округлил глаза. — Но они вбили себе в голову, что мы искусные целители, и переубедить их никак невозможно. Хорошо, что детишки подсказывают нам, какие травы отчего помогают, — ведь мы лечим главным образом ими.

Илоис набросила на плечи шерстяной плащ, взяла корзину, куда уложила какие-то плоды и связки сухих растений и кивнула Конану на прощание. Шумри вышел ее проводить и вскоре вернулся.

— Но ведь уже почти ночь, — заметил Конан. — Неужели тебе не тревожно отпускать ее куда-то одну?..

— Нет. Не тревожно, — помотал головой Шумри. На лицо его внезапно набежала тень, и он словно прислушался к самому себе. — Если честно, Конан, что-то тревожит и гнетет меня, но к Илоис это отношения не имеет. Откуда-то надвигается опасность, но в чем она — пока не могу понять.

Он помолчал, прикрыв веки. Дети, и без того беззвучные, стали еще тише и еще настороженней. Было слышно, как гудит ветер на вершинах скал, шелестят деревья, переговариваются птицы в своих расщелинах…

— Нет, все-таки не понимаю, — выдохнул Шумри. — Знаешь что?.. Очень часто все туманное и смутное становится ясным во сне. Давай-ка отправимся на покой. Ты изрядно устал с дороги, а наши разговоры утомили тебя еще больше. Желаю тебе крепкого сна без сновидений и полного выздоровления наутро…

Глава вторая

Конан недооценил своего противника. Юный барон Кайсс, как и его отец, принадлежал к тем натурам, в которых огонь неутоленной мести пробуждает все дремлющие прежде силы и способности, обостряет чуть ли не до гениальности ум и наполняет недюжинной, хлещущей через край энергией.

Узнав, что легкораненый варвар ускользнул от наемников и догнать его, учитывая резвость дареного аквилонского жеребца, не представляется возможным, он решил сменить тактику и прибегнуть к помощи собак. Этот вариант мести он обдумывал заранее, поэтому еще во время пребывания Конана в его замке Кайсс приказал отрезать пряди волос с гривы и бабок его жеребца, а также сохранить нетронутой одну из подушек, на которых спал киммериец. Среди его охотничьей своры одна из сук, по кличке Умильная, отличалась редкостным нюхом, характерным для чистокровных псов южнотуранской породы, выведенных чуть ли не в течение тысячелетия. Подушки и конских волос оказалось достаточно, чтобы она с легкостью взяла след. Прямо за городскими воротами Умильная повернула на дорогу, идущую строго на восток.

Она бежала впереди отряда из двадцати человек, принадлежавших к личной страже барона, под предводительством сорокалетнего кушита Баврода, опытного, хитроумного и безжалостного наемника, которому Кайсс доверял как самому себе, проверив не в одном деле. Бавров был дорогим убийцей, он требовал золота в три раза больше, чем обычный наемник, но зато уж и расшибался в лепешку, чтобы выполнить задание своего нанимателя…

После двух суток погони отряд достиг реки Громовой, где след варвара поворачивал на север и шел по правому берегу вверх по течению. Довольно скоро он оборвался на каменистом берегу, невдалеке от места впадения Ширки. Перебравшись на другой берег прямо верхом (для этого пришлось снять доспехи и груз провизии, чтобы не отяжелять чрезмерно лошадей, и оставить их под присмотром одного из солдат), Бавров прочесал прибрежные заросли на пятьсот локтей в обе стороны, но Умильная взять след не смогла. Ни окрики, ни уговоры на нее не действовали, она лишь виновато помахивала хвостом и растягивала губы (за эту привычку она и подучила когда-то свою кличку)… Пришлось возвращаться назад, снова плюхаясь на усталых конях в прохладную медлительную воду.

К счастью для них, невдалеке от берега оказалось небольшое селение пастухов и землепашцев, и после недолгих расспросов, угроз и зуботычин удалось выяснить, что чужеземец на вороном жеребце останавливался у них. Больше того, он взял у одного из жителей на время лодку, оставив взамен своего огромного и, видимо, очень дорогого коня. Старик, одолживший лодку, растерянный и перепуганный, лепетал, что чужеземец и не думал бежать или скрываться, но лишь собирался навестить старого приятеля, поселившегося с семьей на острове, что вздымается из воды посередине реки.

Бавров веско и грозно объявил, что чужеземец — северный варвар и разбойник, запятнавший себя страшными преступлениями, которого они ловят согласно приказу самого короля Фердруго. Каждого, кто будет помогать ему и пособничать, ожидает суровая кара. После чего он запретил кому-либо из селян под страхом казни на месте покидать стены своих домов, а также издавать малейший шум, который мог бы насторожить разбойника. То же самое он повелел своим солдатам, чем немало обозлил их, собравшихся было

расслабиться после утомительной погони в веселой компании бутылей с домашним вином и смешливых деревенских красоток.

Неестественная тишина опустилась над вечерней деревней. Илоис, отплывая от острова в легкой кожаной лодке на помощь рожающей женщине, недоумевала, что бы это значило. Обычно в это время суток со стороны скрытых деревьями глиняных хижин доносились хмельные песни, смех расшалившейся молодежи, заунывные крики матерей, созывающих под кров заигравшихся во дворе мальчишек. Шумри, проводив ее и возвращаясь еле различимой тропинкой меж скал к себе, также отметил непривычное, сгустившееся над берегом беззвучие. Именно оно поселило в его душе первые зерна непонятной, неоформленной тревоги.

* * *

Бавród не позволял своим людям ни пить, ни играть в кости, ни громко разговаривать. Спать он не разрешал тоже, дожидаясь того часа, глухого и тяжелого часа незадолго до рассвета, когда сон связывает человека сильнее всего и разбудить его непросто. Именно к этому времени приурочил он высадку отряда на остров. На этот раз они поплыли на лодках, отобранных у селян, и на передней вместе с предводителем сидела Умильная, нервно позевывая и моргая воспалившимися от усталости глазами. Ни доспехов, ни тяжелых сапог, ни мечей на них не было, ибо все это издает звон и грохот. Из оружия каждый имел лишь кинжал. Правда, лезвия у всех на этот раз были уже отравленными…

* * *

Конан вынырнул из сна от осторожного толчка в плечо.

— Что?! Что случилось?.. — пробормотал он, по привычке нащупывая меч справа от себя.

— Тсс! — Шумри приложил палец к губам. — Одевайся, только молча и быстро! Мое тягостное предчувствие, наконец, разрешилось. Кому-то ты очень насолил, Конан, и тебя ловят. Только что на остров высадилась группа солдат…

— Проклятие!.. — Конан вытащил из ножен меч и крепко выругался шепотом. — Это Кайсс! Но как же он выследил меня? Клянусь Кромом, когда я скакал к тебе, за мной не было никакой погони! Уж я-то такие вещи хорошо чувствую…

— Вложи меч в ножны, неистовый варвар, — прошептал немедиец. — И следуй за мной. Когда все утихнет, поблагодари Волчка — это его чуткий слух разобрал в ночи посторонние шорохи. Когда он залез на скалу, на свой любимый наблюдательный пост, то увидел дюжины две полуголых молодцев, только что высадившихся из лодок и очень старающихся не шуметь. Настроены они были неприветливо и решительно. С ними была собака. Это она, должно быть, вынюхала твой след. Вряд ли они осмелятся карабкаться по скалам в темноте, но кто

знает… На всякий случай нам надо торопиться!..

Одеваясь, Конан заметил, что дети не спят. Сидя на корточках на своих циновках, они напоминали двух встревоженных и чутких зверенышей. Ему показалось даже, что глаза их мерцают в темноте. Прежде чем выйти, он провел ладонью по волосам девчушки и похлопал мальчика по щуплым плечам.

Шумри повел киммерийца куда-то к дальнему краю острова, непонятным образом ориентируясь в темноте. Впрочем, тьма начала понемногу расползаться, сереть в преддверии рассвета, и можно было различить смутные силуэты деревьев и грозно-надменные профили скал.

— Придется нам с тобой искупаться, — заявил Шумри, останавливаясь перед черно-недвижной гладью небольшого озера или пруда.

— Зачем? — хмуро спросил Конан.

Он все еще не до конца проснулся и воспринимал происходящее с некоторым трудом.

— В обход будет дольше, — объяснил Шумри. — К тому же надо сбить со следа собаку. Вода растворит твой запах… Тут неглубоко, не выше твоего подбородка!

Они оба разделись и свернули одежду. Прохладная вода медленно поднималась с каждым шагом, щекоча тело знобящими прикосновениями. Дойдя до ключиц киммерийца, уровень ее стал понижаться. Вскоре они уперлись в тесную вертикальную стену камня, вздымающуюся прямо из воды.

— Дай мне твою одежду, — велел Шумри, — и попробуй взобраться наверх. Трудно только первые пять-шесть локтей. Выше пойдут расщелины, за которые удобно цепляться.

Конан, не задавая больше вопросов, передал другу сверток с одеждой и полез, осторожно и тщательно ощупывая каждый крохотный выступ под ладонями и ступнями. Как ни странно, с виду скала казалась гораздо более неприступной, чем на самом деле. Камень был теплым и совсем не враждебным к нему, несмотря на видимую угрюмость.

Вскоре киммериец был уже на вершине и протягивал руку Шумри, лезшему следом и пользовавшемуся лишь одной рукой, так как в другой были свертки с одеждой.

— Скоро будет светать, — прошептал немедиец, отдышавшись. — Я знаю, тебе сейчас очень хочется спать, но советую перебороть сон и посмотреть, как будут загораться скалы под пурпурными лучами юного солнца…

Конан кивнул и, набросив на мокрые плечи плащ, поудобнее уселся на небольшой каменной площадке, не особенно жесткой благодаря серебристой щетине лишайника. Пурпурное солнце его интересовало мало, но имело смысл понаблюдать сверху, откуда был отличный обзор почти всей территории острова, за теми, кто так упорно за ним охотится.

— Тебе не нужно спешить назад? — спросил он.

— Пока нет, — отозвался Шумри, устраиваясь рядом, — Они еще не перебрались через скалы, еще топчутся на берегу и переругиваются сквозь зубы, заставляя собаку искать проход в камнях…

— Интересно, а кто вообще протоптал этот проход? Дикие козы? Что-то я их тут не заметил… А может быть, ты с детьми? И как тебе пришла в голову мысль высадиться возле этих голых и сухих скал? Глядя на них с берега, ни за что не подумаешь, что они скрывают за собой зелень вечного лета.

— О, виноваты в этом рассветные лучи солнца! — улыбнулся Шумри. — Когда мы проплывали здесь, было раннее утро, Илоис и дети спали в лодке, а я тихонько греб, помогая течению… И вдруг скалы впереди меня, мрачные и серые, засветились розовым, алым и

пурпурным. И зазвучали! Да-да, они светились и звучали. То была музыка, никогда прежде мной не слышанная. Казалось, что весь остров этот — один огромный музыкальный инструмент со множеством взметнувшихся вверх тонких и толстых труб и трубочек… Я не мог не направить лодку к этим дивным камням и слушал, слушал до тех пор, пока из пурпурного солнце не стало желтым, и музыка не утихла. Проснулись дети и сразу же кинулись лазать по скалам, словно ящерицы. Не обращая внимания на запреты бедной Илоис, они взобрались на самую вершину… и тут издали такой дикий и торжествующий вопль в две глотки, что мы не на шутку перепугались. Мы думали, они узрели что-то ужасное… Тропинку протоптали не козы, конечно, а мы четверо, постепенно, за два года, что мы живем здесь.

Небо понемногу светлело. На западе еще сверкали звезды, восточный же край медленно пропитывался розовым. Проснувшиеся птицы завели утреннюю перебранку над их головами.

— Илоис тоже со временем стала слышать здесь музыку, — помолчав, продолжил Шумри. — Правда, не на рассвете, а в сумерки, сразу, как солнце садится за красноватыми холмами. Она уверяет, что музыка эта тихая, приглушенная и нежная, словно шепот матери перед сном со своим ребенком… Сначала я просто слушал, затем стал играть сам. Есть некоторые места в расщелинах скал, где эхо подхватывает звук, умножает его, разносит по всему острову и за его пределы. Кажется, что играет не один человек, а несколько.

— Об этом говорил вендиец с коброй, — вспомнил Конан. — Твоя музыка зачаровала его, совсем так же, как он зачаровывает и заставляет танцевать свою змею.

— Вендиец был не единственным, — усмехнулся Шумри. — Пять или шесть странников приплывали сюда на звуки тростниковой флейты. Обычно они жили здесь несколько дней, иногда луну или больше. На прощание я каждого просил расспрашивать о тебе где только можно. Я знал, что бродяги, нигде не задерживающиеся подолгу, покрытые пылью тысяч дорог и тропинок, рано или поздно донесут до тебя мою весть. Если странник был родом из Зингары или имел отношение к морю, я также просил его узнать что-нибудь о Горги и «Адуляре». Но, видимо, наш капитан все еще плавает где-то. А ты… Ты пришел!

— И, клянусь Кромом, ничуть не жалею об этом! — отозвался Конан. — Если мне снова встретится тот вендиец, я непременно обниму его и отсыплю груду монет. Даже подружка его из голубого кувшина кажется мне симпатичной!

— Если б ты видел, как подружились с ней дети, — улыбнулся Шумри. — Пока этот южный странник жил у нас, Илоис пребывала почти в постоянном ужасе, потому что они брали кобру в руки — кажется, ее звали Чейя — носили на шее, поили козьим молоком, за которым специально плавали в селение… Она выполняла их команды, как дрессированный пес. Под конец и сама Илоис привыкла к ней и уверяла, что ничего красивее узора на ее спине — черного на синем — никогда не встречала… Да, он был очень славный, тот вендиец. Не зря же именно его слово привело тебя к нам.

Шумри замолчал. Не отрываясь смотрел он на небо, ставшее уже ярко-розовым, на зубцы скал на востоке, чьи профили золотились под лучами встающего солнца… Возможно, он снова слышал свою музыку.

От яркости и сияния небесных красок у Конана устали глаза, и он опустил их. И вовремя! На противоположной гряде скал он заметил что-то шевелящееся, напоминающее медленно и беззвучно катящиеся камни. Но то были не камни, а люди, в кожаных плащах и наплечниках, цепочкой спускающиеся с вершины гребня. Впереди всех мелькала узкая спина собаки, низко пригнувшей голову и распрямившей хвост.

— Клянусь Кромом! Вот и они, наконец! — воскликнул киммериец. — Вот и верные псы Кайсса!..

Шумри не сразу вышел из созерцания и вслушивания. Переход от рассветной музыки к цепочке крадущихся убийц был для него слишком резким.

— Да-да… — пробормотал он. — Да… это они. Теперь я пойду, Конан. Тебе же лучше передвинуться за этот выступ, вот так. Теперь тебя снизу невозможно будет заметить.

Скальные выступы с боков и сверху образовывали что-то вроде ниши или логова. Дно было покрыто охапкой мягкой сухой травы. Видимо, Шумри не раз забирался сюда и проводил время в одиночестве.

— Да, — заметив его взгляд, кивнул немедиец. — Я часто сижу здесь один, иногда провожу целые ночи. Это самое заветное мое место, где я чувствую себя одним целым со всем миром вокруг меня. Одновременно чувствую себя песчинкой и горой, звуком и мелодией сфер, каплей и океаном… Впрочем, сейчас это не важно. Ты отлично выспишься здесь, Конан. Только не вздумай спускаться вниз без меня. Я вернусь, как только все будет спокойно.

— Но я не хочу здесь сидеть, как кролик в норе! — воспротивился киммериец. — Не забывай, что мой меч при мне!

— При тебе один только меч, при них же — десятка два отравленных кинжалов, — возразил Шумри. — Даже если ты убьешь половину, прежде чем погибнешь сам, что это изменит?

— Почему ты думаешь, что кинжалы отравленные?

— Потому что ни мечей, ни луков при них нет. Видимо, чтобы не производить лишнего шума. Они надеются застать тебя врасплох, напасть на спящего. Нет ничего лучше отравленных кинжалов для этой цели. Но ты не беспокоися, я наведу их на ложный след. Озеро под скалой имеет протоку, соединяющую его с рекой. Я скажу, что ты уплыл вниз по течению, взяв нашу лодку.

— И все-таки я не могу, не могу сидеть просто так!.. — Конан скрипнул зубами и ударил кулаком по камню.

— Ты будешь сидеть здесь, — сказал Шумри. — Если не хочешь погубить мою семью.

Киммериец отвернулся и выругался, но беззвучно, одними губами.

— Прости, но я должен спешить. Постарайся заснуть, тогда время пройдет быстрее. Мне хотелось бы спровадить этих ищеек до тех пор, пока Илоис еще не вернулась…

Глава третья

Сон, как всегда бывает на восходе и закате, был спутанным, поверхностным и тревожным. Конан боролся с неведомыми противниками, бесформенными и вязкими, падавшими на него со всех сторон, словно уплотнившиеся до предела сгустки болотного тумана. У них не было голосов и не было лиц, и он задыхался от исходившего от них тухлого запаха… От ударов его меча нападавшие дробились на куски, все более мелкие, но куски эти продолжали двигаться и засыпать его со всех сторон, залепляя глаза и ноздри, теплой слизью стягивая размах рук… Нехватка воздуха становилась все мучительней, струйки пота текли по его лбу и вискам, перемешиваясь с липкой влагой отвратительных, назойливо-неутомимых существ… От вязкой муки удушья Конан проснулся.

Во сне он выкатился из-под защиты каменного навеса, и высокое солнце светило ему прямо в лицо, своими жаркими прикосновениями вызывая, должно быть, мучительные кошмары. Помотав тяжелой головой и разлепив глаза, киммериец приподнялся. В двух шагах от него сидел Шумри. Он казался очень усталым.

— Ты беспокойно спал, — сказал немедиец. — Должно быть, виной тому слишком жаркое солнце. Я не решился разбудить тебя, так как тебе нужно набраться побольше сил перед сегодняшним днем.

— Все… все нормально? — спросил киммериец, морщась от душной головной боли. — Где солдаты?

— Солдаты ушли с острова, — ответил Шумри. — Они облазили его весь, а уезжая, взяли с собой детей.

— Детей?! — не поверил своим ушам Конан. — О, Кром!

Шумри кивнул. Лицо его было спокойным, только осунувшимся и потухшим.

— Их предводитель сказал, что не верит мне. Он тряс перед моим носом королевским приказом о твоем аресте и орал, что поймает тебя во что бы то ни стало. Детей, он сказал, он взял в залог, и отпустит их, как только ты окажешься — с моей помощью — в его руках.

— Проклятый Кайсс! Чтоб ему провалиться заживо в обитель Нергала!

— Они называли его Бавpод. Среди них не было человека по имени Кайсс.

— Значит, этот Бавpод — самый преданный и хитроумный из его псов! Пойдем! — Конан рывком вскочил на ноги и шагнул к краю обрыва.

— Постой! — Шумри удержал его от спуска вниз, — Сейчас нам необязательно лезть по вертикальной скале и брести через озеро. И бежать сломя голову тоже незачем, Бавpод дал мне три дня на раздумья.

Он повел киммерийца обходным путем, не таким крутым и отвесным. Конан рвался вперед, то и дело наступал ему на пятки и подталкивал в спину, так что пару раз они чуть не скатились с осыпи.

Когда показалась хижина, Конан невольно замедлил шаг.

— А… как Илоис? — спросил он. — Она сейчас там?

— Илоис, к счастью, вернулась поздним утром, совсем недавно, — отозвался Шумри. — Роды оказались неожиданно долгими. Благодарение Митре, самое страшное совершилось не на ее глазах.

Не доходя пяти шагов до травяной занавески, заменявшей двери, Конан остановился. Он

не мог заставить себя войти в дом и встретиться с глазами женщины, чьих детей по его вине увели наемные убийцы.

Но Илоис, заслышав их слова, вышла из хижины сама. Она была бледнее, чем обычно, и бессонная ночь наложила синие круги под ее прозрачными, как дымчатый хрусталь, глазами. Приветливо кивнув Конану, она сказала:

— Ну и трудные же оказались роды! Никогда прежде не бывало такого, с тех пор как мы живем здесь. Бедная женщина ужасно кричала и никак не могла разродиться. И я ничем не могла ей помочь. Еще когда плыла в лодке, стало тревожно от нависшей вокруг тишины. Ни детского смеха, ни перебранок соседей… Пока добралась до селения вверх по течению, откуда прилетала птица, тревога совсем обессилила и подавила меня. Ничем не могла помочь этой несчастной! Едва удерживалась, чтобы не кричать вместе с ней, не понимая сама, отчего мне так тяжко.

— Прости меня, Илоис, — выдавил из себя Конан. — И ты прости, Шумри. Я навлек беду на ваш дом, сам того не желая. Но клянусь жизнью своей, она будет недолгой. Совсем скоро вы обнимете ваших детей.

— Зайди в дом, Конан, — предложил Шумри. — Ты, должно быть, голоден.

— Неужели ты можешь говорить сейчас о еде?!

— Говорить о ней, может быть, и не стоит, но неужели ты думаешь, что я отпущу вас отсюда, как следует не накормив?.. — спросила Илоис и решительно потянула его за собой в хижину.

Конан молча повиновался. Когда с внушительной порцией овощей было покончено, он спросил у хозяина дома:

— Ты собираешься идти к Бавроду вместе со мной?

— А как же иначе? — удивился тот.

— Мне кажется, это не совсем разумно.

— Может быть, это вовсе безумно, — отозвался Шумри. — Но это мои дети. К тому же у меня не будет возможности помочь тебе, если я останусь на острове.

— Неужели ты думаешь, что мы останемся здесь и затаимся, как мыши в норе?.. — вступила в разговор Илоис.

Конан бросил на нее короткий взгляд, но ничего не ответил. Он насупился и опустил глаза, принимая решение. Отправиться к наемникам вместе с друзьями имело бы смысл, если б они хоть как-то могли ему помочь! Но шансов на это нет. Ни единого. Напротив, все это может осложнить и без того безнадежную и глухую ситуацию, в которой он увяз, словно чугунное ядро в болоте… У него было достаточно времени изучить хитроумный нрав юного барона Кайсса. Судя по всему, его преданный пес Бавров из той же породы. Увидев его вместе с Шумри, он сразу поймет, что тот помогал ему прятаться. Он может схватить и его, и Илоис как пособников чернокнижника, размахивая указом короля. С этого негодяя станется!.. Шумри необходимо убедить остаться на острове. Но вот как?.. Старый его приятель был скорее покладистым, чем упрямым, но вряд ли он сохранит уступчивость и здравый смысл, когда дело касается ребятишек, находящихся сейчас в лапах дюжины наемников с отравленными лезвиями…

— Ты, кажется, сказал, что Бавров дал три дня на размышления и можно не торопиться?. — спросил он, наконец, прервав затянувшееся молчание,

Шумри кивнул.

— Тогда я хотел бы побыть немного в одиночестве, если ты не возражаешь! Нужно

обмозговать кое-что, а голова моя лучше всего работает, когда я совсем один. Пойду, прогуляюсь немного. Я скоро вернусь, и мы отправимся!

* * *

— Как ты думаешь, что он имел в виду, говоря слово «скоро»? — спросил у жены Шумри, когда прогулка друга стала ему казаться чрезмерно затянувшейся.

— Мне кажется, в данном случае слово «скоро» означало «никогда»… — откликнулась, не глядя на него, Илоис.

Она сжалась на циновке, обхватив руками плечи, так, словно в хижине было очень холодно.

— О, Кром! Я должен был бы сразу догадаться. Этот киммерийский бродяга обвел меня вокруг пальца, словно маленького ребенка…

Им нетрудно было убедиться в правильности своего предположения, стоило лишь добраться до берега. Вместо деревянной лодки, на которой накануне приплыл сюда Конан, на песке был лишь свежий след от ее днища.

Глава четвертая

Бавród, приготовившийся было к долгой и изнурительной охоте на варвара, славящегося своей фантастической силой, сообразительностью и везением, был безмерно удивлен тем, с какой легкостью добыча упала к нему в руки. Конан пришел сам, демонстративно швырнув наемнику под ноги свой меч и потребовав, чтобы тот немедленно отпустил детей.

Кушит, видевший киммерийца впервые, долго с удовольствием рассматривал свою добычу, переводя глаза с желтыми, как старая слоновая кость, белками с могучего торса на перевитую мускулами шею и презрительно усмехающееся лицо со светлыми рубцами шрамов. Затем смачно расхохотался, колыхая жировыми складками на животе.

— Вот порадуется юный барон Кайсс! Этот дергающийся от ненависти юнец предупреждал меня, что справиться с тобой нелегко, что кроме силы буйвола ты используешь еще и приемчики магии!.. Он предупреждал, что я потеряю половину, а то и больше своих ребят, прежде чем мы сумеем скрутить тебя. И что же? Они не получили ни одной царапины, моя славные мальчики, а ты уже мой! Неужели жизни двух крохотных оборвышей так много значат?.. Видимо, сам Нергал надоумил меня прихватить их с собой, за что его ждет хорошая жертва!

— Прекрати трясти своим жиром и кудахтать! — перебил его Конан. — Немедленно отпусти детей и можешь делать со мной все, что хочешь. Все, что сможешь, — прибавил он, чуть усмехнувшись.

Бавród подал еле заметный знак движением правой брови, и четверо его солдат тут же вцепились в плечи варвара. Конан, взревев, взмахнул руками, и все они попадали наземь. Но тут же навалилось еще трое. Мешая друг другу, осыпая его проклятиями и ударами, они все же набросили ему на запястья железную цепь и затянули ее.

— Больше не бить! — приказал Бавród увлекшимся стражникам. — За живого врага Кайсс обещал мне заплатить в два раза больше! Значит, и вам перепадет больше, олухи. Если враг превратится в бесчувственный труп, убитый не твоими руками, исчезнет вся сладость мести, это я по себе знаю!

— Отпусти детей!.. — прохрипел Конан, слизывая кровь с разбитых губ. — Я хочу видеть, как они уйдут на свободу.

— Отпустить детей? Как бы не так! Я продам их на невольничьей ярмарке в Кордаве. За мальчишку, конечно, мне много не дадут, слишком мал и тощ, но зато девчонка должна понравиться перекупщикам из Иранистана. Через каких-нибудь пять лет она уже вполне сможет украсить гарем тамошнего вельможи! Неужели ты, тупой варвар, всерьез надеялся, что я выпущу из своих рук хоть что-нибудь, что может принести мне прибыль?.. Кайсс говорил, что ты хитер и сообразителен, а ты просто дубина! К тому же отец их прятал тебя, укрывал преступника и чернокнижника, которого приказал арестовать сам король. Если ты еще вякнешь по поводу детей, я прикажу продать в рабство и его тоже, и жену его! Ты этого хочешь?..

— Будь ты проклят, выродок! — взревел Конан, напрягая мышцы.

Ярость удесятерила его силы, и, кто знает, возможно, он разнес бы до основания глиняную хижину, где остановился Бавród, вместе со всеми ее обитателями, если б один из солдат, подскочивший сзади, не ударил его изо всех сил по голове дубинкой…

* * *

Голова раскалывалась и горела, словно была опущена в кипяток. Слабое прохладное дуновение касалось кожи на его лбу и слегка усмиряло боль и жар. Но оно было таким маленьким, едва ощутимым… Посильнее бы!

Конан застонал и открыл глаза. В первое мгновение он ничего не увидел — настолько темно было в помещении, вернее, в лачуге, воняющей навозом и гнилой травой, куда он был брошен на жесткий пол. Стягивающий холод в запястьях указывал на цепи. Раскалывающаяся и пылающая голова свидетельствовала, что он еще жив, еще не провалился в царство серых теней, где болеть и раскалываться нечему…

— Он открыл глаза! — прозвенел над ним детский голосок, показавшийся ему знакомым. — Он жив!

Глаза привыкли к темноте, и Конан смог различить склонившееся над ним личико девочки. Рыжие волосы, пахнущие травой, молоком и шерстью, щекотали ему виски и щеки. Серьезно и прилежно выпятив губы, девочка дула ему на лоб.

— Посильнее, — пробормотал Конан. — Дуй изо всех сил… Странно, если этот скот не раскроил мне череп…

— Твой череп цел, — сообщила она. — Но ты так долго не шевелился и не разговаривал. Мы боялись, что ты умер.

— Ну, нет! Не дождутся они, что я подохну так быстро!..

Конан с трудом принял сидячее положение, опершись, затылком и спиной о стену, и огляделся вокруг. По-видимому, его и детей бросили в деревенский сарай, где раньше держали коз, либо хранили сено. Чтобы исключить возможность побега, окна были заколочены толстыми досками. Сквозь щели в них пробивались узкие лезвия света, позволявшие разглядеть стены, пол с двумя жалкими охапками травы и съежившихся детишек. Плечи их казались чрезмерно узкими, а позы неестественными, и Конан не сразу сообразил, что это оттого, что руки их скручены за спиной.

— Проклятие!.. Эти скоты связали вас!

— Я очень покусал их, — объяснил Волчок.

— А я расцарапала! — добавила Рыжик с гордостью. — Нам очень не хотелось залезать в этот темный сарай. Им не так-то легко было справиться с нами!

Зеленые ее глазенки посверкивали с вызовом, взлохмаченные мягкие волосы окружали голову, словно рыжий дым. Многочисленные ссадины и синяки на их лицах говорили, что озверевшие наемники не церемонились.

Конан скрипнул зубами. Проклятие!.. Что там говорила Иглл? Он пожалеет, что отказался от их дара, через три дня?.. Она ошиблась, дочка безвольного книжника и внучка Нергала, но ошиблась только в сроках.

Прошло дважды по три дня, и он готов дать отсечь себе правую руку, лишь бы вернуть, хотя бы ненадолго, снадобье на свои щеки. Уж тогда бы этот красавчик Кайсс поплясал у него на пару со своим кушитским выродком!.. Правда, если б его не намазали этой вонючей дрянью изначально, он и вовсе не оказался бы здесь, связанный и униженный…

— Не скрипи так зубами! — попросила девочка. — Очень страшно…

Но брата ее, похоже, заинтересовали звуки, издаваемые варваром. Он придвинулся к нему, не обращая внимания на гримасу бессильной ярости, исказившую и без того далеко не кроткое лицо.

— Покажи зубы! — строго велел он.

Конан не мог не усмехнуться. Он приподнял, словно оскалившаяся собака, разбитую верхнюю губу. — Доволен?..

— Они крепкие? — деловито осведомился мальчик.

— Попробуй!

Ребенок довернулся спиной и выставил худые руки, безжалостно скрученные веревкой.

— Тогда перегрызи ее!

Несмотря на всю крепость резцов варвара, это оказалось нелегкой задачей. Веревка была жесткой и прочной, словно вязали не шестилетнего ребенка, но матерого преступника. Клочья пеньки забивали рот, и приходилось то и дело отплевываться… Наконец путы лопнули, и Волчок, счастливо рассмеявшись, взмахнул освобожденными руками.

— Тебе пришла в голову неплохая идея, малыш! Теперь давай ты! — кивнул Конан девочке.

Но мальчик решительно помотал головой.

— Нет! Я это сделаю. Мои зубы крепче твоих. Я уже начал, пока тебя не было, но без рук неудобно.

И действительно, с путами на руках сестренки, фыркая и урча от напряжения, он справился намного быстрее. Рыжик зазвенела бубенцовым смехом, взмахнула волосами, и они принялись скакать, кувыркаться и бороться друг с другом, словно вырвавшиеся на волю зверята. Со стен и потолка посыпалась сухая глина.

— А ну, тише! — прикрикнул Конан на ошалевших от свободы, весьма, впрочем, неполной, детей. — Хотите, чтобы охранники за дверью услышали и скрутили вас снова?

Дети с большой неохотой угомонились. Распиравшая их изнутри радостная энергия заставляла вертеть шеями и подскакивать на месте.

— Если б ты еще мог перегрызть мои цепи! — пошутил, вздохнув, варвар.

— Я попробую! — Мальчик метнулся к нему и прихватил зубами одно из железных звеньев.

— Я пошутил, дурачок! Даже тебе это не по зубам! Брось, а то сломаешь свои драгоценные клыки!..

Упрямо помотав головой, мальчик принимался перетирать железо снова и снова, но, в конце концов, отступился, обессилев. Рыжик обняла его за плечи и отвела вглубь хижины, где они принялись оживленно шептаться. До Конана доносились отдельные возгласы. «Нет!.. Не смей!.. Не надо!..» — сердито бубнил Волчок, а сестра втолковывала ему: «По-другому нельзя!.. Придется!»

— Эй! О чем вы там спорите? — окликнул детей киммериец.

Девочка подошла к нему. В лице ее была нерешительность, и зеленые пытливые глаза выдавали душевные колебания.

— Мы знаем, как выбраться отсюда, — сказала она. — Сначала выберемся мы с братом, а потом поможем бежать тебе.

— Что же вы медлите? — спросил Конан, и не думая принимать слова рыжей пигалицы всерьез. — Это же замечательно!

— Да, но… — Девочка замялась. — Для этого нам нужно будет сперва кое-что сделать. С самими собой…

— Не надо! Замолчи! — крикнул мальчик, но сестра лишь махнула в его сторону рукой и продолжала, напряженно вглядываясь в невозмутимое лицо варвара:

— Ты должен обещать нам, что никому-никому не расскажешь о том, что увидел. И еще ты должен обещать, что не испугаешься.

Конан расхохотался. Мысль о тон, что эти крохи всерьез рассчитывают напугать его, искренне его развеселила.

— Не смейся! — строго прикрикнула на него девочка. — Не смей смеяться, но поклянись, что не проболтаешься и не будешь бояться. А если и испугаешься, то не пикнешь.

— Клянусь! — весело воскликнул он, — Клянусь Кромом, Митрой и Нергалом, что не проболтаюсь и не испугаюсь. А если испугаюсь, то не до смерти, и вам не придется возиться с моим холодеющим трупом.

— Ну, смотри! Не говори потом, что тебя не предупреждали. Лучше бы тебе, конечно, зажмуриться, но я знаю, ты все равно будешь подглядывать.

Девочка отошла от него и отвернулась к стене хижины.

— Я первый! — воскликнул Волчок. — Если он и швырнет чем-нибудь, пусть это попадет в меня.

— Он не швырнет, у него скованы руки, — резонно возразила сестра. — Мы сделаем это вместе.

— Ну, тогда плюнет! — не сдавался мальчик.

Легонько шлепнув его по затылку, сестра отвела его голову к стене и подняла руки. То, что произошло следом за этим, показалось Конану ожившим сновидением. Дети приподнялись на цыпочки и потянулись ладонями, так, словно пытались сорвать что-то невидимое высоко над их головами. Их спины прогнулись, подбородки задрались вверх. Судорога затрясла их худенькие тела от основания шеи до колен и обратно. Быстрыми движениями они скинули с себя одежду и снова вытянулись, но не голые тела заблестели в полумраке. Нет, вместо бледной кожи было что-то темное и пушистое. Оба они одновременно упали на четвереньки. Круглые мордашки вытянулись вперед, заострились и покрылись шерстью. Не мальчик и девочка шести-семи лет, но волчонок со вздыбленной на хребте темно-песочной шкурой и ярко-рыжая кошка стояли у стены, переминаясь с лапы на лапу и теребя ткань сброшенных одежонок.

Не взглянув в сторону онемевшего киммерийца ни разу, звери принялись рыть землю в самом дальнем и темном углу хижины. Точнее, рыл волчонок, стремительно и размашисто взмахивая широкими лапами, а кошка лишь помогала ему, отгребая в сторону вывороченные комья земли. Все это происходило в почти полном молчании, прерываемом лишь рабочим поскуливанием и урчанием.

Вскоре серый звереныш уже до половины скрылся в вырытом проходе, а еще через недолгое время из ямы торчал лишь его хвост, прямой и пушистый, подрагивающий от напряжения. Сестра его в кошачьем обличье ухватила хвост двумя лапами и потянула на себя. Волчонок, пятясь задом, вылез обратно и основательно отряхнулся. Песчинки и комья полетели во все стороны, обсыпав киммерийца земляным дождем. Кошка также отряхнулась, но гораздо более грациозно. Мгновение спустя — Конан не успел заметить и осознать, как именно и в какой последовательности это произошло, — перед ним стояла пара голых малышей, торопливо натягивающих на узкие плечи и бедра свою одежонку. Киммериец

откинулся навзничь и присвистнул, не найдя слов.

— Вот видишь, он не плюнул, — наставительно заметила девочка брату. — И не лишился чувств, и не заорал, и даже не особенно побледнел.

— Ты все-таки не подходи к нему близко, — буркнул подозрительный Волчок. — Держись все время возле меня.

— Ерунда! — Девочка подошла к варвару и присела у его ног. — Не будь таким трусливым! Разве ты не видишь; он ничего нам не сделает. Он даже улыбается.

— Я улыбаюсь, — подтвердил Конан. — Я даже могу рассмеяться: ха-ха-ха…

Интонация варвара не понравилась ей.

— Ты же обещал, что не испугаешься! — укорила она его. — И уж тем более не разозлишься. Если б мы знали другой выход отсюда, разве бы мы стали делать это при тебе? Ты думаешь, нам очень хотелось раскрывать, что мы из рода хэйкку?..

— Кто-кто? — переспросил киммериец,

— Ну, хэйкку! Разве ты никогда о таких не слышал?

— Никогда.

— Ну, тогда я расскажу тебе! — Девочка оживилась и придвинулась ближе. — Время еще есть. Когда зайдет солнце, мы выползем отсюда и незаметно проберемся к реке. Но потом мы вернемся и придумаем что-нибудь, чтобы ты мог уйти тоже. Пока солнце не село, я расскажу тебе…

Она взмахнула ладошками, но тут же заметила, что они выпачканы землей. Высунув язык, она стала было вылизывать руку, но, скосив глаза на Конана, оставила это занятие и в некотором замешательстве вытерла ладони об одежду.

— Слушай же! — В ее зеленых глазах замерцали таинственные огоньки, похожие на точки свечей в глубине темной комнаты. — Это ничего, что ты не знаешь о хэйкку. Я и сама о них долго не знала, пока одна добрая женщина не рассказала мне… Мои родители были простыми людьми, они пасли коз и охотились, они ничего не понимали в этом и ничего не могли мне рассказать… Я родилась далеко отсюда, где-то там. — Девочка неопределенно махнула рукой. — Не знаю, как называется это место, но там было гораздо холоднее, чем здесь. Лето было короткое, а зимой наметало много-много снега… Я не знала сперва, что я хэйкку… Однажды — я была тогда совсем маленькой и не умела ходить, и все время качалась в маленькой лодочке, привешенной к потолку, — я заглянула вниз и увидела, как на полу подо мной играют котята. Наша толстая серая кошка недавно родила их, пять или шесть штук… Они так весело гонялись друг за другом, кувыркались, толкались, кусались и царапались — понарошку, что мне захотелось поиграть с ними тоже. Я вывалилась из своей лодочки на пол, и они приняли меня в игру. Они резвились со мной так, словно я была их сестричка. Уже позже я узнала, что хэйкку обладают даром превращаться в зверя, но только в одного, если этого захотят… Но тогда я даже не заметила, что стала какой-то другой, я только очень обрадовалась, что котята не прогнали меня, а приняли в свою игру. О, мы так весело играли!.. А потом в комнату вошла женщина, родившая и кормившая меня, и закричала. Она увидела, что мягкая лодочка пуста. От ее крика я вся сжалась и тут же мне стало холодно, неуютно и больно. Я лежала на полу и снова была маленькой девочкой, человеком. Женщина подбежала ко мне, схватила и стала укачивать, прижимая к груди… Отчего-то я поняла тогда, хоть и была совсем маленькой, что играть с котятами мне нужно втайне, когда меня никто не сможет увидеть. И с тех пор я делала это только ночью, когда мои родители крепко спали и не могли видеть моих превращений. Котята, к счастью,

отсыпались днем и ночью носились по полу. У меня стало две мамы теперь — женщина и серая кошка. Кошка была добрее, она никогда не кричала на меня, не шлепала, но только, если сердилась, тихонько кусала за ухо…

— Хороша же была мать, которая не ведала, что творит ее дитя по ночам, — заметил Конан. — Неужели она ни о чем не догадывалась?

— Кроме меня у нее были еще дети, — объяснила девочка. — Трое или четверо. Она не могла уследить за всеми. И потом, я вела себя очень осторожно, становилась кошкой лишь по ночам, не шумела и не мяукала… Потом котята подросли и куда-то подевались, и я загрустила. Но ненадолго. Вскоре у кошки появились новые. Потом еще и еще… И мне почти всегда было с кем играть. Но однажды наступили голодные времена… Лето выдалось сухое, и ничего не выросло, почти все козы и куры умерли, и зимой стало нечего есть. В нашей деревне все голодали, особенно дети. Ели кору деревьев, грызли кожаные ремни… Мне было легче всех. Ведь по ночам я тайком убегала из дому и… — девочка замялась, — …и добывала себе еду на окраине селения или в лесу. Не могу сказать, что это было приятно, но другого выхода не было. Я поэтому совсем не голодала, но мне не хотелось, чтобы от голода умерли мои родители и братья с сестрами. И я стала приносить им еду тоже. Приносила птиц и оставляла на крыльце. Мать находила их по утрам, морщилась, но все равно брала, ощипывала и варила на всех суп. Все было бы хорошо, но она проболталась об этом соседям. А те, наверное, позавидовали и сказали, что она знается со всякой нечистью, которая приносит ей из леса мертвых птиц. Об этом заговорила вся деревня… Мать перестала брать птиц с крыльца, но тогда их стали брать мои маленькие братья и сестры. Они ели их сырыми, ведь они всегда были голодны. Тогда мать с отцом решили выследить, кто подбрасывает им птиц, потому что не могли больше терпеть пересуды соседей. Да и боялись они, наверное, тоже. Ведь нечисть ничего не дает человеку даром. Может прийти однажды и потребовать страшной жертвы…

Однажды ночью они не легли спать, а затаились у окна. И увидели меня с птицей в зубах, когда я возвращалась из леса. Я не заподозрила ничего плохого. Я ничего не заметила и хотела, как всегда, положить еду на крыльцо, но мой отец выскочил из дверей и схватил меня. Я чуть не умерла от страха!.. Он был такой сильный, из рук его невозможно было вырваться. От страха я стала человеком. Когда моя мать увидела это, она закричала и закрыла лицо руками. Она упала на крыльцо и кричала… Отец сжал меня двумя руками и чуть не задушил. Руки его были ледяными и жесткими, как железо на морозе… В последний миг он ослабил свои руки и закричал, чтобы я убиралась из дому подальше, если хочу остаться живой…

Девочка помолчала и перевела дыхание. По телу ее прошла короткая волна дрожи. Видимо, воспоминания были очень ярки и осязаемы.

— Это было так страшно! И так горько, — вздохнув, пожаловалась она. — Ведь я не сделала никому ничего плохого. Я хотела только, чтобы они не умерли с голоду… Я снова встала на четыре лапы и побежала. Отец кричал, чтобы я убиралась из деревни тоже и никогда-никогда, даже случайно, не попадалась ему на глаза. А моя мать закрывала лицо руками, словно я была такой страшной, что она не могла на меня смотреть…

— Зато он в тебя не выстрелил! — подал голос Волчок.

— Да, — согласилась девочка. — И даже не ударил… Но я не знала, куда мне идти. Я бродила от одной деревни к другой, но всюду люди уже знали мою тайну. Знали, что я не такая, как все. Они гнали меня, швыряли палками и называли оборотнем и лесной

нечистью… Наконец, одна старая женщина взяла меня к себе. Она была некрасивая и плохо одевалась и почти не ела. И жила совсем одна. Но она была добрая. И она знала много таких вещей, которых другие не знали. Она сказала мне, что никакой я не оборотень, а хэйкку, и это видно с первого взгляда, особенно в темноте. Оборотни не такие. Одни из них губят людей и пьют их кровь, или разрывают на куски тело. Другим тело ни к чему, они пожирают души, и это намного страшнее. Оборотни рождаются от женщин, которые веселились со злыми демонами. Также оборотнем можно стать по своему желанию — если заняться черной магией… А хэйкку — это совсем другое. Они не имеют никакого отношения к демонам или магии. Их называют еще — племя Зеленого Луча.

— Зеленый Луч?.. — переспросил киммериец. — Что-то я никогда о таком не слышал.

— Я тоже не слышала, пока эта добрая женщина не рассказала мне. Хэйкку рождаются у простых женщин, но обязательно на закате, в тот момент, когда солнце посылает на землю свой самый последний луч. И луч этот не простой, а ярко-зеленый. Так бывает очень редко, поэтому хэйкку нечасто можно встретить на земле, и люди путают их с оборотнями. Хэйкку умеют превращаться в зверя, который понравился им самым первым. А, кроме того, они понимают голоса всех зверей, птиц, рыб и деревьев. Они могут жить с людьми, могут жить в чаще леса, на вершине горы, в пещере, на краю болота. Когда хэйкку случайно встречают друг друга, они узнают своего с первого взгляда и очень радуются… Иногда собирается даже целая группа хэйкку, и тогда они уходят от всех. Забираются в самые глухие места и строят там свою деревню. Если человек случайно забредает в это селение, он ни о чем не догадывается и думает, что это самая обычная деревня. Но если ему понравится там и он будет просить остаться с ними — хэйкку ни за что не оставят его…

Но большинству из них не так везет, и всю жизнь они должны жить с людьми, среди которых появились на свет. И всю жизнь должны скрывать свою тайну. Если люди узнают, кто они на самом деле, они прогоняют их от себя и могут даже убить… Она еще много чего рассказала мне, эта женщина. И не только про хэйкку. Она была очень старой и почти не могла ходить. Я тоже приносила ей еду. Мы не голодали, но стали замерзать. Зима выдалась очень суровая. Обычно ей приносили дрова соседи за то, что она лечила их травами и заговорами, но теперь никто не приходил к ней, потому что в доме у нее, как все говорили, жил оборотень… Мы замерзали, и я поняла, что должна уйти, уйти от нее тоже. Она горевала и плакала, прощаясь со мной, и велела идти далеко, туда, где никто обо мне не слышал. Она велела никогда не показывать людям, которых я встречу, что я хэйкку, а не простой человек. Я так и делала…

Я очень долго шла по лесу, пока не встретила людей, низеньких, диких, с перьями в волосах. Я стала жить с ними, но никогда больше не превращалась в кошку, чтобы они не прогнали меня… А скоро меня взяли мама Илоис и папа Шумри, и я пошла с ними. И они тоже не догадываются, кто я на самом деле…

— Неужели? — недоверчиво хмыкнул Конан. — Вот тут-то ты ошибаешься. Не могут они этого не знать. Иначе они не назвали бы вас Рыжей Шерсткой и Волчьим Клыком.

— Нет-нет! — горячо запротестовала девочка. — Они ничего не знают. Они назвали нас потому, что мы были очень дикими, когда с ними встретились. Особенно Волчок. Он кусался и клацал зубами, и чесал себя ногой за ухом, как это делают собаки и волки, потому что жил какое-то время с волками. Но пусть он сам расскажет. Расскажи же свою историю! — кивнула она брату.

— А что рассказывать? — буркнул мальчик, намного менее словоохотливый, чем его

сестренка. — Я увидел в окно волков и тоже стал волком.

— Эх ты! Даже рассказать толком не умеешь! — укорила его девочка, — Давай я за тебя расскажу… Однажды — он был тогда совсем маленьким — Волчок проснулся ночью и посмотрел в окно. Их дом стоял на самом краю села, дальше были только поле и лес… Он родился не там, где я, в какой-то другой стране. Там гораздо теплее, но не так жарко, как здесь. Зимой там тоже был снег… В тот раз как раз была зима. Светила луна, очень ярко, и было светло, почти как бывает светло ранним утром. Он проснулся от странных звуков, тоскливых и прекрасных. И выглянул в окно. Он увидел на снегу несколько больших зверей. Их пушистые шкуры блестели в свете луны. Они задирали вверх морды и выли. Прекраснее их он ничего раньше не видел…

Они так понравились ему, что он захотел быть рядом и выбежал из дома. Он позабыл даже одеться, но отчего-то ему совсем не было холодно. Отчего-то он бежал к ним не на двух ногах, а на четырех, и под лапами весело скрипел снег. Взрослые волки не удивились ему, но и не обрадовались, а маленькие стали с ним играть. Они гонялись друг за другом, проваливаясь в пушистый снег, и старались ухватить за хвост… Потом скрипнула дверь дома, и на пороге показался его отец. В руках он держал лук и несколько стрел. Волки тотчас убежали в лес, не дожидаясь, пока он натянет тетиву. Волчок рванулся было бежать вместе с ними, но передумал и остановился. У него не было братьев и сестер. Он знал, что мать его будет плакать, когда не найдет утром его в кроватке. Пока он раздумывал, отец выстрелил, и стрела впилась ему куда-то в бок. Он закричал от боли и стал человеком. Сразу же стало очень холодно. Он лежал на снегу и плакал, и из раны текла кровь…

Отец его бежал к нему. Теперь в руках у него был топор. Лицо у него было такое… такое, что он вскочил и бросился наутек, хотя рана очень болела. Он снова был на четырех лапах, и бежал очень быстро, и отец не сумел его догнать… Кое-как, из последних сил он отыскал волков. Одна из волчиц вытащила зубами обломок стрелы и долго зализывала рану горячим и шершавым языком. Язык ее прогонял боль, и рана зажила очень быстро… Он прожил с волками всю зиму, а когда наступила весна, вдруг почувствовал, что ему надо немедленно убегать от них, потому что он вот-вот станет человеком. Он ничего не мог с этим поделать. Старая женщина говорила мне, что хэйкку не могут долго жить в облике зверя и среди зверей, потому что все-таки они люди… Он убежал из стаи и стал человеком, и долго бродил один в лесу. Долго-долго. Пока не встретил Илоис, Шумри и меня, когда мы плыли на лодке по Боссонским Топям…

За рассказом девочки время пролетело незаметно. Лезвия света, пробивавшиеся сквозь щели в досках, потускнели, стало почти совсем темно. Конан заметил, что раскосые глаза девочки светятся. Зеленоватое, таинственное свечение, напоминавшее лунное… Казалось, две маленькие луны поселились на детском лице и зажили своей загадочной жизнью. Он перевел взгляд на ее брата. Глаза мальчика также светились, но не бледно-зеленым, а желтовато-оранжевым. Ему показалось даже, что пахнет едким и терпким запахом затаившихся хищников.

— Ну, вот что, детишки, — решительно сказал киммериец, прерывая рассказ девочки, а заодно заглушая в себе неприятные ассоциации, — пришла вам пора уходить отсюда. Я думаю, Илоис и Шумри основательно вас заждались. Вы сумеете перебраться через реку?

— Конечно, — кивнула девочка. — Мы переплывем ее в два счета. Но ты не думай, киммериец, мы еще вернемся. Мы не оставим тут тебя одного!

— И не пытайтесь даже! — прикрикнул на них Конан. — Я засыплю вашу нору, чтобы у

вас не было хода назад. Хватит с меня и того, что родители ваши, должно быть, поседели за то время, что вы сидите здесь. Представляю, как они переживают, как проклинают меня!..

— За тебя они тоже переживают, — робко пискнула девочка. — И если узнают, что мы бросили тебя тут одного…

— Замолчи! — рявкнул варвар. — Прекратите спорить со мной и болтать. Побыстрее обрастайте шерстью, отращивайте ваши когти и зубы и уносите лапы отсюда!..

Притихнув, дети отошли к своей норе. На этот раз превращение совершалось почти в полной темноте, и Конан ничего не увидел. Он слышал только шорохи, сопенье, слабое поскуливание… и наконец, легкий шелест убегающих за стеной четырех пар мягких лапок…

С трудом поднявшись на ноги, так как тяжелая цепь очень сковывала движения, киммериец тщательно засыпал и затоптал нору, как и обещал это детям. Затем он сгреб в одну кучу солому на полу и устроился на ней со всеми возможными в его положении удобствами.

За то время, что они просидели в убогой глиняной темнице, никто не зашел к ним ни разу: ни с кружкой воды, ни с куском хлеба. Вряд ли Бавród поставил себе целью заморить узников голодом. Скорее всего, он просто забыл об этом, от души веселясь сейчас в компании своих убийц, празднуя привалившую к нему удачу в лице добровольно сдавшегося варвара-чернокнижника. Ни ему, ни его солдатам не пришло на ум, что они оставили маленьких детей крепко и безжалостно связанными.

Ах, скоты!.. Как хорошо, что дети ускользнули от их грязных лап… Удачный побег детей снял с души киммерийца огромную тяжесть. Груз страшной вины перед Илоис и Шумри больше не давил на него, и Конан заснул, успев только мельком подумать, что на редкость славных детишек послали боги немедийскому бродяге и верной его подруге. Их полузвериная натура и превращения показались ему отталкивающими и пугающими лишь в самый первый момент. Замечательные ребята, смышленые и отважные… Несмотря на голодные спазмы в животе, ноющие от железа запястья и глухую безысходность впереди, сон его был спокойным и крепким.

* * *

Вынырнул он из теплого и мягкого забытья с большой неохотой. Какое-то время Конану пришлось вспоминать, где он находится и что произошло с ним за последние сутки.

Детский голосок, прошелестевший в темноте, вернул его к реальности.

— Проснись, киммериец! — звала его рыжая девочка. — Проснись, а то мы можем не успеть освободить тебя!..

Протерев глаза, Конан с трудом различил во тьме щуплые фигурки детей, присевших у его ног. Впрочем, горящие их глаза различались вполне отчетливо.

— Клянусь Кроном! Какой демон заставил вас вернуться назад?! Разве я не зарыл вашу нору?.. — взревел он, раздражаясь, что из-за глупости этих пигалиц тяжесть ответственности за их жизни снова наваливается на него.

— Ты зарыл! — подтвердила девочка. — Но мы снова разрыли. Это было нетрудно, земля была мягкая… Но смотри же скорей, что мы принесли! Это мы стащили потихоньку в

сарае у местного кузнеца.

Конан не увидел, но на ощупь догадался, что холодная железка, которую протягивал ему мальчик, есть не что иное как тонкая пилка, которой можно перепилить железо.

— Что-то вы все-таки соображаете! — похвалил он их. — Давайте ее сюда, а сами — бегом к папе и маме, на остров.

— Мы подождем, — сказала девочка. — Надо сперва посмотреть, как у тебя это получится.

Конан изогнул кисть правой руки, чтобы дотянуться лезвием до железа, но у него ничего не вышло. Как он ни напрягал мускулы запястий, обдирая их о цепь, но скован он был так туго, что не мог даже развернуть пилку, а не то что работать ею…

— Проклятие! Эти псы Кайсса знают свое дело…

— Вот видишь! — воскликнула девочка — Тебе никак! Нужно нам это сделать.

Она взяла лезвие из его пальцев и принялась перепиливать одно из звеньев, забавно сморщив нос и высунув кончик языка от усердия. Конан с горечью усмехнулся, глядя на титанические усилия этой крохи справиться с железом и высвободить его руки.

— Брось! — сказал он. — Эта работа не по тебе, малышка.

— Нет-нет! — Она энергично затрясла головой. — Как только я устану, Волчок сменит меня!..

От напряжения глаза ее разгорелись еще ярче. Зеленоватый отсвет падал на то, на что она обращала их, и позволял рассмотреть это довольно явственно. Было видно перепиливаемое звено, бледные пальчики, вцепившиеся в железо, покрасневшее запястье варвара.

Устала она, надо сказать, довольно быстро. Брат, взявший из ее рук лезвие, пилил более уверенно, нахмурившись и сузив глаза. Желтоватый пучок света, всходивший из них, был тоньше, но ярче. Сопение и пыхтение, издаваемые мальчиком, показывали, что и для него эта работа трудна.

— Вы хоть предупредили родителей? — спросил Конан.

— Конечно! — откликнулась девочка. — Мы сразу же поплыли на наш остров. В избушке горел свет, Илоис и Шумри не спали, и мы не решились туда войти. Мы боялись, что тогда они не отпустят нас больше и мы не сумеем вернуться сюда, к тебе. Но мы написали им, чтобы они не волновались!

— Вы умеете писать? — удивился киммериец.

— Буквами — не умеем. Мы выложили палочками и камушками на траве перед домом рисунки. Они все поймут, когда рассветет и они выйдут за дверь. Мы нарисовали, что мы уже на свободе, а ты еще нет, и мы пытаемся помочь тебе.

Мальчик сопел все громче, крупные капли пота стекали с его лба и скул, и он смахивал их своим дыханием.

— Ну-ка, хватит! Отдышись маленько! — Конан убрал от него скованные руки и попытался в отблесках волчьих глаз рассмотреть, насколько удачны усилия детей.

К несчастью, железные звенья оказались очень крепки и были пропилены не более чем на пятую часть своей толщины.

— Это бесполезно! — вздохнул киммериец. — Бегите домой!

Но девочка упрямо помотала рыжей головенкой и взяла из трясущихся от усталости пальцев брата пилку.

— Еще полночи впереди! — успокаивающе произнесла она. — Мы успеем.

Конан подумал было, не лучше ли вместо того, чтобы пилить, велеть этим зверенышам вырыть нору побольше, в которую он смог бы протиснуться и уйти даже со скованными руками. Но тут же он отбросил эту идею. Учитывая ширину его плеч, нора должна быть такой большой, что бедные дети надорвутся, выцарапывая ее в земле лапами.

Он смирился с их упорными усилиями, пыхтением и сопением и только, для пущей безопасности, переменил место. Теперь он сидел, спиной опираясь на дверь, чтобы стражники, вздумай они явиться сюда ночью или перед рассветом, потратили время, сдвигая его тяжелое тело с дороги, и дети успели бы совершить свое превращение и ускользнуть.

Когда пилила девочка, воцарялось молчание, нарушаемое лишь вздохами от усталости и напряжения. Когда же Волчок сменял ее, словоохотливая сестренка принималась болтать. Речь ее напоминала птичье пение, негромкое и неназойливое, и киммериец проваливался в дремотное забытье, изредка выплывая из него и ловя обрывки детского рассказа:

— …очень старались. Сложнее всего было по вечерам и ночью, потому что глаза у нас в темноте не такие, как у всех. Когда я жила с племенем диких людей с перьями в волосах, они быстро заметили это и испугались. Они долго спорили между собой, ругались и даже дрались. Одни предлагали меня убить на всякий случай, другие настаивали, что я им пригожусь, когда подрасту и меня можно будет брать на ночную охоту. Они устроили мне проверку огнем, чтобы выяснить, кто я на самом деле. Они раскалили большой костер, а когда все дрова прогорели и остались одни угли, они велели мне…

— …и она сказала еще так: ни те, ни другие не будут считать вас до конца своими. Для вас же своими будут все — и люди, и звери, и рыбы, и коряги, и мхи… Волчок жил с волками, и он рассказывал мне, что только молодые волки и волчата, да еще одна волчица принимали его за своего, дружили и играли с ним. А взрослые волки сторонились, будто чуяли что-то чужое. Нет, они не обижали его, но и не подпускали к себе близко. И глухо ворчали, если он случайно задевал их, пробегая мимо… Такой вот их удел, наш удел — хэйкку. Если б разыскать в глуши деревню, где живет племя Зеленого Луча! Но как их найдешь?..

— …у травы есть мириад запахов, и у речной воды тьма запахов, и у сырой, только что разрытой земли, и у голых камней, на которых растут одни лишь лишайники…

— …какая бы она ни была, даже самая ядовитая, всегда можно отыскать траву, которая прогонит яд этой змеи обратно, или камушек, от которого яд затвердеет и не смешается с кровью…

* * *

От резкого толчка в спину Конан очнулся и мгновенно сообразил, что люди Баврода пытаются открыть дверь. Судя по тому, что стали вполне различимы стены, потолок и лица усталых детишек, уже светало.

— А ну, быстро уносите ноги! — громким шепотом прикрикнул он на детей.

Те послушно скользнули в угол и через несколько мгновений, торопливо, но без суеты и нервозности исчезли. Залаяла где-то собака, за ней вторая, третья… По траектории лая можно было судить, в какую сторону бегут дети, вернее, стремительные зверята…

Разозленные сопротивлением двери стражники застучали в нее ногами с такой силой, что выбили пару досок. Конан напряг запястья и попытался разорвать цепь. Но усилия его были тщетны, железо не поддавалось. Несмотря на все ночные старания детей, толстое звено было пропилено меньше чем наполовину.

Удары сапог уже не в дверь, а по его спине, заставили киммерийца сдвинуться в сторону. Двое ругающихся солдат ввалились в хижину, и каждый, со своей стороны, отвесил ему еще несколько пинков.

— А ну, подымайся! Хватит дрыхнуть!.. — заорали они. Спустя мгновение их раздражение переросло в ярость. — Эй, ты! А где двое щенков, которые валялись тут с вечера?.. Отвечай, киммерийское отродье!!!

Конан взглянул в их сторону, стараясь запомнить лица, чтобы, когда придет час праведной мести, начать именно с них. Он не произнес ни звука, но изрыгающие проклятия солдаты больше тронуть его не решились. Они лишь орали, ударяя кулаками о стены, дрожавшие под их ударами:

— Где же они, чтоб им попасть в зубы Нергала!.. Куда они могли подеваться?! Или этот северный буйвол сожрал их вместе с косточками?!..

Глава пятая

Хотя Бавродa и раздосадовало исчезновение детей (главным образом, своей полной непостижимостью: хотя солдаты и обнаружили подкоп, но пролезть в него было бы не под силу и самому худому ребенку), но заниматься выколачиванием признаний из Конана он не стал. Во-первых, у него был достаточно наметанный глаз, чтобы понять, что этим он ничего не добьется. Во-вторых, он благоразумно рассудил, что самым мудрым с его стороны будет как можно скорее вручить долгожданную добычу Кайссу. Возможно, юному барону захочется дополнительно отблагодарить его: за скорость исполнения приказа и за прекрасную сохранность плененного врага.

Конечно, стоило бы отправиться в обратный путь еще вчера днем, когда пленный варвар добровольно отдался ему в руки, но тогда на радостях Бавродом слишком много отхлебнул из пузатой бутыли, выставленной на стол испуганным хозяином хижины, где он остановился. В таком состоянии влезать на коня было затруднительно, и наемник перенес возвращение в Кордаву на раннее утро завтрашнего дня. Конечно, жалко лишаться прибыли, которую могли бы принести ему дети, вернее, рыжая девчонка, но, в конце концов, награда за поимку чернокнижника-киммерийца будет намного больше!..

* * *

Конану ослабили цепи на руках, но не слишком. Так, чтобы он смог поесть, не прибегая к чужой помощи. Бавродприказал накормить его до отвала, учитывая предстоявшую дорогу. Решено было не сажать пленника на коня во избежание возможных неприятных неожиданностей, но вести под плотным конным конвоем. Это требовало большего времени на обратный путь, но зато было несравненно надежнее.

По левую и по правую сторону киммерийца, сзади и спереди от него ехали вооруженные мечами и луками солдаты в кожаных доспехах. Хотя заслон был прочным, но на повороте дороги у последней глиняной хижины на окраине села он смог заметить две знакомые фигуры, затененные листвой дерева, под которым они стояли. Женщина в светлом платье, застыв, провожала его глазами. Мужчина, одной рукой приобняв ее за плечи, другой умудрился помахать Конану, но так незаметно, что ни стражники, ни Бавродне обратили на это внимания. Поля соломенной шляпы прикрывали половину его лица, но Конану показалось, что круглый глаз подмигнул ему ободряюще…

Видение было коротким, и вскоре родные фигуры вместе с деревом и последней хижиной исчезли за поворотом. Конан опустил голову и уперся взглядом в ступни собственных ног, выбивающих пыль из утоптанной глины. Монотонное движение отупляло, прогоняло прочь все мысли и ощущения…

Внезапно что-то цветное, рыжее мелькнуло в левом углу его поля зрения. Подняв голову, киммериец увидел кошку, бегущую по кромке леса, слева от него. Копыта лошадей и ноги стражников то в дело заслоняли ее. Рыжая шерсть казалась пляшущим среди деревьев

огоньком разгорающегося пожара. Быстро перебирая лапами, вытянув, словно копье на весу, пушистый хвост, кошка бежала, не отставая, и мордочка ее была задрана и повернута в направлении киммерийца. Ему почудилась озорная искра в зеленых глазах…

* * *

Еще до того как Конан был отконвоирован в Кордаву, Кайсс узнал о том, что злейший враг его повержен и пойман. Верный пес Бавpод позаботился об этом, выслав впереди себя гонца на самом быстроногом скакуне. Ликованию юного барона не было предела. Первым делом он добился аудиенции у короля Фердруго и попытался убедить его отдать опасного пленника в его распоряжение. Он мотивировал это тем, что его отцу, почтенному Ричендо, который пребывает вот уже вторую луну недвижен и безмолвен по вине киммерийского чернокнижника, будет крайне полезно воочию увидеть казнь своего врага. Врачи утверждают, что сильная радость способна творить чудеса. Очень возможно, что зрелище справедливого наказания злодея принесет отцу долгожданное исцеление.

Но Фердруго уперся. Такой опасный преступник должен быть судим по всей строгости закона, наставительно заявил он. Он должен быть казнен публично, при большом стечении народа, чтобы впредь никому не повадно было заниматься черной магией и сживать со света благородных подданных короля. К тому же по пути в замок Ричендо преступник сможет сбежать. Темницы же короля — самые надежные во всей Зингаре… Он очень сочувствует почтенному барону, но разве нельзя привезти его в Кордаву, в карете или на носилках, чтобы он мог исцелиться зрелищем казнимого врага?..

Самое большее, что разрешил король Кайссу, — навестить в темнице преступника, схваченного благодаря усилиям его людей. Также они сошлись во мнении, что казнь чернокнижника должна быть очень суровой, однако спешить с исполнением приговора не следует. Чем больше времени проведет преступник в темнице королевской тюрьмы, тем большее число раз пропустит он в своем воображении предстоящий ему ужасный конец, тем более ослаблен окажется его дух, тем большей тоской и страхом пропитается его душа. И это будет для преступника не меньшим наказанием, чем телесные муки.

* * *

Королевская темница в Кордаве славилась тем, что убежать из-за ее толстых и высоких стен было практически невозможно. За всю ее многовековую историю случилось только два побега, и оба раза не обошлось без вмешательства потусторонних сил. Все камеры в ней вместо четвертой стены имели решетку, что делало их похожими на клетки для диких зверей. Узники все время находились на виду у охранников, что исключало для них всякую возможность совершать какие-либо приготовления к побегу.

В случае с киммерийцем были приняты дополнительные меры предосторожности.

Охранники у его клетки сменялись восемь раз в сутки. Во избежание подкупа со стороны узника или его друзей им было объявлено, что в случае побега преступника всех, кто охранял его в тот момент, ждет немедленная смертная казнь. Сам начальник тюрьмы периодически совершал проверки, дабы убедиться, что опасный чернокнижник охраняется по всем правилам. Проверки эти он обычно устраивал за полночь, крадучись по темным коридорам, как вор в ночи, и плохо пришлось бы тому из охранников, кто вздумал бы в это время дремать на своем посту…

Когда Кайсс увидел, наконец, своего врага, увидел его в сыром и душном подземелье, за прочной решеткой, прикованного цепью к стене, заросшего, грязного, с воспалившимися от железа руками… он испытал прилив ни с чем не сравнимого счастья.

Он вцепился в решетки, едва не прогнув их, и раскатисто захохотал. Восторг переполнял его, не давая связно говорить. Самые грязные ругательства, какие только знал, он перемежал отрывистыми восхвалениями богам, с чьей помощью свершилось долгожданное правосудие. Когда он стал приплясывать, грохоча высокими каблуками по каменным плитам пола, хлопать в ладоши и изо всех сил трясти решетку, молодой охранник, сидевший на низкой лавочке лицом к узнику, всерьез испугался за сохранность рассудка одетого с иголочки, кружевного и бархатного аристократа.

Конана в первый момент удивило и позабавило такое бурное проявление чувств, такая безудержная, детская радость при виде поверженного врага, но вскоре вопли, хлопки и крики наскучили ему, и он отвернулся к стене, поудобнее вытянувшись на охапке подгнившей соломы, заменявшей ему постель.

Когда охранник совсем уже было решил звать на помощь кого-нибудь из товарищей, буйство молодого барона, достигнув своей высшей точки, пошло на спад. Успокоившись и отдышавшись, Кайсс потребовал от солдата открыть клетку и пустить его вовнутрь.

Для полного насыщения своей мести он должен был приблизиться к своему врагу, заглянуть в его зрачки, расширившиеся от страха, плюнуть ему в лицо, оставить на щеке долгий след от своей пятерни, унизить пинком… Но охранник воспротивился и отказался открывать клетку без ведома начальника тюрьмы. Кайсс не поленился сходить за начальником. Тот долго не мог взять в толк, для чего высокородный барон хочет войти в грязную и вонючую клетку, к смертельно опасному злодею, ведь все, что он хочет сказать ему, он может сказать, находясь за решеткой…

Но Кайсс так настаивал, так горячился, так упорно вкладывал ему в потную ладонь золотые монеты, что тот сдался и разрешил отпереть камеру. Начальник тюрьмы предупредил только, что барон не должен ни убивать пленника, ни избивать его до бесчувствия. В противном случае его, начальника, постигнет суровая кара: ведь преступник к моменту своей казни должен быть живым, а также — хорошо понимать, что с ним делают, дабы до конца вкусить наказание. Нетерпеливо поклявшись не причинять узнику тяжелых увечий, юный барон вошел в клетку.

Он рванулся было в угол, где спокойно лежал киммериец, но отчего-то ноги его словно вросли в плиты пола, не в силах сделать разделявшие их два шага. Конан всего только повернул подбородок в его сторону и молча усмехнулся, но этого было достаточно, чтобы бурно кипящая кровь разом застыла в жилах Кайсса.

— Ну, подойди же, — насмешливо произнес киммериец. — Отчего ты застыл как вкопанный? Ты пришел, чтобы обнять своего старого друга?..

Его интонации были совсем те же, что и в замке Ричендо, когда своей спокойной

язвительностью он довел барона до апоплексического удара, а сына его превратил в трясущегося от бессильной ненависти истерика. Правда, теперь его щеки не покрывала пепельным оттенком колдовская мазь. Теперь это был не свободный, могучий и веселящийся богатырь, но исхудалый и изможденный узник с голодным блеском в глазах, заросший черной щетиной до неузнаваемости. И все-таки то ли память о пережитом страхе, ожившая при звуках голоса со знакомой уничижительной интонацией, то ли новая волна страха, которую вызывал киммериец, даже поверженный, даже прикованный цепями к стене, — не позволили юному барону приблизиться к врагу и вволю отвести душу.

Пробормотав несколько проклятий, Кайсс стремительно выскочил из клетки, крупными шагами промерил все коридоры и закоулки тюрьмы и вылетел, с великим облегчением, за ее ворота. Ликование его значительно поумерилось. Юный барон чувствовал себя так, словно ему только что влепили полновесную пощечину.

* * *

Конана разбудил странный звук: монотонный, тихий, чуть обволакивающий, раздававшийся прямо возле его уха. Проснувшись, в первый момент он решил было, что звук этот ему приснился. Но нет, наяву он стал еще отчетливей…

Теперь к нему присоединилось еще мягкое прикосновение, словно кто-то настойчиво водил пуховкой по его щеке. Кошка! О, Кром… Мурлыкающая и ласкающаяся кошка разбудила его, словно то была не тюрьма, а спальня нежной зингарской барышни.

— Пошла прочь… — пробормотал киммериец. — Брысь!.. Не мешай спать!

Но кошка не уходила и не отставала. Она упорно продолжала тереться об его скулу и мурлыкать. Ее настойчивость заставила его полностью освободиться из тенет сна. Протянув руку, Конан осторожно дотронулся до кошачьей головы и обнаружил, что она держит в зубах что-то напоминающее крохотный свиток пергамента.

— О, Кром!.. Это ты, Рыжик? — прошептал киммериец. Кошка замурлыкала громче. Конан развернул свиток и попытался разобрать написанное или нарисованное на нем, но была ночь, и слабого отблеска факелов, проникающего в его клетку из тюремного коридора, было недостаточно.

— Слишком темно, — прошептал он. — Я рассмотрю это утром. Спасибо тебе, Рыжик. — Он погладил ее по пушистой голове и спине, стараясь, чтобы тяжелая ладонь скользила по шерсти легко и нежно. — Спасибо… А теперь беги отсюда. Беги к своим, но только — во имя Митры! — будь осторожна.

Но кошка не уходила. Как ни в чем не бывало она свернулась в клубочек на его груди, прикрыв нос концом пушистого хвоста. Мурлыканье ее стало еле слышным, нагоняющим мягкую светлую дрему…

Конан не успел даже додумать мысль о том, каким образом сумела пробраться к нему в темницу рыжая вестница, как снова уже спал, глубоко и спокойно. Убедившись, что сон его крепок, кошка соскользнула с могучей груди и прошмыгнула из клетки наружу, а затем на полусогнутых мягких лапах неслышно помчалась прочь по полутемным коридорам. К счастью, в этот час стражник у клетки Конана если и не спал (пуще смерти страшась

проверок начальника тюрьмы), то пребывал в задумчивой полудреме и ничего не заметил.

Первое, что сделал Конан, проснувшись, — поднес к лучу утреннего света, падавшему сквозь крохотное окошко на потолке, драгоценный свиток, который он всю ночь сжимал в правой ладони. Это оказался не пергамент, но свернутая в трубочку ольховая кора. Чем-то острым, иголкой или гвоздем, на внутренней ее стороне был нацарапан ряд рисунков. Судя по неумелой и нетвердой руке, рисовали дети. То было нечто вроде зашифрованного послания, загадки, которую Конану предстояло разгадать.

Первым был нарисован человечек в широкополой шляпе и с круглыми, как пуговицы, глазами (Шумри?), сидящий внутри неровной окружности (остров? арена? площадь?..). К губам он прижимал дудку, а возле ног его было несколько четких пятнышек (монеты?). Что ж, пожалуй, этот рисунок означает то, что старый друг его, бродяга Шумри, покинул свой блаженный остров и зарабатывает сейчас игрой на дудке на кордавской площади. Но вот зачем ему это нужно? Не иначе как он решил подкупить тюремщиков Конана и устроить ему побег. Старина Шумри!.. Славный и верный дружище! Вот только подкупать придется чуть ли не всю охрану вместе с ее начальником, а для этого нужно музицировать на площади многие годы, если не столетия…

Следом за этим рисунком шли две неумело нацарапанные женские фигурки. У одной из них, приземистой и толстой, как кубышка, на голове топорщилась корона (королева Зингарская, кто же еще!). Вторая женщина, тоненькая и волнистая, протягивала к первой руки-палочки с растопыренными пальцами, которых было не десять, а раза в полтора больше. Кром!.. Неужели Илоис ходила просить за него к самой королеве?..

Вот уже это совсем излишне! Правда, в Зингаре ни для кого не секрет, что королева имеет сильное влияние на своего венценосного супруга и многие важные решения Фердруго принимает под ее давлением, внешне почти незаметным. Но при этом также общеизвестно, что супруга Его Величества не отличается ни особым умом, ни великодушием, ни, тем более, излишней мягкосердечностью и сочувствием к закоренелым преступникам. Бедняжка Илоис! Ей придется унижаться из-за него, и унижения эти будут бесплодны.

Наконец последняя, третья картинка изображала маленькую девочку, от ног которой шла стрелка к некоему животному на четырех ногах с задорно поднятым хвостом. От лап животного стрелка указывала на четырехугольник, перечеркнутый вертикальными и горизонтальными линиями, за которыми виднелось чье-то лицо, заросшее до глаз и дикое, со скорбной черточкой вместо рта. Значит, рыжая малышка собирается и впредь навещать его?.. Молодец, ничего не скажешь! Переписка с ее помощью была бы кстати… Но лучше бы, конечно, она сидела дома, ни на шаг не отходя от родителей. Кордавская тюрьма — совсем не место для маленьких девочек, даже бесстрашных и ловких, даже защищенных рыжей шкуркой и с видящими в темноте глазами.

Глава шестая

Шумри со всем своим семейством оказался в Кордаве еще раньше приведенного туда под конвоем Конана. Решение покинуть блаженный остров пришло к нему с Илоис, как только они прочли послание детей у дверей хижины, выложенное палочками и камушками. Вскоре за этим они благополучно расцеловали своих исцарапанных и грязных малышей, не добившись от них, впрочем, вразумительного рассказа, каким образом им удалось ускользнуть от продажи в рабство.

Когда, стоя под деревом, в низко надвинутой на глаза шляпе Шумри помахал Конану, у них уже было все собрано и приготовлено в дорогу. Узнав, что «Кельбо-странник» и его жена собираются добираться до столицы пешком, селяне тут же привели вороного жеребца Конана, оставленного им в залог за лодку. Жеребец был в прекрасной форме, он горячился, покусывал узду и рвался вскачь, застоявшись в конюшне, и Шумри, надо сказать, взгромоздился на него с некоторой опаской. Пока он раздумывал, где удобнее и безопаснее будет сидеть Илоис — спереди от него или сзади, как те же добрые люди привели гнедую, легконогую кобылку, вручив Илоис повод и отмахиваясь обеими руками от слов благодарности. Хотя кобылка и проигрывала аквилонскому красавцу в чистокровности, величине и стати, но она была вполне ходкой и выносливой.

Немного посовещавшись, детей решили оставить на временное попечение одной из семей, где было своих сорванцов не то семь, не то девять, и парочка лишних не могла бы существенно потеснить их или побеспокоить. Добрые люди приняли малышей с радостью. Но лишь только Шумри и Илоис отдалились на бодро рысящих скакунах на расстояние пятисот шагов от селения, как их ожидало существенное потрясение. Их беспутные дети как ни в чем не бывало сидели впереди них на обочине, рисуя большими пальцами ног в дорожной пыли замысловатые узоры. Причем они совсем не выглядели запыхавшимися и уставшими, каковыми должны были быть, если учесть, что они неслись во весь дух по лесу параллельно дороге, чтобы обогнать верховых родителей.

Впрочем, потрясение было скорее приятным, чем неприятным, хотя Шумри и Илоис, конечно же, попытались этого не показать. После коротких и не слишком грозных междометий пришлось посадить малышей впереди себя и продолжать путь уже вчетвером.

В Кордаве они остановились на самом дешевом постоялом дворе. Хозяин его с большим подозрением оглядел вороного жеребца, явно краденого, да еще из весьма знатных конюшен, но ничего не сказал, лишь отвел красавцу коню самое дальнее и темное стойло.

Еще в дороге Шумри и Илоис непрерывно обсуждали, что следует им предпринять в первую очередь для спасения попавшего в беду друга. Чтобы вызволить Конана из тюрьмы, нужно было много денег для подкупа охранников, они же не имели почти ничего. На острове не было возможности зарабатывать, да и не было нужды откладывать на черный день. Впрочем, Шумри недаром прихватил с собой лютню и дудочку из красного дерева, вырезанную и подаренную ему в свое время гостившим на острове вендийским музыкантом. Конечно, он не надеялся, что за его музицирование на пыльной, суматошной базарной площади Кордавы ему будут бросать полновесные золотые. Горсть медяков за день напряженного труда — на большее нечего было и рассчитывать. Его воодушевляла не перспектива жалких медяков, но достаточно безумная надежда, что произойдет чудо,

подобное тому, которое свело Конана и вендийского музыканта. Тем же способом, какому он учил гостивших у него странников, Шумри надеялся разыскать Торги, капитана их «Адуляра», с которым развел их плавучий островок в Западном океане два с половиной года назад. Торги, коренной зингарец, был единственным человеком, который мог бы реально помочь им сейчас — и советом, и верной своей рукой. Главное же, продав «Адуляр» за хорошие деньги, можно было бы скупить всю кордавскую тюрьму сверху донизу.

Илоис всегда поддерживала его стремления и надежды, даже самые безумные. Так было и на этот раз. Со своей стороны она предложила — пока Шумри с рассвета до заката веселит своей музыкой базарный народ — предпринять поездку на родину, в Немедию, и попытаться достать денег там. Ведь в Бельверусе осталось немало ее родственников, весьма небедных, там живут с бывшим мужем ее дети, уже совсем выросшие… Но Шумри отверг этот вариант. Во-первых, для детей и родственников она давно уже чужая, и вовсе необязательно, что они бросятся осыпать ее деньгами для спасения киммерийского варвара, обвиненного зингарским королем в чернокнижии. Во-вторых, путь в Немедию неблизкий, у них же на счету каждый день. В любой день на рассвете может раздаться стук топоров плотников, сооружающих на тюремной площади зловещий помост.

И вот тогда к Илоис, не желавшей оставаться бездеятельной и безучастной, пришла мысль добиться аудиенции у Ее Величества королевы Зингарской. Она поговорит с ней, как женщина с женщиной. Она найдет самые убедительные, самые проникновенные слова…

Несмотря на скепсис мужа (дети от ее плана были в восторге), она начала деятельные приготовления. Главная трудность заключалась в одежде — на Илоис было лишь простое льняное платье, обтрепавшееся за время пути. С помощью Рыжика ей удалось соорудить затейливую высокую прическу, совсем такую же, что носили знатные зингарские дамы. Эта прическа в сочетании с тонкостью и благородностью черт лица и горделивой осанкой, а также с безупречными манерами, несмотря на бедное платье, придавали Илоис вид настоящей, кровной аристократки. Убогость платья тоже, в конечном счете, оказалась кстати: Илоис решила растрогать королеву рассказом о себе как о дочери знатного немедийского барона (кем она, на самом деле, являлась), волею судьбы пережившей страшные бедствия и оказавшейся на грани нищеты.

Прежде чем встречаться с королевой, Илоис постаралась как можно больше узнать о характере, вкусах и пристрастиях Ее Величества. Ей удалось разговориться с поставщиками королевского двора, оказавшимися соседями по постоялому двору, а также с парой-тройкой всезнающих рыночных торговок. Беседа с женой хозяина постоялого двора, женщиной умной и наблюдательной, также оказалась полезной. Илоис узнала, что королева не блещет особым умом, нрав же имеет напористый и властный. Бедняга Фердруго ни одно важное решение не принимает, предварительно не посоветовавшись с ней, и оттого-то (как шепчут злые языки при дворе) нередко его решения поражают всех своей абсолютной нелогичностью и пристрастностью. Сама о себе королева высокого мнения и любит, когда придворные подчеркивают глубину и утонченность ее натуры, художественный вкус и чувствительность. Качества эти проявляются, в частности, в одежде совершенно немыслимых фасонов и расцветок, которую она меняет по восемь раз на дню. Ее Величество обожает своего единственного сына, наследника престола, великовозрастного оболтуса, похожего на нее и внешне, и характером. Также она верит снам, предчувствиям, знакам судьбы, знает все приметы, как дурные, так и счастливые, и тщательно соблюдает их. Понравиться ей проще простого: надо лишь чаще восхищаться ее умом, вкусом и проницательной глубиной

прекрасных глаз. Заслужить ее гнев и впасть в немилость еще проще: стоит лишь один-единственный раз ей возразить…

Вооруженная всеми этими полезными сведениями, Илоис предстала однажды утром перед Ее Величеством, милостиво согласившейся уделить ей часть своего драгоценного времени. Королева Зингарская была в ярко-алом платье с очень пышными на плечах и узкими в локтях рукавами. Цвет его был такой насыщенный и кричащий, что выносить его долго было нельзя, и Илоис то и дело приходилось опускать глаза долу. Впрочем, это придавало ей вид трогательного смирения, что было в этой ситуации кстати. На шее, запястьях и в пышной прическе королевы блестели рубины, изумруды и опалы в самых немыслимых сочетаниях. Драгоценностей было так много, что Ее Величество казалась праздничной детской игрушкой из красного атласа, усыпанной разноцветным битым стеклом. С избыточным блеском не слишком гармонировали дряблая кожа, выдававшая почтенный возраст и густо испещренная родинками, и чересчур тяжеловесные формы.

После церемонных приветствий, необходимых по этикету, Илоис приступила к своему рассказу, полному волнующих и горестных подробностей. Искусно сочетая правду (долгие странствия, потеря корабля и команды, жизнь на острове, полное отсутствие нарядов и денег) с увлекательным вымыслом, она подвела рассказ к киммерийцу, человеку отважному и благородному, не раз спасавшему их с мужем от неминуемой смерти. Илоис перечислила все заслуги Конана-корсара перед зингарским престолом. Она вкратце пересказала легенды о его подвигах, совершенных в иных краях, многие из которых странствующие певцы и музыканты положили на музыку и поют, собирая скромную дань, вызывая слезы зависти и восхищения у слушателей… Враги Конана оклеветали его, обвинили в мерзком пристрастии к черной магии. Но разве они враги одного киммерийца? О, нет! Они враги короля Зингары, враги Ее Величества, враги наследника престола и всего государства. Уничтожить такого талантливого полководца, такого могучего и непобедимого воина, такого преданного слугу короля — разве не означает это нанести коварный удар но могуществу Зингарского королевства?..

В завершение своей пламенной речи Илоис, вспомнив о суеверных слабостях королевы, упомянула богов, от грозных очей которых не ускользает ничего из происходящего на земле. Боги любят Конана, иначе они не наградили бы его такой силой, иначе он не вышел бы невредимым из стольких сражении, из стольких битв с могущественными людьми и нелюдями. Не боится ли король Фердруго разгневать богов, казнив лютой казнью их любимца?.. Не страшится ли он навлечь на себя и на всю страну их мстительность, не вняв ясным предупреждениям, ясным знакам, посылаемым ими на землю?..

Под конец голос Илоис стал громким и звенящим, а тон — обличительным. Осознав это и испугавшись, что подобная дерзость может разгневать королеву, она резко сменила интонацию, приглушила голос и окончила свою речь с глубоким поклоном и смиренной надеждой на мудрость и чуткость сердца блистательной королевы Зингарской, достойной супруги величайшего и благороднейшего правителя, равного которому не было со дней падения Атлантиды.

По окончании ее красочного и горячего монолога королева какое-то время молчала, разглядывая странную и дерзкую просительницу в нищем наряде, но с осанкой и речью, которые делали бы честь самой высокородной и знатной даме. Наконец она заговорила, но слова ее, к ужасу Илоис, не имели никакого отношения к плененному киммерийцу.

— Ты говоришь, милочка, что дошла до полной нищеты и разорения?.. Но ты

обманываешь меня. — Ее Величество сделала два шага по направлению к просительнице и рукой, усыпанной сверкающими перстнями, указала на ожерелье из синих камней на ее шее. — Дошедшие до полной нищеты не носят на себе такие камушки.

— Ах, это?.. — растерялась Илоис. — Но камни эти совсем не дорогие, Ваше Величество. Это не сапфиры и не алмазы, за них нельзя выручить деньги. Они дороги мне и я ношу их, не снимая, вот уже много лет, поскольку это подарок мужа. Он привез их из своих дальних странствий.

— Конечно, я сама вижу, что это не сапфиры, — произнесла королева с важностью. — Сапфиры прозрачны и они блестят, алмазы — тем более. Это даже не аквамарины… Туранский лазурит, быть может?.. — Она подошла величественной походкой совсем вплотную и дотронулась до камней царственным указательным пальцем. — Пожалуй, и не лазурит… Так что же это? Ты говоришь, милочка, что они совсем ничего не стоят? Но это неправда. Это очень редкие камни, что явствует из того, что я вижу их в первый раз и даже не знаю, как они называются. Зачем ты обманываешь меня? За это ожерелье можно выручить много денег, если продать их тому, кто знает толк в самоцветных камнях.

— Вы так считаете, Ваше Величество?.. В самом деле?..

Илоис совсем растерялась. Она мучительно пыталась понять, как следует ей поступить в создавшейся ситуации. Королева смотрела на ожерелье неприкрыто хищным и требовательным взором. Казалось, еще миг, и пальцы ее откровенно вопьются в камни и потянут их на себя.

— Я не считаю, я знаю, милочка. Камни очень и очень редкие. Все слова о твоей нищете — пустые звуки…

— В таком случае тем приятнее мне будет подарить их вам, Ваше Величество. — Илоис дрожащими пальцами расстегнула застежку на шее и протянула ожерелье королеве. — Они действительно представляют большую ценность, но в деньгах ее выразить нельзя. Это непростые камни, живые камни. Когда тяжело на сердце, они утешают. Когда одолевают унылые думы, они прогоняют печаль. Когда не знаешь, как поступить, на что решиться, они подсказывают правильный выход.

Королева с видимым удовольствием схватила синие камни и стала перебирать их пухлыми пальцами. Илоис ощутила почти физическую боль от этих прикосновений, словно жадные руки касались чего-то очень родного и бесконечно ценного. Она действительно никогда не снимала их со своей шеи с тех пор, как одиннадцать лет назад Шумри привез их из своего странствия и подарил ей. Они действительно были живыми, волшебные синие камни, и не раз согревали ее, и утешали, и разгоняли боль и тоску… Она отдала бы все, что имела, она отдала бы половину жизни своей, только чтобы вернуть их назад!

Но разве могла она возразить королеве, противиться столь явно и недвусмысленно высказанному желанию? Ведь от милости и благорасположения Ее Величества зависело столь многое…

— Ну вот, я же знала, что это непростые камни, что это редкие камни… Унылые думы одолевают меня так часто! И тяжесть на сердце известна мне — увы! — хорошо… Твой подарок, милочка, весьма кстати! — Королева надела ожерелье на свою толстую дряблую шею и повернулась к зеркалу. — Как они мне?..

— О, Ваше Величество! — откликнулась Илоис, с трудом находя в себе силы для продолжения светской беседы. — Их надо носить не с этим платьем, не с красным, но с белоснежным либо с голубым. И не одевать при этом других драгоценностей. Тогда вы

увидите истинную глубину их цвета. Она бесконечна, как вечернее небо над головой…

— Хм! Ты так считаешь?.. Ну что ж, я, пожалуй, послушаюсь как-нибудь твоего совета. — Королева сняла с шеи камни и отошла от зеркала. — Ты очень угодила своей королеве этим подарком, милочка.

Она благосклонно улыбнулась и жестом дала понять, что аудиенция закончена. Сердце Илоис перестало биться. Как?! И это все?..

— Но, Ваше Величество, — пробормотала она, — вы верно забыли… Я рассказывала вам о Конане из Киммерии, которому грозит смертная казнь…

— Конан?.. — удивилась королева. По-видимому, мысли ее были полностью поглощены новой игрушкой, и все предшествующее напрочь вылетело из ее головы. — Ах, да, Конан! Отважный и могучий киммериец, Конан-чернокнижник! Конечно же, я не забыла о нем. Но, моя милочка, не знаю, могу ли я тебя чем-нибудь утешить и обнадежить. Ах, если б он не был чернокнижником! Пусть бы он обвинялся в десяти убийствах, грабежах, даже — в государственной измене! Тогда еще можно было бы попытаться ему помочь. Но черная магия! Его Величество король Фердруго и слышать не захочет о помиловании злостного чернокнижника. Скажу тебе по секрету, милочка, когда-то в ранней юности ему было предсказано, что жизнь свою он окончит раньше срока и произойдет это по вине колдуна или колдуньи. С тех пор он страшно ненавидит эту породу людей и боится их. Он не даст мне и заикнуться на тему о его помиловании! Он, пожалуй, сожжет меня вместе с ним, если я вздумаю ему помогать!.. — добавила она кокетливо.

— Но, Ваше Величество, ведь я же сказала, что он оклеветан! — воскликнула Илоис, готовая разрыдаться. — Он сам всю жизнь ненавидел магов и колдунов, и если б вы знали, скольких из них сокрушил его меч!.. Клянусь всеми светлыми богами Хайбории, что Конан-киммериец не причастен магии!

— Всеми светлыми богами?.. — переспросила королева. Она явно уже утомилась от этого разговора, и ей не терпелось отделаться поскорее от назойливой просительницы, чтобы как следует рассмотреть новую драгоценность. — Ты, кажется, говорила что-то о знаках, которые боги посылают на землю, чтобы указать свою волю? Будет тебе известно, что я очень внимательно отношусь к этим знакам, знамениям, предчувствиям и вещим снам. Скажем, сегодня мне приснилось, что я спускаюсь по дворцовой лестнице и вдруг замечаю что-то маленькое и синее на мраморной ступеньке. И почему-то я одна! Ни пажей вокруг, ни лакеев, ни придворных дам… Некому нагнуться и поднять это. И мне приходится нагибаться самой, ты представляешь?.. При этом платье лопается у меня на спине, и даже ниже, — добавила королева, чуть понизив голос, — и во все стороны рассыпаются мои пуговицы, красные маленькие пуговицы. Они скачут по ступенькам, как множество капелек крови… А то, что я поднимаю — тоже пуговица, но — синяя и одна-единственная!.. Представляешь?.. Все утро я ломала голову над тем, что бы мог значить этот сон. И вот появляешься ты, нищая немедийская аристократка, и даришь мне синие камни, которые отныне будут прогонять мои тяжелые мысли! Вот он, мой сон!.. Так что, милочка, я очень чувствительна ко всяким знакам, которые посылают нам боги. Если, как ты говоришь, Конан-киммериец — любимец богов, то они непременно подадут какой-нибудь знак во время его казни. Скажем, на плечи ему опустится несколько белых птиц с цветочками в клювах, или — вдруг запахнет фиалками, когда палач начнет поджигать хворост, или что-нибудь еще в этом роде… Я обещаю тебе, милочка, что буду лично присутствовать на казни, и подобный знак, если он будет явлен богами, не ускользнет от моего внимания. Можешь быть в этом уверена!..

* * *

Вернувшись к вечеру с базарной площади, усталый и осипший Шумри хотел было расспросить жену о ее встрече с королевой, но, едва взглянул на нее, слова застряли в его горле. Он молча подошел к ней и обнял, прижав к груди поникшую голову с растрепавшейся затейливой прической…

— Я отдала ей ожерелье, — прошептала Илоис после долгого молчания, во время которого он лишь гладил ее, как девочку, дрожащими от нежности руками по рассыпавшимся волосам.

— Я знаю… Молчи… Не надо, — отозвался он.

— Я отдала ей твое синее ожерелье, — опять повторила она с несказанной тоской.

— Ну и хорошо, хорошо… Не убивайся же так… Подумай, что камни эти спасут Конана. И разве одного только Конана?.. Они ведь такие добрые и такие сильные, эти камни… Только представь, насколько благородней и великодушней станет от их прикосновений королева! А ведь она влияет на короля, она практически правит за его спиной…

Рыжик и Волчок, сидевшие по любимой своей привычке на корточках на полу, во все глаза, расширившиеся и испуганные, смотрели на родителей. Первым не выдержал Волчок. Вскочив, он бросился к матери и изо всех сил обнял ее, уткнувшись головой в платье. Его ласка была так неожиданна, так потрясла ее, что слезы, безудержные, облегчительные слезы, заструились из глаз.

— Мама! Не плачь же, мама!.. — Рыжик прижалась к ней с другой стороны, втиснувшись узеньким тельцем и потеснив отца.

— Не плачь, — повторил за дочерью Шумри. — Твои камни живут и вершат свои чудеса, хотя теперь и в отдалении от нас…

— Они не вершат чудеса, — с трудом произнесла Илоис. Она подняла голову и встретилась с мужем взглядом. — Они не спасли жизнь Конану. Королева ничего не обещала мне. Ничего! Она поможет ему, но только в том случае, если во время казни ему на плечи усядутся птицы с цветами в клювах или запахнет фиалками…

Глава седьмая

Рыжая кошка стала почти постоянным обитателем кордавской тюрьмы. Неизвестно, каким путем она пробиралась вовнутрь, скорее всего со двора, используя для прохода крысиные норы. Появлялась она, как правило, ночью, внося оживление в однообразно-томительную службу охранников, прилагавших немалые старания к тому, чтобы не сомкнуть глаз и не задремать ненароком. Уже на второй день своего появления в столь мрачных и сырых местах ей была дана кличка Ушлая. Она получила ее за высокое мастерство в ловле мышей, которыми во все времена изобиловала тюрьма, как, впрочем, и все тюрьмы в мире. Ушлая не просто ловила их в огромном количестве, но выкладывала серые тушки вдоль стены то по прямой линии, то в виде волнистой кривой, а порой выстраивала из них треугольники, квадраты и овалы. Это ее искусство приводило скучающих на посту солдат в искреннее и шумное восхищение.

Мышей она никогда не ела, чем тоже отчего-то расположила к себе охранников, и многие из них, заступая на ночную службу, стали прихватывать с собой кусочки сыра или колбасы для угощения шустрой любимицы.

Ушлая проскальзывала сквозь решетки в клетки узников, но в руки давалась не всем. Казалось, она издали чуяла, кто из оборванных и голодных людей, почти потерявших человеческий облик, будет искренне рад ее появлению и ласково потреплет за ухом, поговорит, жалуясь на тяжкую свою судьбу… а кто встретит ее грубым пинком или, того хуже, жестоким мучительством. Ни разу не ошибалась она в выборе тех, к кому подходила близко. Ни разу грубая и жестокая рука не касалась ее легкого и пушистого тельца.

К Конану, очевидно, чтобы не возбуждать подозрений, она проскальзывала не чаще, чем к остальным, и бывала у него лишь ненамного дольше. Она больше не приносила с собой свернутых в трубочку писем либо иных весточек с воли. Но само появление ласкового одушевленного рыжего существа служило киммерийцу немалой отдушиной в его гнетущем и однообразном тюремном бытии. Обычно Ушлая (она же Рыжик) сворачивалась клубочком на мощной и широкой груди киммерийца, и он, перебросившись с ней несколькими словами (она отвечала мурлыканьем, меняя тембр его и громкость), вскоре засыпал. Просыпался он утром со странным и непривычным ощущением, что снилось ему нечто светлое, искрящееся, обнадеживающее, вот только, к сожалению, было никак не припомнить, что именно…

* * *

Чем дольше играл Шумри то на лютне, то на дудочке на пыльной рыночной площади, тем более грустными и пронзительными становились его мотивы. А после неудавшегося визита Илоис к королеве он уже не смог бы заставить себя, даже за большие деньги, сыграть разудалую песенку либо веселую плясовую мелодию.

Слушателей у него поначалу было много, и они шумом и выкриками выражали свое одобрение после каждой исполненной им песни. Медяков, бросаемых к его ногам, было

гораздо меньше, чем одобрительных выкриков и междометий. Их едва-едва хватало на скромную еду для всей семьи и оплату постоялого двора. О том, чтобы накопить денег на подкуп тюремщиков, не могло быть и речи.

С каждым днем слушателей становилось все меньше, круг людей, привлеченных звуками дудочки, постепенно редел. Очевидно, бесхитростной кордавской публике изрядно надоели тоскливые напевы, надрывающие душу вместо того, чтобы ее горячить и веселить.

Я завою бездомной собакой на луну.

Надоело седым бродягой пить весну.

Так же хлещет из горлышка жизни шальной…

Пускай! Над жилищем моим обветшалым флаг — тоска.

Для чего, кто сумеет ответить мне, петь и плыть?

Самому туманный вопрос этот не решить.

Как ни пой — не дотронешься голосом до прохладной лунной щеки.

Как ни рвись — не протянет бесстрастный Митра тебе руки…

Решив, что достаточно на сегодня излил тоску-печаль на ни в чем не повинных, простодушных слушателей, Шумри отложил в сторону лютню, глубоко вздохнул и произнес заученным тоном всегдашнюю свою фразу:

— Любезные жители Кордавы и гости города! Не знает ли кто-нибудь из вас уроженца этих мест по имени Торги, капитана парусника «Адуляр»? И если знает, не слышал ли кто-нибудь, где он сейчас?..

Он обвел глазами притихший перед ним круг праздношатающихся оборванцев, торговок и заезжих купцов, снова вздохнул и хотел было, поднявшись, закончить свой сегодняшний рабочий день, столь же бесплодный, что и все предыдущие. (Хотя в толпе порой и оказывались люди, знавшие Торги и даже носившиеся с ним в детстве по одним и тем же улицам, но никто из них не мог сказать, где пребывает непоседливый капитан сейчас.)

Неожиданно один из слушателей сделал два шага вперед и бросил в шапку, лежащую вниз тульей у ног немедийца, горсть золотых монет. Шумри поднял голову и с удивлением рассмотрел незнакомца. То был молодой юноша, по виду моряк, со смуглым и открытым лицом. Ничто в нем не напоминало богача, швыряющего деньгами направо и налево.

— Неужели мое унылое пение стоит так много? — спросил Шумри, прищурившись, чтобы лучше разглядеть выражение лица незнакомца.

Тот засмеялся и помотал головой.

— От твоего пения, если честно, хочется забраться на фок-мачту и сигануть вниз головой в море! Волки веселее завывают в лунную ночь! Но ты упомянул капитана Торги и «Адуляр», значит, ты плавал с ним. Друзья капитана Торги не должны подыхать с голоду и вымаливать милостыню на площадях тоскливыми песнями. Если тебе нечего есть, возвращайся на корабль! Капитан как раз набирает сейчас новую команду.

Еще не веря своей удаче, Шумри вскочил и схватил незнакомца за плечи, словно боясь, что тот убежит от него, не сказав самого главного.

— Где?.. Где он сейчас? Как мне найти капитана Торги?!

Юноша опять рассмеялся и высвободил свои плечи от сотрясавших их в волнении рук немедийца.

— Капитан Горги у себя дома, если, конечно, не шляется по улицам родного города, в котором очень давно не был. «Адуляр» вернулся из плавания два дня назад и стоит в гавани. О чем еще хочешь ты узнать, сумасшедший чужестранец?..

* * *

Впервые с того дня, как синее ожерелье перешло к королеве Зингарской, лицо Илоис посветлело, счастливые искры загорелись в серых глазах. Радость встречи со старым другом и спутником перевесила все обиды и потери последних дней. Воспрянувший духом Шумри ликовал еще больше, стоило ему перевести взгляд на жену, сбросившую груз тяжкого уныния и вины.

Первое, что сделал капитан Горги, лишь только обнял и расцеловал вновь обретенных своих друзей, — велел немедленно перебираться всем семейством с постоялого двора к нему в дом, хоть и не слишком просторный, но радушный и теплый, готовый вместить всех, кто близок ему и дорог.

Второе, что он сделал — лишь только Шумри объяснил ему в двух словах причину своего унылого музицирования на базарной площади, — собрал в короткое время всю свою команду, и тех, кто, получив расчет, сошел на берег, и тех, кто собирался через несколько дней отправиться с ним в дальнейшее плавание. Быстроногие кордавские мальчишки за небольшое поощрение мигом разыскали всех — по кабакам, постоялым дворам, увеселительным заведениям для гуляющих на берегу матросов и просто на улицах.

Горги объяснил Шумри, что продажа такого огромного и дорогого судна, как «Адуляр», может занять не один день, деньги же нужны немедленно, хотя бы небольшая сумма, с помощью которой можно будет начинать постепенную осаду королевской тюрьмы. Бесцеремонно сняв с его головы широкополую шляпу, он пустил ее по кругу среди своей команды, прошлой и настоящей, коротко пояснив, что друг его лучшего друга в большой беде, вытащить из которой, его может лишь золото вкупе с бесстрашными и крепкими руками друзей.

Матросы, отпуская грубоватые шуточки, сыпали деньги. Ни одна рука не запнулась, не

заколебалась, доставая из-за пазухи кошелек. Многие из них, откровенно радуясь возможности погорячить кровь приключением, вызывались помочь знаменитому другу Шумри, о чьих подвигах были наслышаны, не только деньгами, но и самым активным действием.

Когда Мейч, тот самый смешливый юноша, что оказался в толпе слушателей Шумри, потянулся за своим кошельком, немедиец остановил его.

— Ты уже внес свой вклад, дружище! — заметил он. — Там, на площади. И весьма, надо сказать, весомый!

— Ничего, это было не в счет! — махнув длинными волосами, ответил юноша. Он высыпал в шляпу все содержимое своего кошелька. — Капитан Горги через несколько дней снова собирается в плавание, и у меня просто не будет времени достойно потратить все это на берегу! Не напиваться же каждую ночь, как свинья, и не осыпать золотом веселых девочек, которым и без того живется неплохо! Во всяком случае, лучше, чем узнику кордавской тюрьмы!

Шумри, не сдержавшись, горячо обнял его. Горги же вздохнул.

— Что такое?.. — удивился юноша. — Отчего ты так пасмурен, капитан? Неужели ты передумал отправляться в путь, лишь только будет набрана новая команда и залатаны дыры в парусах?.. Ты решил задержаться на берегу? А может быть, тебе надоело мое общество, и ты решил сменить первого помощника?..

— Ну что ты несешь, Мейч! — воскликнул капитан. — Ты отлично знаешь, что я рад был бы плавать в компании с тобой до конца дней своих, но… Я и впрямь не знаю теперь, как скоро смогу отправиться в море. Хозяин «Адуляра», Кельберг (или Шумри, если тебе это больше нравится), вот этот самый нищий музыкант с базарной площади, должен как можно скорее продать судно, чтобы вытащить из тюрьмы друга. То, что мы собрали сейчас по кругу, — это только начало. Потребуется в несколько раз больше.

Мейч горестно и протяжно присвистнул. Остальные матросы, даже те, что уже уволились с судна, сокрушенно покачали головами.

— Клянусь богом ветра, это прескверная новость! — воскликнул юноша. — Подобный корабль, легкий, как перо чайки, и быстрый, словно дельфин, не скоро отыщешь. Конечно, с тобой, капитан Горги, я готов плавать и на дырявой развалюхе, но все-таки жаль. Жаль!..

— Ты думаешь, мне не жаль?.. — откликнулся капитан. — Уж наверное, за десять лет я сросся с «Адуляром» и душой, и всеми своими костями больше, чем ты! А Шумри, ты думаешь, не жаль?..

Он повернулся к немедийцу. Сквозь обреченную грусть на лице Шумри неожиданно пробилась надежда.

— А что, если не продавать «Адуляр», но только заложить его за хорошие деньги? — спросил он.

— Это мысль! — обрадовался Горги. Правда, в следующий миг радость его сменилась озабоченностью. — Но только я не очень представляю, на какие деньги мы сумеем его потом выкупить…

— Я и сам этого совершенно не представляю! — честно ответил немедиец, с отчаянностью махнув головой. — Но поверьте мне, лишь только Конан очутится на свободе, станут возможными самые невероятные вещи! Как совсем недавно объясняла моя жена королеве Зингарской, к этому северному бродяге очень и очень неравнодушны боги…

* * *

Все деньги, собранные моряками по кругу, Горги переложил в кожаный мешок, оказавшийся вполне увесистым. Как-то само собой получилось, что все руководство подготовкой к предстоящему побегу киммерийца он взял в свои руки, сильные, верные и уверенные. Шумри ничего не имел против этого. Напротив, решительное лидерство капитана он воспринял с некоторым облегчением.

Одному из своих подопечных, зингарцу средних лет, с умным и проницательным взглядом и мягким голосом, Горги отдал часть золота и велел прямо сейчас отправляться к задворкам королевской тюрьмы и начать, как он выразился, «прощупывать и пронюхивать обстановку». Двум другим матросам, самым расторопным и смышленым с виду, он поручил, не вызывая подозрений, как можно тщательней и подробней исследовать тюремную площадь, на которой обычно совершаются казни, а также выбрать наиболее короткий и удобный путь от площади до гавани.

На себя же капитан взял переговоры с богатыми кордавскими ростовщиками и перекупщиками, которые могли бы принять в залог парусник и дать за него хорошие деньги.

Шумри также не остался без дела. Ему было поручено продолжать наигрывать унылые песенки на рыночной площади, внимательно подмечая все, что творится вокруг, и ловя носящиеся в воздухе слухи. Даже малыши оказались полезными. К немалой их гордости и восторгу, капитан велел им следить за хижиной кордавского палача, стараясь запомнить распорядок дня, привычки, пристрастия и слабости его хозяина.

— А как же я? — спросила Илоис, единственная, кто оказалась неохваченной активным руководящим напором Горги. — Разве для меня не найдется поручения, капитан?.. Скажи же, что делать мне?

— Молиться, — коротко ответил Горги. Он взглянул на нее и тут же отчего-то отвел глаза. — Молиться своим светлым богам.

* * *

Только поздним вечером, почти ночью, после наполненного неотложными делами дня, трое друзей, вновь обретших друг друга, смогли посидеть спокойно за доброй бутылкой искрящегося вина у зажженного — не столько ради тепла, сколько ради уюта — камина… Илоис то и дело пыталась отправить в постель малышей, но Волчок и Рыжик, раскрасневшиеся и возбужденные, не желали слушаться ни ее, ни отца. Уйти спать, когда о своих приключениях и странствиях рассказывает капитан Горги, тот самый верный и бесстрашный старина Горги, которого они никогда прежде не видели, но столько наслышались о нем!.. Ни за что на свете!

Горги взял их под свою защиту, посадив каждого на свое колено и крепко обняв длинными руками.

— Оставь их, Илоис! Оставь, Кельберг! Они отоспятся завтра днем. Не лишайте меня

удовольствия видеть эти славные рожицы!.. Если б вы знали, как они похожи на вас!

— Да, но… — начал было Шумри.

— Да я знаю, знаю! — махнул рукой Торги. — Знаю, что вы нашли их где-то, не то в болоте, не то в лесу! Они уже успели шепнуть мне об этом, каждый в свое ухо. Ну и что из этого?.. Ваши дети ждали вас где-то в лесу, и вот вы, наконец, встретились, ведь это же здорово! И я наконец-таки встретился с вами, и будь проклят тот плавучий комок земли, что когда-то разлучил нас!..

Они говорили, смеясь и перебивая друг друга, почти до рассвета. Капитан Горги рассказывал, как исплавал за два с половиной года в поисках друзей весь Западный океан, вдоль и поперек, и отныне вряд ли кто-нибудь из бороздящих морские воды знает эти места лучше. О его захватывающих приключениях и удивительных людях и иных существах, встретившихся ему на пути, дети слушали, затаив дыхание и вжавшись покрепче в широкие капитанские плечи.

Затем настала очередь Илоис и Шумри. Плавучий лоскуток суши, с каждым днем становившийся все крохотнее… полное опасностей продвижение по пиктским дебрям… счастливое обретение детей, ставших их добрыми духами-хранителями… дивный остров посередине реки Громовой, с которого им не захотелось больше никуда уплывать…

Ворвавшийся в их жизнь, словно морской тайфун, киммериец, старый друг и побратим, чья бурная судьба зацепила их, увлекла, потащила за собой и выбросила, в конце концов, на базарную площадь Кордавы… Где по милости светлых богов прогуливался длинноволосый Мейч, беспечный помощник капитана быстроходного, как туземная пирога, и капризного, как зингарская барышня, парусника «Адуляр»…

* * *

Разговоры и воспоминания утихли лишь к утру. Волчок давно уже заснул, прикорнув на плече у капитана, и тот бережно отнес его в постель. Рыжик также послушно скользнула на отведенное ей ложе, но она не спала, напротив, изо всех сил боролась с дремотой. На кусочке коры, благоразумно припасенном заранее, она нацарапала рисунок-послание для Конана и теперь с нетерпением ожидала, когда же взрослые, наконец, угомонятся, лягут спать и она сможет, незаметно ускользнув из дома, пробраться в тюрьму, на свою еженощную добровольную вахту.

Наконец стало тихо. Илоис заглянула к детям. Убедившись, что они спокойно лежат там, где их положили, прикрыла дверь и, пошатываясь от усталости и избытка счастья, отправилась в отведенную ей и Шумри комнату…

Спустя короткое время из ворот капитанского дома, низко прижимаясь к земле и оглядываясь, выскользнула рыжая кошка и бросилась стремглав по сумеречным, предрассветным улицам по направлению к тюремной площади. В зубах она сжимала что-то, что редкий прохожий, запоздалый гуляка, встретившийся ей на пути, мог бы принять за мышиное или птичье тельце.

Конан спал, но от толчка в грудь мягкими лапами мгновенно проснулся.

— Это ты, Рыжик! — радостно прошептал он. — А я уже думал, тебя сегодня не будет.

Никогда прежде не прибегала ты так поздно. Вернее, рано, — поправился он, взглянув на первые полосы утреннего света, пробивавшиеся сквозь верхнее окошко.

Кошка разжала зубы, и на грудь ему упало легкое послание. Еще больше оживившись, киммериец развернул его и поднес к свету. Там был нацарапан человечек в широкополой шляпе и с дудочкой в руке (Шумри!), протягивающий руки к другому человечку, в высоких сапогах, за спиной которого маячило что-то очень большое и бесформенное. Вглядевшись пристальней, Конан сообразил, что так детская рука изобразила корабль с парусами. Неужели Шумри встретился со своим капитаном? От корабля тянулась стрелочка к трем мешкам, каждый из которых был набит маленькими кружочками. Кром! Неужели Шумри продал свой парусник?!..

— Шумри встретил капитана Горги? — тихо спросил Конан у рыжей вестницы, чтобы убедиться в своей догадке. — Они продали парусник?..

Кошка радостно закивала головой. Зеленые глаза ее искрились от ликования, лапы нетерпеливо когтили рукав киммерийца, порой процарапывая и кожу.

— Тише, тише, огненный зверь! Иначе ты разорвешь последнюю мою одежонку, и мне не в чем будет выйти на люди, когда придет время казни! — усмехнулся он. Затем лицо его стало серьезным. — Послушай меня, девочка. Но только будь очень внимательна и запомни все, что я тебе скажу. Запомни и постарайся найти способ передать это как-нибудь своим родителям. Ты сделаешь это?

Кошка, замерев и насторожившись, кивнула.

— Раз Шумри продал корабль, он, наверное, попытается подкупить моих тюремщиков. А может быть, и уже пытается. Передай ему как-нибудь, не знаю как, что делать этого ни в коем случае нельзя. Все охранники здесь запуганы до беспамятства, так как в случае моего побега и даже одной попытки побега им грозит немедленная смертная казнь. Сегодня днем какой-то тип наводил справки на тюремном дворе, намекал о немеренных грудах золота за готовность совершить кое-какие услуги. Солдат, с которым он разговаривал, тут же донес обо всем начальнику тюрьмы. Этого типа сразу бросились ловить, но, к счастью, он успел скрыться. Так что пусть Шумри найдет своему золоту иное применение, если он не хочет отправиться в мир Серых Равнин на пару со мной. Конечно, мне было бы там веселее с ним, но… пусть он все-таки не торопится! Если ему обязательно надо подкупить кого-нибудь, пусть подкупит палача — чтобы выполнил свою работу быстро, искусно и весело! Или же — пусть подкупит пресветлого Митру. — Конан указал подбородком наверх. — Пусть в этот день будет хорошая погода и…

Но договорить Конану не дал громкий и разъяренный окрик, резко разнесшийся по сонному тюремному коридору.

— А, ты спишь на своем посту, выкормыш Нергала!!!

Начальник тюрьмы на этот раз решил совершить свою обычную проверку в предутренний час, когда, как правило, охранникам труднее всего бороться с наваливающейся на веки липкой дремотой.

— Я и не думал спать! Клянусь Митрой!.. — Испуганный солдат, вскочивший со своей лавочки, изо всех сил таращил глаза, показывая, что сна нет ни в одном из них. — Я просто задумался и не расслышал ваши шаги! Они такие тихие!..

— Ты здесь не для того, чтобы думать! Ты должен не спускать глаз с опасного преступника, ни на миг не отворачиваясь и даже не моргая! А эт-то что такое?!.. — Указательный перст разгневанного начальника тыкал куда-то сквозь решетку клетки

киммерийца.

На глаза ему попалась кошка, яркой шерстью своей хорошо выделявшаяся на фоне тюремной серости. Если б Рыжик, лишь только заслышав звуки грозного голоса, сообразила шмыгнуть за спину Конана, зарыться в сенную подстилку, — никто бы ее не заметил. Но она заколебалась, промедлила — очевидно, бессонная ночь и усталость давали о себе знать, — и промедление это оказалось для нее роковым. Увидев, что ее обнаружили, она шмыгнула сквозь решетку, надеясь на быстроту своих лап, но не рассчитала. Начальник тюрьмы, окрыленный служебным рвением, молниеносно нагнулся и схватил готовящееся улизнуть животное за шкирку.

— Это?.. Это?.. — лепетал потный от страха охранник. — Это Ушлая, наша кошка… Она давно здесь живет…

— Кошка?! Живет кошка?.. И не где-нибудь, а в камере опаснейшего чернокнижника?!..

— Нет-нет! Она бывает во всех камерах… Она ловит здесь мышей… О, господин начальник, если б вы видели, как она выкладывает тушки мышей вдоль стен — то волнистой линией, то в кружочек!..

Кошка, зажмурив от ужаса глаза, повисла в руке начальника и даже не пыталась вырваться. Конан вспомнил, как девочка рассказывала, что от страха сама собой возвращается в человеческое состояние, и ему захотелось помолиться кому-нибудь из светлых богов, хотя прежде он никогда не имел подобной привычки.

Неуклюжие попытки солдата растрогать начальника описанием поразительных кошачьих достоинств достигли противоположного результата. Тот уже не кричал, но шипел, выкатив — глаза на лоб и покраснев так сильно, что казалось, вот-вот грохнется на каменный пол и забьется в припадке:

— Ты что?! Ты только вчера родился, безмозглый щенок?.. Ты разве не знаешь, что кошки — лучшие помощники колдунов?! Ты видел когда-нибудь колдуна или ведьму, у которой не сидела бы на плече черная кошка?.. О, идиот! Она выкладывает мышей в кружочек!.. А что еще она делает? Где эти мыши? Вы сожгли их?!..

— Но она же не черная… — продолжал оправдываться охранник, но совсем тихим, осевшим от ужаса голосом. — Она ничего не делает больше…

— Я вижу, она уже всех вас тут охмурила! Вовремя же я появился с проверкой! — Начальник протянул руку с обмершей кошкой по направлению к одному из сопровождавших его воинов, с тупым изумлением наблюдавшему всю эту сцену. — Возьми ее и тотчас же сожги на тюремном дворе! И не вздумай отпустить, слышишь? Это не простая кошка! Ее можно уничтожить только сожжением заживо, как и ее хозяина! Впрочем, нет, — передумал он, — ты, конечно же, ее упустишь. Она ведь может обратиться в твоей руке в змею, и ты завопишь от страха! Придется мне самому это сделать.

С торжествующей ухмылкой взглянув на узника, начальник сделал шаг по направлению к выходу. Медлить больше было нельзя. Конан напряг мускулы рук, собрав воедино все силы своего могучего и не слишком ослабленного долгим пребыванием в тюрьме тела. То звено в цепи на запястьях, которое некогда всю ночь пытались перепилить дети, он подолгу перетирал о каменный выступ стены за своей спиной. Он делал это потихоньку, очень осторожно, чтобы не заметил охранник, но зато каждый день. Теперь звено это лопнуло, и цепь распалась!

В уме киммерийца мелькнуло сожаление. Оно было мимолетным, но все-таки было: ведь он готовился разорвать свои цепи на площади, перед тем как его привяжут к столбу на

эшафоте. Вот тогда ему, быть может, удалось бы уйти!.. Сейчас же его немедленно закуют снова, и времени перетереть железо больше уже не будет.

С диким ревом варвар бросился на решетку своей темницы и стал трясти ее и разгибать прутья. Эффект был в точности такой, какого он ждал: ошарашенный начальник тюрьмы выпустил из рук кошку, один из охранников выронил копье с громким звоном, а второй стукнулся затылком о стену. Краем глаза Конан с облегчением увидел, что на этот раз Рыжик не стала медлить, но, промелькнув между ногами остолбенелых тюремщиков, подобно живому клочку огня, скрылась в одном из своих укромных ходов.

Несмотря на то, что девочка была теперь в безопасности, киммериец продолжал орать, как раненый слон, и сотрясать прутья. Пришедший в себя, наконец, начальник приказал солдатам — предварительно позвав на помощь троих товарищей — войти в клетку преступника, скрутить его и приковать к стене снова. Но приказать оказалось намного легче, чем исполнить. Лишь только открыли замок, как варвар навалился на дверь с такой силой, что едва не выскочил. Пришлось срочно задвигать засов снова. Казалось, тюрьма и скудная еда нисколько не уменьшили сил Конана, но, напротив, прибавили (что начальник тюрьмы склонен был объяснять для себя происками зловещей рыжей кошки). Толстенные железные прутья скрипели и прогибались под его руками. Лишь когда охранники, выстроившись в ряд вдоль клетки, стали отпихивать Конана от решетки остриями своих копий, он мало-помалу успокоился, отошел в свой угол и рухнул на гнилую подстилку.

Тем не менее, войти к нему в клетку и приковать никто не решился. Начальник ограничился лишь тем, что приказал сменять караул у камеры чернокнижника уже не восемь, а двенадцать раз в сутки и дежурить сразу по трое.

Поскольку за всеми этими треволнениями наступило уже утро, преданный слуга короля тотчас отослал Его Величеству срочное донесение. В донесении он умолял короля не тянуть больше с исполнением казни чернокнижника, разбойника и убийцы, Конана из Киммерии, так как промедление это чревато непредсказуемыми последствиями. В частности, этой ночью преступнику едва не удалось бежать нз тюрьмы. Это был бы третий случай за время ее многовековой истории, и, как и первые два, не обошлось без потусторонней помощи, осуществленной на этот раз посредством рыжей демоницы, обратившейся в кошку…

Глава восьмая

Конан не сомневался в том, что, демонстративно разорвав свои цепи, он приблизит, и очень существенно, день своей казни.

Получив послание начальника тюрьмы, король Фердруго велел не искушать больше судьбу, не испытывать терпение богов, которых не может не оскорблять столь длительная отсрочка заслуженной кары колдуна, и привести приговор в исполнение немедленно. Юный барон Кайсс подал ему глупый совет. Пребывание в темнице не ослабило дух узника, не наполнило его ужасом от бесконечного представления картин мучительной казни. Напротив, он чуть было не сбежал, применив свои колдовские умения! Нет-нет, казнить немедленно! Завтра!

Если б для казни не нужно было сооружать предварительно помост, ставить столб, собирать хворост — король приказал бы покончить с преступником прямо сегодня, так напугала его попытка побега. Как доверительно сообщила Илоис Ее Величество во время памятной для обеих аудиенции, король Зингары пуще смерти боялся и не любил колдунов и чернокнижников, так как верил предсказанию, сделанному ему в юности (одним из этой же братии, между прочим), что в преждевременной смерти его будет повинна черная магия. Все приготовления к казни было приказано совершать ночью, в полнейшей тайне, а саму казнь провести на рассвете, чтобы сообщники киммерийца — если они у него есть — не успели бы принять мер для его побега.

Король считал себя человеком сметливым и сообразительным. Порой собственная прозорливость искренне восхищала его и наполняла душу ребяческим ликованием. Так случилось и теперь, когда его посетила замечательная идея для пущей предосторожности доверить казнь не профессиональному палачу, занимающемуся этим делом чуть ли не с пеленок, но одному из своих придворных, тому, на кого наугад падет монарший выбор в решающий момент. Ведь в результате этой уловки у сообщников не будет возможности подкупить палача (а также отравить его, насыпать в еду снотворное или выкрасть). Также недурно и солдат, которые будут охранять киммерийца на месте казни, назначить в самый последний момент. И уж конечно, надо будет позаботиться, чтобы поблизости не оказалось ни одной кошки!

В то время как король Фердруго восхищался своей предусмотрительностью и отдавал подробнейшие распоряжения относительно завтрашней казни, капитан Горги вел переговоры относительно «Адуляра». Перекупщик, к которому он обратился, сколотивший себе солидное состояние на контрабанде товаров из Зингары в Аргос и обратно, смекнув, что деньги требуются как можно быстрее, назначил смехотворную цену, чуть ли не в два раза ниже реальной стоимости парусника. Проценты же назначил огромные. Разгневанный Горги хотел было хлопнуть дверью, оскорбившись за свой корабль так, словно тот был человеком, больше того, его другом, которого унизили в его присутствии. Но ему вспомнились настойчивые просьбы Шумри сегодня утром — заложить парусник за любую цену, так как чутье подсказывает ему, что казнь состоится скоро и они рискуют не успеть. Скрепя сердце Горги ударил с наглым контрабандистом по рукам, не решившись терять время в поисках иных, более порядочных покупателей. Правда, он обговорил за собой условие, что в течение одной луны имеет право выкупить «Адуляр» обратно.

Осторожный и хитрый матрос, которого капитан послал вчера к тюремным воротам, чтобы «вынюхать обстановку», вернулся с плохими вестями. Судя но всему, подкупить охрану будет очень трудно либо совсем невозможно. Солдаты запуганы до смерти и подозрительны, как сторожевые псы. Ему едва-едва удалось унести ноги…

С его словами неожиданно совпали невразумительно-слезные просьбы Рыжика не пытаться подкупить охранников и их начальство, вообще не приближаться к тюремным стенам, так как каждый подозрительный человек будет немедленно схвачен. Когда ошеломленный Шумри попытался выяснить, на чем основаны ее предостережения, девочка сослалась на сон, который ей приснился ночью, очень четкий и очень страшный.

— Мне приснилось, что я пробралась к Конану в клетку, тайно, — рассказывала девочка, взволнованно расширив глаза, — чтобы помочь ему убежать… И вошел какой-то человек, очень страшный. Сначала он кричал на солдат, что они заснули на посту, а потом увидел меня… О… Он схватил меня за волосы, это было так больно! — Она передернулась худеньким тельцем. — Он кричал, что сожжет меня, потому что я помогаю чернокнижнику… Он кричал, что всякий, кто попытается подкупить охрану, будет убит… Я уже думала, что не увижу вас больше — ни Волчка, ни тебя, ни маму… Но тут Конан очень громко закричал и стал трясти решетку своей клетки. Тот человек от страха выпустил мои волосы, и мне удалось убежать…

Шумри относился серьезно и к снам, и к предчувствиям, и к намекам судьбы, как к чужим, так и к своим собственным. (В этом он, несомненно, походил на королеву Зингарскую.) Поэтому слова дочери еще более усилили его беспокойство и тревогу, и без того сгущавшуюся с каждым днем.

Теперь у них было много денег, но на что их тратить, если подкуп невозможен?.. Горги недолго мучился с этой проблемой: пользуясь своими знакомствами в среде моряков, он договорился с одним из владельцев маленького баркаса, вручив ему крупный задаток, что в случае удачного побега киммерийца из тюрьмы тот доставит его вместе с друзьями в Аргос.

Также было куплено несколько отличных коней для тех, кто выразил желание принять участие в спасении киммерийца (среди них был и смешливый помощник капитана Мейч), несколько шпаг и мечей (для тех, кто любил и умел с ними обращаться). Не было забыто и об оружий для Конана. В коне он не нуждался, так как вряд ли можно было найти скакуна лучше его дареного вороного красавца.

После долгого дня, наполненного срочными делами, приготовлениями, сжимающей сердце тревогой, Шумри заснул очень поздно. Ему показалось, что всего лишь несколько мгновений парил он, отдыхая, в темных небесах сна, как был разбужен горячим детским шепотом.

— Проснись скорей! Проснись! — Рыжик трясла его за плечо.

Глаза ее горели зеленоватым огнем, и в первый миг, едва открыв веки, Шумри вздрогнул. Впрочем, страх был мимолетным, так как он давно уже заметил эту особенность взгляда дочери и привык к ней. Правда, на этот раз сведение было ярче, чем обычно. Возможно, причиной тому служило сильное волнение.

Приложив палец к губам, он соскользнул с постели, стараясь издавать как можно меньше шума, чтобы не разбудить Илоис. Выйдя за дверь с дочерью, он наклонился к ней и тихо спросил:

— Опять страшный сон?..

— Опять! — выдохнула она. — Мне снилось, что я побежала к тюремной площади,

было очень темно и поздно, совсем пустые улицы… Все вокруг спали, но с площади раздавался какой-то стук. Я подошла поближе и увидела, что какие-то люди машут топорами и что-то высокое, белое поднимается от земли…

— О, пресветлый Митра! Неужели они решили уже сегодня… — Не договорив, Шумри бросился одеваться.

— Я с тобой! — пискнула девочка, когда он, набросив на плечи плащ, шагнул к выходу.

— О, нет! Оставайся дома! Я только проверю твой сон и тут же вернусь.

Но Рыжик, не слушая возражений и запретов, вцепилась в его ладонь, и они вместе вышли на ночную кордавскую улицу. Было темно и тихо. Гулкие звуки их шагов эхом отскакивали от стен домов и заборов.

Прижимаясь к отцу, девочка оглядывалась по сторонам и ежилась от страха. Она жалела, что не может сейчас превратиться в быстроногий пушистый комочек. Быть маленькой и резвой кошкой совсем не страшно — ведь всегда можно скользнуть в дыру или подворотню, если почудится опасность. Быть девочкой намного труднее — не во всякую дыру пролезешь, не от всякого злого человека сумеешь убежать… Впрочем, злой человек схватил ее и едва не сжег именно в обличье кошки!

Уже на подходе к тюрьме стало ясно, что работают — при свете нескольких ярких факелов — плотники, и работают торопливо. Что-то высокое и белое, что рассмотрела девочка, когда прибегала сюда одна, рыжим отважным зверьком некоторое время назад, оказалось деревянным столбом, к которому обычно привязывают приговоренного к сожжению.

Глава девятая

Ее Величество королева Зингарская чувствовала себя отвратительно. Поскольку казнь чернокнижника была назначена на раннее утро, она не выспалась как следует и теперь позевывала, прикрыв вялый рот веером из белоснежных страусовых перьев. К тому же нестерпимо палило солнце, которому в этот час полагалось лишь слегка ласкать своими лучами пробуждающуюся землю. Даже кружевной зонтик, который держал над ее головой паж, не спасал от зноя и духоты.

— Не кажется ли вам, что сегодня необычайно душно? — пожаловалась она своему величественному супругу, застывшему по ее правую руку и, судя по багровым щекам и выражению муки в выпуклых глазах, страдающему от жары не меньше ее. — Нельзя ли поторопить палача и его помощников, чтобы закончить это все поскорее?.. Мне кажется, еще чуть-чуть, и я упаду в обморок.

— О да, неимоверная, поразительная духота! — важно согласился король. — Надо сказать, совсем не типичная для этого времени года. Но вот эта дымка у горизонта — видите? — она внушает надежду, что после полудня пойдет дождик и жара рассеется. Что же касается быстроты, то вряд ли могу вас обрадовать: палач неопытный. Быть может, не все у него получится с первого раза.

— Неопытный?.. — удивилась королева. — Но отчего же? Насколько я помню, наш палач успешно справляется со своими обязанностями вот уже двадцать пять лет.

— В том-то и дело, что сегодня у нас новый палач! — Король довольно хохотнул. — Я принял такие меры предосторожности, чтобы никто из сообщников преступника не мог его подкупить, а также усыпить или прирезать. Знаете, кто будет сегодня вершить казнь? Вот он! — Король указал пальцем в направлении богато одетого молодого дворянина, нервно переступающего с ноги на ногу у эшафота. — Я только недавно сообщил ему эту радостную новость, и он еще не может очухаться. — Король снова захохотал. — Это юный барон Кайсс! Тот самый, отца которого загубил чернокнижник своей магией! Это его люди поймали преступника. Так что право поджечь хворост он вполне заслужил. Представляю, как он благодарит меня сейчас в душе за то, что я дал ему возможность такой прекрасной мести!

Королева внимательно вгляделась в барона. Его юное лицо с черной полоской усов над тонкими губами подергивалось, но выражение его определить было трудно. Видимо, в душе барона столкнулись и закружились водоворотом два сильных, но несовместимых чувства: жгучее унижение от сознания того, что ему, отпрыску знатного зингарского рода, предстоит сейчас вершить на глазах у всего города низкое ремесло палача, и — не менее жгучая радость, что от его руки погибнет, в конце концов, злейший его враг, и погибнет мучительной смертью, вопя от боли и взывая к милосердию! Страсти сотрясали барона с такой силой, что он не мог стоять спокойно и то и дело принимался кружить на месте, словно исполняя ритуальный танец.

— Не думаю, что вы сделали правильный выбор, — с сомнением заметила королева, кончив разглядывать нового палача. — Ваше доверие так взволновало его, руки его так дергаются, что я бы поостереглась вручать ему факел. Он может промахнуться и поджечь не хворост, а… наш помост, к примеру.

Король оглядел помост, на котором они стояли в окружении лакеев и свиты. Он был

довольно близко от эшафота и вздымался над землей на высоту трех локтей, чтобы можно было хорошо рассмотреть все детали предстоящей казни. Перепутать его с хворостом и поджечь вместо последнего было бы затруднительно даже при сильном волнении. Впрочем, скоро до короля дошло, что Её Величество изволила пошутить, и он снисходительно раздвинул губы в улыбке.

— Не стоит беспокоиться, — с ласковой важностью заметил он. — Наш старый палач будет все время рядом, он поможет в трудную минуту советом или действием. Думаю, все будет как положено: быстро, поучительно, достойно. Но эта жара!.. Она стала еще нестерпимее! Меня томит тревога о вашем самочувствии. Не будет ли лучше, если вы покинете помост и сядете в свой паланкин? Мне кажется, под его крышей вам будет гораздо прохладнее.

Королева вздохнула и еще сильнее замахала перед лицом веером.

— К сожалению, я не могу этого сделать! Я обещала одной обнищавшей немедийской даме, что буду очень внимательно наблюдать за казнью и не пропущу ничего. Она подарила мне премилые камушки. Вот эти! — Королева коснулась синего ожерелья на своей шее.

Она прислушалась к совету Илоис, но лишь наполовину: платье на ней было темно-синим, но драгоценности — алмазы и аквамарины — обсыпали его так густо, что делали похожим на сверкающую кольчугу. Впрочем, синие камни не терялись в их блеске, напротив, цвет их казался сегодня особенно насыщенным.

— Не понимаю, какую связь имеют между собой какие-то камни и казнь! — пожал плечами король.

— Ах, конечно же, вы не можете этого понять, поскольку я вам ничего не объяснила!.. Эта нищая дама уверяла меня, что киммериец — не чернокнижник, что его оклеветали, что он великий герой, совершил много подвигов и его обожают боги! Представляете, она так и сказала: обожают боги! Разве можно казнить любимца богов?..

— Видимо, его бывшая любовница, — заметил король.

— Возможно, — кивнула королева. — Из всего видно, что у этого широкоплечего и статного красавчика было немало любовниц, и часть из них, без сомнения, проливает сейчас слезы. Но я обещала ей и не могу не сдержать слова! Я сказала ей, что боги никогда не оставляют своих любимцев в беде и посылают на землю недвусмысленные знаки. Знаете, как это бывает: вдруг на площадь вбегает белоснежная лань с золотыми рожками и склоняется у его ног. Или — в воздухе разливается чудное благоухание… Я обещала этой безутешной любовнице, что буду очень внимательна, чтобы не пропустить подобные знаки, если они появятся.

— Широкоплечий и статный красавчик, вы говорите?.. — переспросил король. Все, что касалось знаков, белоснежной лани и благоухания, видимо, не зацепило его внимания. — Н-да… Не сочтите это за обиду, но я бы не сказал, что ваш вкус отличается безупречностью. Статный красавчик! Подумать только! Статный красавчик…

* * *

Конан мучился от жары не меньше, чем сиятельные супруги. Хотя бы потому, что над

головой у него не было кружевного зонтика. Руки его были крепко прикручены к столбу, так что он не мог даже как следует выпрямиться и вздохнуть полной грудью. У ног был насыпан холм из тонких и толстых бревен и хвороста.

— Кром! — пробормотал киммериец, взглядывая на небо. — Солнце сегодня взбесилось! Лучше бы они сжигали меня ночью, а еще лучше — приговорили бы к утоплению в прохладной воде…

Ближайший к нему охранник, услышав эти слова, прыснул. Конан подмигнул ему и встряхнул головой, отгоняя от глаз бегущие со лба струйки пота.

Солнце было еще совсем невысоко, но слепило так, словно имело свой зуб на киммерийца, свои обиды и мстило теперь, превращая в ад последние мгновения его земной жизни. Его блеск отражался на наконечниках копий и лезвиях вынутых из ножен мечей двадцати солдат, ровным полукругом замерших на расстоянии пяти шагов от киммерийца и будущего костра. За спиной его высилась серая громада тюрьмы.

В трех шагах от эшафота переминался с ноги на ногу расфуфыренный красавчик, в котором киммериец с удивлением узнал пылкого Кайсса. С какой стати он стоит здесь?.. Неужели благородный нобиль решил стать добровольным помощником палача? На что только не толкает человека вожделение мести! Если б Кайсс стоял чуть-чуть поближе, Конан не постеснялся бы спросить у него, с какой стати знатный аристократ сторожит груду хвороста, но тот тщательно избегал взгляда варвара, как, впрочем, и всех остальных взглядов.

Несмотря на ранний час и небывалую жару, площадь была заполнена народом. Сожжение чернокнижника — не такое уж частое зрелище, даже для столицы. Обычно на этой площади вешали, рубили головы и четвертовали. Люди нетерпеливо переминались, вытягивали шеи и толкались, проклиная солнце и торопя палача.

Конан пробежал взглядом по толпе зрителей. Некоторые из них были знакомы ему по королевской службе. Возбужденные, раскрасневшиеся от духоты чужие лица… По правую его руку, очень близко от эшафота, четверо носильщиков держали нечто среднее между носилками и небольшим паланкином. Вглядевшись, киммериец узнал в распростертом на нем теле барона Ричендо. Один из носильщиков поддерживал ему затылок, чтобы тот мог как следует, не упуская ни одной детали, насладиться казнью врага. Глаза барона были мутны, лицо, как, впрочем, и все туловище, неподвижно. Он больше напоминал труп, чем живого человека.

Конан обратил взгляд в другую сторону. Сердце его радостно подпрыгнуло: светлые, спокойные глаза Илоис смотрели на него с еле заметной, ободряющей улыбкой. Она стояла почти у самого ограждения, мужественно выдерживая натиск давящей сзади толпы, и обнимала детей, прижимавшихся к ней с обеих сторон. Заметив взгляд киммерийца, Рыжик помахала ему, а ее брат, едва видимый от земли и то и дело встающий на цыпочки, с важностью кивнул растрепанной головенкой.

Шумри нигде не было видно. И это хороший знак! Значит, он с мужчинами, с найденным капитаном Горги и занимается мужскими делами. А какие иные дела могут у него сейчас быть, если не подготовка к побегу? И то, что Илоис взяла с собой детей — отличный знак! Значит, она уверена, что все кончится благополучно и он обретет свободу. Она никогда бы не допустила, чтобы на глазах детей разыгралась страшная драма казни через сожжение заживо.

Конан ощутил уверенность и спокойствие. Он перестал чувствовать режущие путы на запястьях. Гладкий, свежеоструганный столб уже не давил на затылок. Ему показалось, что и

взбесившееся солнце стало палить меньше, и прохладный ветерок плеснул в лицо, освежив разгоряченную кожу. Да нет, не показалось! Подняв голову, киммериец увидел, что солнце скрывается за тучей, стремительно набежавшей неизвестно из каких далей.

Палач, суетливый человек средних лет с озабоченно-деловой гримасой на невзрачном лице, закончил последние приготовления. Видимо, наступил завершающий акт действа. Откуда-то появился зажженный факел. Но взял его, крепко ухватив побелевшими пальцами древко, отчего-то не палач, но юный и нарядный барон Кайсс. Руки его так тряслись, что он едва не поджег полу своего расшитого серебром кафтана. Новоявленный палач повернулся и шагнул к вороху дров и хвороста.

— Так ты теперь служишь палачом, Кайсс?! — Конан изумленно присвистнул и расхохотался. — Поздравляю тебя!!! Фердруго оказал тебе большую честь!

Кайсс поднял голову, и глаза их встретились.

— Я вечно буду благодарить Его Величество за эту честь! — с вызовом воскликнул барон. — Нет большей чести для меня, нет большего счастья, чем своими руками отправить на Серые Равнины величайшего в мире негодяя и колдуна!

— Так отправляй же скорее! — крикнул Конан. — Не медли! Ты видишь — небо совсем заждалось меня! — Он показал подбородком вверх. — Грозный Кром хмурится!..

Кайсс горделиво выпятил грудь, расставил ноги и отвел назад локоть, стараясь придать себе позу эффектную и величавую, которая врезалась бы в память толпы на годы вперед. Нет, он вершит не низкую работу палача, во великую миссию карающего правосудия!..

— Не подожги сам себя, барон! — усмехнулся киммериец. — Ручонки-то твои трясутся!

Негодующе вспыхнув, Кайсс величаво вытянул вперед руку с факелом. Но вместо того, чтобы ткнуть горящим концом в хворост, он неожиданно дернулся всем телом и изогнулся назад. Под левой лопаткой барона в узорах серебряного шитья торчала рукоять ножа.

Потрясенный вздох пронесся по площади, и все головы повернулись назад. На крыше двухэтажного жилого дома, ближайшего к тюрьме, на расстоянии ста локтей от эшафота стоял человек. Лица его рассмотреть было невозможно, но было видно, что он высок, ловок и худ. Длинные волосы плясали за плечами от ветра. В ответ на изумленные взгляды толпы незнакомец помахал рукой и послал воздушный поцелуй королеве Зингарской.

Кайсс, пробормотав нечленораздельные проклятия, рухнул навзничь. Выпавший из руки его факел, воровато нагнувшись, подхватил палач. Не выпрямляясь и прячась за спины стражников, невзрачный человечек швырнул его в древесную груду. Сухие тонкие ветки запылали мгновенно…

Вышедший из оцепенения командир стражников отдал торопливый приказ, и половина из них, с копьями наперевес, бросилась к дому, с которого стрелял лихой незнакомец. Другая половина осталась сторожить киммерийца, пока еще вполне живого.

Конан, прищурившись, старался рассмотреть своего неведомого защитника, продолжавшего спокойно стоять на виду у толпы, оттягивая на себя всеобщее внимание. Кто это мог быть? Шумри?.. Нет, Шумри не стал бы стрелять в человека, даже в последнего негодяя, каким был Кайсс. Капитан Горги?.. Одновременно с этим он пытался высвободить свои руки из тугих веревок. Густой дым, поваливший от занявшихся веток, был весьма кстати: он в значительной мере заслонял телодвижения киммерийца от глаз толпы и охранников.

Правда, с помоста, где стояла королевская чета, его попытки высвободиться были отлично видны. Король Фердруго высоким от волнения голосом кричал начальнику стражи,

бессвязно и неразборчиво, тыча рукой вниз. Королева же во все глаза следила за захватывающим спектаклем, развернувшимся у ее ног. Пальцы ее теребили синие камни на шее, грудь бурно вздымалась и опадала. С замиранием сердца, не признаваясь самой себе, Ее Величество желала «широкоплечему и статному красавчику» успеха…

Дым выедал глаза и забивался в ноздри. Но это была ерунда — по сравнению с жаром, подымавшимся от языков пламени, выраставших все выше и выше… Привязан он был на совесть. Веревка, несмотря на нечеловеческие усилия, не отпускала запястий. Из-за дыма Конан не мог больше видеть незнакомца на крыше, но, судя по удаляющимся воинственным крикам и проклятиям солдат, он убегал, уводя за собой добрую половину охраны.

Вопли Фердруго возымели свое действие: оставшиеся солдаты сгрудились вокруг эшафота, угрожающе подняв копья. Самые ретивые приблизили острия их к его груди, невзирая на жар пламени. Палач, оттащив за ноги труп Кайсса в сторону, поворошил огонь, отчего тот взвился выше.

Порывы ветра, ставшего очень резким, то и дело относили столб дыма в сторону, пригибая его к земле. В один из таких моментов, когда едкая серая завеса отхлынула в сторону, Конан разглядел, как побледневшая Илоис прижала к себе головы детей. Он увидел также, как мальчик мягко вывернулся из-под ее руки и, пригнувшись, проскользнул куда-то вперед, в направлении эшафота.

Неожиданно что-то громко и раскатисто загрохотало в небе. В первый момент Конан даже не понял, что это гром. Он решил было, что друзья для его спасения придумали что-то совсем фантастическое и невероятное. Почти сразу за грохотом сверху обрушились безудержные потоки воды. Огонь зашипел, как клубок рассерженных змей, не желая сдаваться, но его сопротивление было сломлено хлесткими, как бичи из гиппопотамовых хвостов, струями за несколько бурных мгновений…

Конан с утроенной силой принялся высвобождать руки. Внезапно он ощутил на запястьях чье-то теплое дыхание. Он чувствовал, как острые зубы теребят веревку, перегрызая ее… Оглянувшись, киммериец разглядел за штриховкой дождя что-то серое и тощее, с прилизанной водой шерстью, с торчком стоящими острыми ушами…

Король Фердруго, заливаемый потоками ливня, потерявший корону и парик, смытые с головы, дергаясь в облепившей тело мантии, продолжал кричать. От ужаса, что опасному чернокнижнику удастся скрыться в этой стихийной и людской суматохе, гордо его перехватывало, и приказаний, отчаянных и визгливых, было не разобрать. Но голос его заглушили и перекрыли вопли Ее Величества. Столь же растрепанная и обезображенная водой, похожая на старую куклу, выброшенную ребенком в лужу, королева хватала своего сиятельного супруга за руки, закрывала ему пальчиками рот и истошно кричала:

— Знак! Знак! Знак!!!

Гроза не только затоптала огонь и посеяла панику. Изливаемая с небес влага божьего негодования была так обильна, струи так тесно примыкали друг к другу, что все вокруг подернулось плотно-серой пеленой. Ткань ее то и дело вспарывали лезвия молний. Каждая вспышка сопровождалась воплями и стонами ужаса.

Охранники, лишь только погас огонь, придвинулись к пленнику еще ближе, чтобы заколоть его копьями при первой попытке побега. Но дождь мешал им видеть, порывы ветра сбивали с ног, а частое сверкание молний наполняло суеверным страхом. Киммериец, освободившийся от своих пут с помощью смышленого и верного малыша, без труда выхватил копье у ближайшего к нему солдата, сшиб его с ног сильным толчком в грудь и спрыгнул с

эшафота.

Раскаты грома, всплески молний, неистовство ливня, пронзительные вопли короля и королевы, визги женщин, ржанье перепуганных коней… Казалось, весь мир вот-вот рухнет и превратится в обломки хаоса, со свистом носящиеся в пустоте. Но Конану была по сердцу эта музыка. Потрясая своим оружием, он несся вперед, сквозь разбегающуюся в панике толпу. Оглядываясь назад, он заметил, что на пути охранников, рванувшихся за ним в погоню, вырастают мужские фигуры в надвинутых на лица капюшонах, с обнаженными шпагами и мечами в руках…

Достигнув края площади, Конан приостановился на миг, раздумывая, в какую сторону ему лучше всего уносить ноги. Его колебания прервал грохот копыт вороного жеребца, вынырнувшего из-за поворота улицы. Его держал в поводу скачущий рядом всадник. За его спиной виднелось еще двое или трое верховых. Лицо всадника, резко натянувшего поводья в шаге от Конана, не позволял рассмотреть ливень, но голос его, голос!..

Уже через миг Конан, вросший в седло своего жеребца, уносился вскачь по улице, ведущей к порту. Позади него, прикрывая беглецу спину и то и дело оглядываясь, скакали трое мужчин, промокших до нитки и хохочущих, словно охмелевшие демоны.

* * *

Илоис, лишь только хлынул дождь и началась паника, отступила в сторону и прижалась к стене одного из домов, заслоняя собой дочь. Она очень тревожилась за сына, неизвестно куда подевавшегося, да так быстро, что она даже не успела его окликнуть. В такой суматохе маленького мальчика запросто могли сбить с ног, затоптать, покалечить… Она напряженно вглядывалась в мельтешение людей, но ливень не давал возможности рассмотреть хоть что-либо.

Перепуганные люди метались из стороны в сторону, словно ошалелые овцы. Носилки с бароном Ричендо были брошены наземь, и несчастный парализованный старик выкатился из них на булыжники мостовой… Королевская чета вместе с вымокшей до костей свитой спешно рассаживалась по каретам. Кучера еле сдерживали готовых понести лошадей…

Рыжик успокоительно поглаживала ладонь матери и что-то кричала, запрокинув голову, но что именно, за шумом и гамом было не разобрать…

Наконец ливень пошел на убыль, и ярость грома поутихла. Народ постепенно разбежался по домам, рассеялся, и площадь опустела. О недавнем зрелище напоминал лишь столб, но уже не белый, а потемневший и обугленный, так как в него вонзилась одна из молний, во множестве вспыхивающих тут и там.

— Хвала Митре, он ушел! — воскликнула Илоис и обняла щуплое тельце дочери. — Теперь они уже не догонят его… Но куда подевался малыш? Давай обойдем с тобой всю площадь. Быть может, он ушибся. Быть может, сидит где-то и плачет…

— Волчок никогда не плачет! — возразила девочка. Неожиданно она крепко сжала ладонь матери и спросила со страхом: — Что это?!

— Где?

Рыжик показала рукой на ярко-желтый светящийся шар величиной с большое яблоко

или маленькую дыню. Шар плыл в пяти локтях над землей, плавно покачиваясь и издавая тихое жужжание.

— О, пресветлый Митра! — выдохнула Илоис, испуганная не меньше дочери. — Это… это Оса Нергала!

— Оса Нергала?..

— Да… Я вижу ее первый раз в жизни. До этого только слышала от отца… Она убивает, но не всех. Лишь тех, кого сама выберет. Шумри тоже рассказывал мне о ней. Он говорил, что это такая молния… Но молния разит не глядя. Молния не зависает в воздухе, как живая…

— О, она очень красивая, мама! — воскликнула девочка. Илоис поспешно зажала ей рот и прошептала:

— Когда рядом Оса Нергала, нельзя говорить громко. Она может услышать и выбрать нас…

— Все равно она очень красивая, — прошептала девочка, освобождая рот. — И она, конечно, живая… Ты видишь, она смотрит на нас? Она слышит шепот так же хорошо, как и крик…

Светящийся шар застыл на месте и не двигался несколько томительных мгновений. Илоис казалось, что сердце ее грохочет громче всего на свете, и именно к этим звуках прислушивается Оса Нергала. Наконец зловещее золотое яблоко стронулось с места и, скользнув вдоль стены дома, скрылось за поворотом одной из улиц. Мать и дочь облегченно перевели дыхание.

— Вот это да! — раздался восхищенный голос Волчка, незаметно подобравшегося к ним со стороны эшафота и так же зачарованного молнией. — Хотите, я сейчас догоню ее, поймаю и подарю вам?

— Волчок! Ну, наконец-то! Я чуть с ума не сошла от страха за тебя!.. — Илоис, смеясь, горячо обняла сына, насквозь промокшего, как и они, но безмерно счастливого и гордого.

— Ну, так я поймаю?.. — Он попытался вырваться из рук матери, но она держала крепко.

— Это Оса Нергала! — наставительно сказала сестра. — Ее нельзя ловить! Она сама ловит и наказывает тех, кто ей не понравился!..

— Киммериец ушел! — крикнул мальчик, задергав ногами и стараясь высвободиться из слишком ласковых и сильных рук.

— Да-да, мы знаем! Мы все видели!

— А это вы видели? — Он поднял ладонь, и потрясенная Илоис взяла из его пальцев свое синее ожерелье.

— Откуда ты это взял?! Ты что, сорвал его с шеи Ее Величества?..

— Ну, вот еще! — Волчок обиженно мотнул головой. — Я его просто нашел! Там, под королевским помостом. Наверное, его смыло дождем. Там было еще много всяких блестящих камушков, но я взял только это. Потому что оно твое. Толстая королева не должна носить такие вещи!..

Глава десятая

Владелец баркаса, обещавший отвезти Конана в Аргос, отказался выходить в море, пока не кончится гроза. Пережидая ее в тесном трюме, Конан с двумя новообретенными друзьями и старым побратимом Шумри, раздевшись почти догола и разбросав мокрую одежду по полу, согревались пивом из очень кстати оказавшихся там бочонков. Немедиец то и дело поднимался па палубу и внимательно оглядывал берег, но все было спокойно. То ли солдаты также пережидали где-то небывалый для этих краев ливень, то ли охотились за сбежавшим преступником в иных местах.

— Но кто же все-таки метнул нож в моего старого приятеля Кайсса? — спросил Конан, переводя взгляд с Горги на Мейча и обратно. — Тебя, Шумри, в этом злодействе я подозревать не могу. Кто-то из вас двоих! Кто?

— Да какая разница! — рассмеялся Мейч, тряхнув мокрыми волосами. — Главное, нож попал точно по назначению! Гораздо интересней другое: кто разрезал твои веревки? Ведь мы не успели подкупить ни палача, ни охранников!

— Мы только собирались вплотную заняться твоими путами и прикидывали, как сделать это ловчее всего — глядь! — ты уже несешься во весь опор, ревя, как буйвол, и размахивая копьем! — добавил капитан. — Кто оказал тебе эту услугу?..

— Один мой маленький приятель, — ответил Конан. — Он просил пока не называть его имени… Но я не отстану от вас, пока не добьюсь ответа на свой вопрос. И знаете, почему? Если это ты, Горги, я пристану к тебе и буду надоедать до тех пор, пока ты не обучишь меня своему потрясающему искусству. Если это ты, Мейч, я сделаю в точности то же самое! Мне показалось, что грива у этого ловкого стрелка чересчур отросшая, — добавил он, взглянув на помощника капитана.

— Ну, конечно же, это был Мейч! — воскликнул Горги. — А искусству этому его обучили демоны, не иначе!

— Демоны! — согласился Мейч, рассмеявшись. — Я согласен обучить тебя, Конан, кое-каким их приемам, но с условием. Если ты в ответ поделишься секретом, как выходить живым из огня, сухим из воды и целехоньким из самой кромешной схватки!

— Ну, положим, вода промочила меня не меньше вашего! — возразил Конан. — А в схватку я ввязался бы с большим удовольствием, но какие-то ребята прикрыли мне спину и хорошо поддали охранникам вместо меня! Сдается мне, вы были знакомы кое с кем из этих ребят…

— Секрет Конана прост, — вступил в разговор Шумри. — Когда-то он уверял меня, что его любимый Кром, верховный бог киммерийцев, совсем не интересуется земными делами. Его, якобы, не волнует судьба его детей. Но я, чем дальше, тем больше сомневаюсь в этом! Кое-каким своим любимчикам суровый бог порой помогает. Чего стоит эта бешеная гроза в самый нужный момент!..

Конан хотел было возразить, но немедиец предостерегающе поднял руку. Ему послышались доносящиеся с берега голоса. Сделав знак товарищам не издавать ни звука, он осторожно поднялся на палубу.

Бешеная гроза кончилась. Молния больше не вспарывали тучи, ветер не завывал. Лишь дождь, потерявший весь свой запал, иссякнувший, слабый, шелестел по прибрежной гальке.

На берегу стояло трое верховых в тяжелых плащах и маслянисто блестевших ботфортах. Один из них держал в руке свиток и, прикрывая его от дождя полями своей широкополой шляпы, голосом профессионального глашатая декламировал, перекрывая шум прибоя и повернувшись лицом к застывшим у причалов судам:

— «…высочайше постановляет: Конана из Киммерии, приговоренного к казни через сожжение заживо за чернокнижие и убийство, — помиловать. Согласно воле пресветлого Митры, явленной принародно, все обвинения с него сняты, и он восстановлен в своем прежнем чине капитана на службе Его Величества короля Фердруго. Всем слышавшим этот указ вменяется в обязанность…»

— Клянусь Кромом! — воскликнул киммериец, неслышно вынырнувший из трюма и выросший за спиной Шумри. — Я сошел с ума, или мне просто послышалось? Пресветлый Митра принародно велел меня помиловать? А где же я был при этом? Хотелось бы взглянуть в лицо славного божества!..

Шумри повернулся к нему, смеясь. Горги и Мейч, также выползшие из трюма, грязные и полуголые, оцепенело смотрели то на глашатая, важно сворачивающего свиток с немыслимым указом короля (если точней, королевы!), то на обнявшихся и хохотавших друзей.

Затем они принялись отплясывать, все четверо, стуча босыми ногами, оскользаясь на мокрой палубе, упоенно перекрывая шум дождя разудалой пиратской песней… Захмелевшие демоны, да и только!

* * *

Конан с трудом заставил себя взяться за бронзовое кольцо и три раза ударить им в дверь. Такую знакомую дверь дома, где он провел не один день, чей хозяин был одним из самых близких и верных его приятелей… Впрочем, вряд ли герцог Гарриго остался его приятелем: ведь он даже не был на тюремной площади два дня назад, хотя не мог не слышать о предстоящей казни. Как и большая часть прежних его друзей… Почти все отвернулись с презрением от чернокнижника, загубившего своей неприкрытой магией достопочтенного барона.

Но он должен встретиться с герцогом, как бы ни было тягостно беседовать с ним. Быть может, ему удастся хоть немного поддержать его в страшном несчастье. (О, Кром! Как будто кто-то может в этой ситуации помочь или поддержать?..) К тому же еще одно дело, не слишком приятное, но очень конкретное и неотложное, требует немедленной беседы с ним.

Лакей, открывший дверь и впустивший киммерийца, которого хорошо знал в лицо, был весь в черном. Склонив почтительно голову, он тихо произнес, что герцог находится в большом горе и никого не принимает. Почтенный капитан Конан может оставить ему свое сообщение на словах либо записать на специально приготовленном куске пергамента.

Конан отстранил рукой протягиваемый ему пергамент, а вместе с ним и лакея. Не обращая внимания на протестующие и испуганные возгласы, он двинулся вглубь дома, хорошо ориентируясь в знакомой обстановке.

Дом был полон скорбной тишины. Попадавшиеся навстречу слуги в черных одеждах

больше напоминали бесплотные молчаливые тени, чем людей. Зеркала были занавешаны темным бархатом. Несмотря на дневное время, всюду горели свечи, а окна скрывали тяжелые шторы.

Распахнув дверь в гостиную, Конан приостановился у порога. Герцог Гарриго в полном и торжественном одиночестве стоял у низкого стола красного дерева, на котором лежала его мертвая дочь. Зингелла была в белоснежном длинном платье. Ее густые черные волосы переплетались со стеблями лилии, издававшими нежный аромат. Горящие высокие свечи окружали голову, создавая некое подобие светящейся короны… Не отрываясь, герцог смотрел в недвижное, белое, как алебастр, и удивительно прекрасное лицо. Никогда при жизни девушка не была такой красивой. Жесткие складки у губ исчезли, сами губы чуть приоткрылись и не были больше ни надменными, ни капризными. Лицо выражало покой и легкое, еле заметное удивление. Казалось, перед своей гибелью девушка поняла что-то очень важное, что усмирило ее буйную, мятущуюся душу. Поняла, но не до конца, что-то еще осталось непроявленным, тайным, маняшим…

— А, это ты, Конан, — произнес герцог, когда киммериец подошел к нему и остановился возле.

Он не обернулся на его шаги, даже не повернул головы в его сторону, и непонятно было, каким образом он узнал приятеля.

— Да, это я, — отозвался Конан. — Я пришел, чтобы…

— Не надо, — перебил его герцог. — Не надо слов. Ты пришел, чтобы постоять здесь рядом со мной и посмотреть на нее. Спасибо.

Взглянув на Гарриго, Конан с удивлением отметил, что герцог выглядит намного лучше, чем тогда, когда он видел его в последний раз. Он уже не казался ни больным, ни издерганным, ни постаревшим. Лишь сильная бледность да странная неподвижность черт лица отличали его от того, прежнего Гарриго, которого киммериец знал всегда.

— Я рад, что ты жив, — сказал герцог. — Что ты в очередной раз вырвался из когтей смерти. Я слышал, что тебя спасла гроза.

— Меня спасли мои друзья, — ответил Конан. — Но и гроза помогла, это правда. Король Фердруго увидел в ней знак, посланный Митрой.

— Вот видишь, как бывает. — Герцог покивал головой. — Гроза помогла сохранить твою жизнь, и она же… она отняла жизнь у моей девочки.

Конан не нашел, что ответить. Повисла тишина, нарушаемая лишь треском плавящегося воска. Спустя какое-то время, показавшееся киммерийцу страшно долгим, герцог заговорил снова. Голос его зазвенел неожиданно горячо и громко:

— Она солгала! Она солгала, та проклятая старуха! Ты видишь?..

— Ты о чем? — не понял Конан.

— Молния не спалила ее, не сожгла, не надругалась над ее красотой! Ты видишь?.. Она стала еще прекрасней, моя Зингелла! Молния, сама молния влюбилась в нее! Она тихонько поцеловала ее в сердце, и все. Ни одна ресница ее не оказалась опаленной!..

Черные глаза Гарриго пылали странным торжеством. На щеки его вернулся былой румянец.

— Да, она ослепительно хороша, твоя Зингелла, — тихо произнес киммериец.

— Хочешь знать, как это произошло? — Герцог повернулся к нему, впервые за все время беседы. Горящие глаза его, казалось, прожигали насквозь. Голос был взволнованным, но неторопливым. — При первых же звуках грома я схватил ее за руку и мы быстро спустились

в подвал, самый глубокий подвал в доме, без единого окошка или трубы. Я заранее позаботился о том, чтобы это место служило ей убежищем во время грозы. Мы зажгли свечи. Я читал ей вслух, чтобы моей девочке не было так страшно. Она была очень бледной и вздрагивала от каждого удара грома… Я налил ей вина, чтобы укрепить ее силы. Я рассказывал ей смешные истории, чтобы отвлечь от тягостных мыслей… Когда звуки грома перестали быть оглушительными и превратились в глухой рокот, похожий на рычание насытившегося зверя, она стала смеяться моим историям. Потом она сама захотела рассказать мне что-то, бесхитростное и забавное…

И в этот момент появилась она. Оса Нергала… Она прошла сквозь каменную кладку. Она прожгла насквозь камень толщиной в локоть. Она громко и гневно жужжала и так светилась, что заболели глаза. Она была совсем круглая и не слишком большая, не больше моего кулака… Она плыла над полом, и хотя глаз у нее не было, но она смотрела на нас. Она нацелилась на нас, вернее, на мою девочку… О, Конан, я ничего не мог сделать, хотя меч мой был при мне! Я заслонил собой мою дочь и взмахнул лезвием, стараясь рассечь ее пополам. Она стремительно увернулась от моего удара и — так быстро, что я не успел даже снова поднять меч — скользнула мне за спину. Зингелла вскрикнула. Она вскрикнула только один раз, Конан, и совсем тихо. Молния не причинила ей боли — так потрясла ее красота моей девочки. Она только поцеловала ее в сердце. Прожженное платье и красное пятнышко под левой грудью — вот и все… Тогда я крикнул ей, чтобы она взяла и мою жизнь тоже, но ее уже не было. Я не знаю, куда она подевалась. Может быть, вылетела в ту же дыру, прожженную ею в камне. Может быть, умерла. Ведь осы умирают после того, как жалят. От нее ничего не осталось, только в воздухе запахло какими-то незнакомыми цветами…

Гарриго отвернулся от него и вновь обратил взор на светлое лицо дочери. И опять они долго молчали. Конану показалось, что выражение лица Зингеллы изменилось, словно она слушала их разговор. Оно больше не было удивленным, но погрузилось в полный покой. Впрочем, все это ему могло и померещиться в неверном мерцании свечей.

Гарриго снова нарушил молчание:

— О тебе ходит много легенд, Конан. И одна из них — что ты побывал на Серых Равнинах. Это правда?

— Да, — с неохотой отозвался Конан.

— Ты не мог бы сказать мне, как там?.. О, всего лишь два слова, не более!

— Там довольно уныло, — честно ответил киммериец. — Хотя те, кто поглощен друг другом, наверное, не скучают. Там ничего не болит, даже самые глубокие раны. Там не хочется есть и пить.

— А как они выглядят… тамошние обитатели?

— По-разному. — Киммериец пожал плечами. — Некоторые совсем прозрачные. Другие — почти как мы с тобой. Честно говоря, я был рад, когда выбрался оттуда обратно. Но ты не грусти, Гарриго: мне сказали, что есть и другие миры, куда попадают после смерти. И там веселее!

Гарриго благодарно кивнул, не отрываясь от лица дочери.

— Ты извини меня, — начал Конан с несвойственной ему нерешительностью в голосе. — Но я пришел к тебе еще по одному делу. Мне срочно нужны деньги. Мои друзья, чтобы спасти меня, заложили свой парусник. Теперь нужно выкупить его назад и очень быстро, а перекупщик, жирная крыса, назначил огромный процент. Я прошу у тебя только в долг. Король снова принял меня на службу, и я сумею расплатиться с тобой очень скоро.

— О чем ты говоришь, Конан? — спросил Гарриго бесстрастным голосом. — Ты расплатился со мной на много лет вперед. Ведь это по моей просьбе ты отправился к магу, который заколдовал тебя.

— О нет, маг тут ни при чем! — поправил его Конан. — Это постарались его дочки.

— Пусть так. По моей вине ты вернулся оттуда не таким, каким уехал. По моей вине тебя чуть не сожгли на тюремной площади два дня назад. И я, как презренный трус, не посмел даже явиться туда и посмотреть тебе в глаза напоследок. О каких деньгах ты говоришь, Конан? Возьми все мои деньги, возьми насовсем! Я дам тебе ключи от моих сундуков с золотом. Все равно они не понадобятся мне: я не проживу долго. Серые Равнины притягивают меня, как ни одно место в мире. Я думаю, ты ошибся, Конан, или плохо разглядел их. Там должно быть прекрасно, Конан. Там должна звучать дивная музыка…

Глава одиннадцатая

Палуба «Адуляра» покачивалась под ногами. Легкий бриз наполнял паруса, вспенивал барашки на загривках невысоких волн. Конан, раскинувшись прямо на светлых досках кормы, дышал полной грудью, как будто хотел проветрить легкие от спертого тюремного воздуха, застоявшегося в них. Шумри перебирал струны своей лютни, наигрывая без слов что-то светлое и бесхитростное, как ветер, шевеливший его отросшие в нечесаные волосы. Илоис, обняв прижавшихся к ней детей, смотрела на бескрайние холмы воды с мириадами прыгучих солнечных бликов.

— Неужели вы решили бросить свой замечательный остров и вновь отправиться в плавание? — спросил Конан. — И снова на семь лет?..

— О, нет! — рассмеялся Шумри. — Семь лет Илоис не выдержит. Мы поплаваем совсем немного. Тряхнем стариной, вспомним прошлое. А потом Торги отвезет нас к устью Громовой, и мы вернемся домой. Мне не хотелось бы надолго покидать наш остров. Душа моя — там. Когда-нибудь именно оттуда я начну свое новое странствие. Но уже — по иным мирам…

Его зеленоватые глаза приняли мечтательное, нездешнее выражение.

— Вечный бродяга Шумри!.. — усмехнулся Конан. — А как же «Адуляр»?

— «Адуляр» теперь принадлежит Горги, — сказала Илоис. — Они очень подходят друг к другу — наш быстрый корабль и наш славный капитан. Горги клятвенно обещал время от времени навещать нас на нашем острове. А через четыре года он обещал взять с собой в плавание наших детей. Быть может, им понравится бороздить моря и они не захотят в жизни ничего другого.

— Ну, это вряд ли! — засомневался киммериец.

— Почему? — удивилась Илоис.

— Да потому, что тут нет леса, деревьев, всяких там мышей и запахов… — Конан, не договорив, поморщился от неожиданной и резкой боли в плече.

Заведя назад руку, он ухватил за воротник тайком прокравшегося за его широкую спину Волчка. Острые зубы его, надо сказать, умели впиваться не только в веревки…

— Что случилось? — забеспокоилась Илоис. — Что ты хочешь от Конана, малыш?..

— Он хочет немного поразмяться и помериться силами, я думаю, — ответил киммериец, незаметно ущипнув кусачего звереныша за ухо.

— Так побегайте с сестрой на палубе! — предложил сыну Шумри. — Полазайте, покувыркайтесь. Только за борт не свалитесь!

Дети с готовностью вскочили на ноги и пустились наперегонки по светлым скрипучим доскам. Проводив их глазами, Шумри снова коснулся струн.

— Да, наверное, море никогда не будет для них таким же родным, как лес, — согласился он задумчиво. — Ведь с рыбами не поболтаешь так же легко, как с бабочками или с ужами. А чтобы сорвать какую-нибудь целебную травку, придется нырять глубоко-глубоко… А запахи!.. Знаешь, я временами жалею, что мне суждено прожить человеческую, жизнь, а не звериную.

— Это еще почему? — удивился киммериец.

— Да… так просто не объяснишь! Вот послушай, какая песенка сочинялась недавно.

Прокашлявшись, он запел, посматривая то на Илоис, то на Конана грустно-лукавыми глазами:

Мне бы родиться зверем, в мягких неслышных лапах.

Я бы не стал выдумывать, для чего мне всучили жизнь…

Среди родной зелени гибкое тело прятать,

Глазами смотреть умными и теплым хвостом крутить.

Честной борьбой за место под благосклонным солнцем

Я б уважать заставил окрестное все зверье.

И никогда не стал бы, ну не жалел нисколько,

Что не людская кожа греет сердце мое.

А вы бы, содравши кожу, вместе с густой шерстью,

И спровадив на мясо тело мое, но не суть! —

Вы б ни за что не поняли, что мой конец — весел,

Искренен, зол и ясен, как весь мой недолгий путь.

Весел, как всплеск рыбины, как круглая рана в грудь…

— Да уж, круглая рана в грудь — куда как весело! — усмехнулся киммериец. — Помнится мне, прежде ты сочинял другие песни.

— Старею, видимо, — вздохнул Шумри.

— Скорее, это кое-чье влияние, — заметил Конан. — И я даже догадываюсь, чье.

* * *

Набегавшись и наигравшись, дети стояли на корме, держась за поручни и серьезно вглядываясь в морской простор и узкую полоску далекого зингарского берега.

Конан хотел было неслышно подкрасться к ним, но они почуяли его шаги и обернулись.

— Ты зачем укусил меня, дикий зверь?! А?.. — Киммериец схватил мальчика за плечи и приподнял над палубой. — Сейчас ты узнаешь, в какую ярость приводят меня волчьи укусы! Ну, берегись теперь!..

— А ты… А ты зачем хотел выболтать им нашу тайну?! — кричал в свою очередь мальчик, дергая ногами и пытаясь вырваться. — Ведь ты же клялся! Клялся!..

— Да-да, ты клялся! — поддержала брата девочка. — Я сама слышала! Теперь твой бог накажет тебя!

— Во-первых, я не собирался ничего никому выбалтывать! — заявил Конан и поставил мальчика на палубу. — А во-вторых, неужели вы думаете, что они до сих пор ни о чем не догадываются? Почему вы считаете своих родителей полными идиотами?! Шумри, конечно, сумасшедший, но не идиот.

— Они ничего не знают! — упрямо помотала головой девочка. — И не узнают никогда, если только ты не расскажешь им!

— Послушали бы вы песню, которую он спел только что, — вздохнул Конан, утомившись от их бессмысленного упрямства. — Он сам мечтает стать таким, как вы, а еще лучше — полным зверем.

— Знаешь, что? — доверительно сказала Рыжик, взяв его за руку. — Когда мы только встретились с Волчком в Боссонских болотах, мы договорились с ним, что поживем с Илоис и Шумри год или два, а потом убежим и будем разыскивать деревню хэйкку в глухих лесах. Мы долго мечтали об этом и спорили, куда лучше бежать в первую очередь. А потом… Потом мы привыкли к ним. И сейчас уже не хотим искать деревню хэйкку.

— Ну и прекрасно! — сказал Конан. — Я рад за вас, что вам не придется шататься по лесам и болотам.

— Но если ты им расскажешь!.. — выдохнула девочка и посмотрела на него грозно-умоляющими, огромными, как две зеленые луны, глазами.

— Клянусь Кромом! — торжественно произнес киммериец. — Ни слова. Никогда-никогда!

OCR: Alex Mustaeff

WWW.CIMMERIA.RU